

ЮВАН
ШЕСТАЛОВ
СНАЧАЛА
БЫЛА
СКАЗКА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Юван
Шесталов

СНАЧАЛА
БЫЛА
СКАЗКА

ЮВАН
ШЕСТАЛОВ

СНАЧАЛА БЫЛА СКАЗКА

ПОВЕСТЬ,
СТИХИ, СКАЗКИ, ЗАГАДКИ,
ПЕСНИ

Ленинград «Детская литература» 1984

С(Сиб)2
Ш 51

Рисунки А. Коковкина

4803010102—159
Ш——————— 438—84
М101(03)—84

КОГДА ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ

Мы с мамой приехали в Квайка-я. Квайка-я — дедушкина деревня. И бабушкина тоже. Радовался я встрече не только с ними, но и с кедрами. Кедры рядом с избушкой стоят. Высокие, как богатыри. Сердятся, когда подует ветер. Шумят. Укрывают дедушкину избушку от холодного северного ветра. А от солнца не закрывают. Молчат, когда солнце. Слушают. Смотрят. На меня с удивлением смотрят. Откуда, мол, такой шустрый приехал. А я приехал из отцовской деревни Хомрат-павыл. Наша деревня большая, колхозная. Много домов. Правда, снегу больше. А Квайка-я — деревня маленькая. Несколько избушек. Избушки будто в снег вросли. Над снегом дымки. Колышутся. Живые, тёплые. А кругом мороз. И большие звёзды ночью. Больше никаких огней. А в колхозной деревне Хомрат-павыл есть большой дом с большими окнами. Вечером эти окна светятся ярче звёзд. Школа-интернат. И весело там! Всех ребят собрали туда. А меня не взяли. Все мои беды начались с осени.

ИДЕТ ОСЕНЬ

Вода большая ушла. Река стала узкой. Берега будто выросли, стали высокими.

Цветным осенним светом смотрят берега. Куда ни кинешь взгляд, радуга играет. Багровым, золотистым, бурым, зелёным, голубым, белым, серебристым осенним светом светится земля.

Земля глядит разноцветными глазами созревшей морошки, голубики, брусники. Косогоры цветут разноцветьем сы-

роежек, волнушек, подберёзовиков, маслят. Каждый листочек, каждая травинка наперебой хотят показать свою красоту.

Кончается лето.

Идёт осень.

С места на место перелетают совы с совятами. Совята кричат, просят есть. Совы хищно высматривают уток, куликов, чаек.

Чайки, кулики, утки поднимаются на крыло и учатся летать.

Идёт осень. Дни короче. Ночи темнее. Холодные утренние росы. Кончилось лето.

Идёт осень. Идёт осень по реке.

Густым туманным утром не видно ни берегов, ни воды, ни неба. В молочной туманной пене летящие гуси кажутся крылатыми чудовищами. Шум, гвалт над водой.

Гуси поднимаются стаей, вытягиваются клином, собираются в полёт.

По низким берегам вышагивают гусиные выводки. Молодых не отличить от взрослых. Большими стали малыши. И всё же можно отличить большого от малого.

Вот гусь-отец и гусыня гуся́-сына учат против ветра взлетать, чтобы знать си́лу ветра.

Гуси учатся летать.

И не только гуси. На обрывистом берегу сидит птенец сапсана. Хоть маленький, а сидит соколом. Вот он расправил крылья, оттолкнулся лапами и устремился вниз. Полетел.

Приземлился. Немножко неудачно приземлился. Кувырком через голову. Ничего! Научится! И соколу надо учиться...

А меня учиться не взяли.

Пришла осень. Закурил дедушка Север трубку. Потянуло хмарью. Дохнуло холодом. Пошли дожди. Зану́дил ветер.

Разыгрались волны на реке. Потускнели краски. Пожухла трава. Опала наземь листва. Засеребрились от изморози косогоры. Зазвенели на озёрах корочки льда.

И огласилась земля прощальными криками гусей, лебедей, уток.

Кончается северная осень. Птицы устремились на юг. Летит с облаками косяк за косяком.

Со свистом над водой проносятся гагары. Над песчаными берегами перепархивают стайка за стайкой пуночки, подорожники, снегири, рогатые жаворонки. Летят чайки, канюки,

сапсаны. Лебеди-кликуны, журавли-стерхи летят, махая белыми крыльями.

Белый лебяжий пух сыплется с белых крыльев. Белым лебяжьим пухом покрывается земля.

Пришла осень.

Ребята идут в школу.

Да. Все мои беды начались с осени. Сначала осень была как все осени. Птицы собирались в стаи. И жёлтый песчаный берег, и серебряный плёс становились по утрам чёрными от уток и гусей. И небо темнело, когда стаи поднимались на крыло. Покружившись вокруг плёса, над лесом, над берегом, птицы снова льнули к земле. Будто они кого-то искали, зовя его в свою стаю. Мои товарищи тоже казались другими. В эту осень они собирались не на охоту. Самый большой дом с самыми светлыми окнами стоял на краю деревни. Школа. Там есть горн — труба, серебряная. Флаг красный. А ещё — учительница. У учительницы — книги. С картинками. И вот вместе с ребятами пошёл и я в большой светлый дом, где есть серебряный горн, красный флаг и книги.

Всех ребят собрали туда. А меня не взяли. Мало того: отправили в дедушкину деревню, в глушь. В наказание. Что же я такого сделал?

И вот я стою на снегу. Сквозь сугробы облаков вдруг появляется небо. Большое вечернее небо. Яркая заря над застывшей снежной пустыней. В темнеющей стороне неба звёзды. Их отблески застывают на снежных волнах. Снежные волны мертвы. В лунном свете мерцает вдали белый лес. И карликовое деревце белое. Рядом с деревцем стою я. Моя меховая малица тоже белая, заиндевелая.

Охваченное стужей, потрескивает карликовое деревце.

Ночь... Яркие капли звёзд во мгле. В этой звёздной темноте брызнул луч и заколебался.

Второй, третий вспыхнул рядом... Четвёртый...

Вздрогнул, изогнулся, наливаясь ярким светом... Нежно-зелёный, синий, жёлтый, красный луч, серебристый иней...

Лучи разгорелись лучиной... Заколебалось, задрожало пламя...

И над синими снегами загорелся костёр. Большой костёр, яркий, радужный костёр. Выше леса, гор выше...

Горит небесный костёр. Горит, но не греет.

Небо красноватое играет —
Будто там бруснику собирает.
Мажет ею огненные тучи
Ставший на дыбы медведь могучий...
Пляшет золотистыми столбами,
Плещется искристыми цветами
Над землёю радужное пламя.

Мёртвые волны снега. Холодный свет неба. Тихо. Тяжкий вздох осевшего сугроба. И снова тихо. Хрустальный воздух, звенящая тишина. Кажется, ещё мгновение — и я навеки оглохну, онемею, замру...

Я слышу, как во мне всё замерзает. Ещё мгновение — и я сольюсь с белым снегом, с ночью, стану льдом... Лишь глаза мои не мёрзнут.

Ночь. Полярная ночь...

Кажется, тьма родила меня, и этот снег, и звёзды, и людей...

Кажется, до самого сердца мы пронизаны мраком и мысли людей сумеречны.

И лишь северное сияние как озарение...

Но, вслушиваясь в себя, вглядываясь в лица друзей, я вижу: сквозь мрак холода пробивается волшебное свечение человеческого дыхания и света, радостного света.

Небо и земля. На земле снег. На снегу я. Я не одинок. У меня есть друг. Мой друг — собака.

Когда на лыжах я в тайгу
Иду под снегопадом,
Четыре лапы на снегу
Со мною мчатся рядом.
Когда врага почует вдруг,
Рычит и огрызается.
А если к ней подходит друг,
Глазами улыбается.
Другу верному верна...
Угадай-ка: кто она?..
— Собака!

* * *

У кого зимой и летом
Нос всегда холодный?
— У собаки.

«Кхе! Кхе! — заскрипел пень, сбрасывая снег. — Я Танварп-эква, щекочу непослушных детей по ночам. К непослуш-

ным у меня нет никакой пощады. А ты мальчик, который должен бояться меня».

Собака Ханси сияет глазами, смотрит на меня, словно успокаивает: «Ты не бойся Танварп-эквы. Она из сказки, из злой старой сказки, легенды. А легенды придумали люди. И людей надо заставить забыть злые сказки».

У меня есть ещё дедушка Ась-ойка и бабушка Анеква. И братишка Кирилл, тётин сын. Хотя мама у него другая, бабушка и дедушка у нас общие. И мы братья. Мы всё время вместе. Вместе играем, едим, растём. Иногда ссоримся. Но больше играем.

А ещё играет с нами соседская девочка Агирись. И где же они запропастились? Почему они не смотрят игру небесного огня — северное сияние?

— Где вы? — кричу я. — Небо горит красивым огнём! Смотрите!

Распахивается дверь соседской избушки. Оттуда бегут Агирись с Кириллом. Смотрят молча. Удивляются молча. Завидуют мне. Как же они раньше меня не заметили северного сияния!

Теперь они делают вид, что ничего особенного нет в северном сиянии.

— Пылает огонь, а холодно! — роняет как бы между прочим Кирилл.

— Почему горит огонь, а тепла нет? — спрашивает Агирись.

— Не знаю.

— А, не знаешь. Так пойдём в избушку. Там огонь не такой красивый, но тёплый.

— И дедушка скажет, почему небесный не греет, — поддержал Кирилл.

Хищная и яркая,
Словно волчий глаз,
Глядит звезда Полярная...
Морозит нас.

* * *

О сиянье северного неба,
Не красуйся ты холодным светом.
Лучше обернись скорее в солнце,
Растопи недвижность льда и снега,
Людям возврати живую воду.
И тепло, и тёплый-тёплый свет...

— Пойдём, пойдём к домашнему огню! — кричат ребята. — Дедушка ещё сказку скажет.

Разве устоишь перед настойчивостью Агирись... И мы весело бежим к избушке, к дедушкиному очагу.

У вашего огня погреемся,
Погреемся.
Рыбки поедим,
Чайку попьём.
У нашего огня
Повеселимся.
Друг друга посмешим.
Песни попоём.
Да будет высоким
Ваш огонь.
Да будет весёлым
Наш огонь!

Мы вбежали в избу. Повеяло теплом огня и лаской бабушкиных рук...

Бабушка помогла мне снять малицу. Стянула с ног кисы. Подала мне мягкие оленьи тапочки, а на спину накинула халат из шкуры молодого оленя... У бабушки длинные, до пола, косы. Косы у неё не простые, а звенящие. На них много звенящих медных побрякушек, колец, монет. Бабушка моя всегда возится у чувала. То снимает чайник с кипящим чаем. То навешивает медные котлы над пляшущим пламенем.

В дремучем лесу
Котёл кипит.
Огонь не горит,
А котёл кипит.
— Это муравейник
Муравьями кишит...

У огня мы всегда играем в загадки. Сегодня моя очередь загадывать первым.

В углу избы с четырьмя углами
Стоит женщина в шубе из стерляжьей кожи.
Если замёрзнешь,
Она согреться поможет.

— Чувал. Кто этого не знает! Загадал бы настоящее загадочное, — с укором говорит мне Агирись.

Юрта дедушки была особой, не похожей на наш новый дом, который построил колхоз. В нашем доме—русская печь, сложенная из кирпича. А здесь печь — чувал. Сделана она из прутьев, замазанных глиной. Стоял чувал в правом углу юрты, рядом с дверью. Чувал круглый. Труба его широкая.

Когда не горит огонь, можно видеть звёзды. Одна сторона чувала открыта. И когда горят в нём дрова, то не только тепло, но и светло. Чувал ещё называют камельком, огневищем. Хорошо сидеть у горящего камелька и загадывать загадки.

В горячем море,
В туманном просторе
Богатыри в шлемах
Остроконечных скачут...
— Это значит — закипел котёл.

* * *

Через горячее море
Над туманным простором
Чёрный соболь скачет,
Выгибая чёрную спину.
— Ручка котла,
Большого медного котла,
Висящего над огнём.

* * *

Четыре девочки,
Четыре чёрные подружки
Покрылись одной шалью...
— Ножки столика,
Низенького столика,
Как дружные подружки,
Покрылись одной шалью —
Скатертью волшебной.
И крепко стол стоит,
Кушаньями на нас глядит.

— Не пора ли, ребята, и вам за стол? — весело говорит дедушка. И мы садимся за низенький столик, подобрав крест-накрест ноги.

А на столе большая деревянная чаша. На днях её вырезал дедушка. Новая чаша, а еда в ней старая. Не конфеты, не сахар, не масло, не хлеб в ней лежали. Всё это у нас кончилось. В чаше лежал обыкновенный ёхыл — сушёная рыба. Хотя и надоела она нам, а есть-то хочется. Жадными глазами смотрим на ёхыл. Слюнки текут. «Когда голоден, и снега наешься», — любят поговаривать дедушка и бабушка. Только успела бабушка сказать: «Ешьте», — а я уже расправляюсь с сушёной рыбой. Рыба оказалась вкусной. Сушёный муксун. Это не щука, не чебак, даже не сырок, а большая рыба. Жир-

ный муксун, нежный, вкусный. Солнцем пахнет. На холодном осеннем солнце его сушили. А соли в муксуне нет ни капли. Ёхыл у нас без соли сушат. А я люблю сладкое. Раз нет сладкого, люблю вот такой ёхыл. Солнечный ёхыл, пахнущий ещё смолистым ветром и вкусной летней водой...

Юрта дедушки небольшая. Не отличается она и особым убранством. Но в ней много такого, что глаз веселит. На потолке не доски, а брёвна. Пол юрты ровный, устланный досками. На досках плетёный ковёр из камыша. Ковёр мягкий, тёплый. Вверху несколько перекладин. На них одежда, шкурки беличьи и горностаевые сушатся. На стене висит обыкновенное ружьё, такое же, как у многих. Рядом с ним висят лук и стрелы. Их я только у дедушки и вижу. Никто теперь с луком на охоту не ходит. Кроме ребят, конечно. У взрослых — ружья. Настоящие. Выстрелишь — любая птица падает. Даже звери не уходят от метких выстрелов. А луком-стрелами теперь играют ребята. Но наши луки простые. А этот — большой чёрный лук. Дедушка не разрешает его трогать. Будто бы этот лук священный. А в правом — «священном» — углу сидит Медвежья голова. Рядом лежит бубен. Он тоже священный. Дедушка иногда на нём камлает, разговаривает с духами леса и воды, чтобы они были добрее и щедрее к маме. А мама моя на промысле: в тайге промышляет зверя, в реке ловит рыбу. Дедушка говорит, что всякая добыча — подарок духов... Но сегодня дедушка не камлает. Сидя у огня, он мастерит загадочную вещь.

Сам деревянный,
Голова железная.
Что это?
— Топор.

* * *

Рука деревянная,
Тело стальное.
Что это такое?
— Нож.

В руках у дедушки играет узкий нож, который называется «сёхри». Знаю, это нож-лекарь. Нож-хирург. Если заболит живот, этим острым узким ножом шаман изгоняет боль. Так говорила бабушка про этот нож. Это нож-художник. Асьойка неторопливо водит им по гладкому кедровому черенку,

вырезает глубокие причудливые узоры. Узоры носят звучное имя: орнамент. Каждый орнамент — это целая история, сказ. О чём говорит история? Об охоте, рыбалке, о лосе, медведе, лягушке. Знаки орнамента называются тамгой. Тамга — знак руки, родовой знак. Вырезал дедушка орнамент, растопил олово на огне и стал заливать причудливые узоры горячим металлом. Когда олово приостыло, Ась-ойка осторожно вырезал выпуклые места олова. Протерев тряпкой черенок, он стал чернить его сырой сажей. Получилось красиво... Я удивлялся мастерству дедушки. Считают Ась-ойку слепым. И правда, он плохо видит. Когда идём по лесу, я иду впереди, трость его держу. А вот когда он что-то делает, будто всё видит. Пальцы у него будто зрячие, шаманские. Раньше дедушку считали шаманом-художником. Он вышивал священный ковёр для жертвенной лошади. В те дни дедушка должен был жить особенно, не как все. Он не мог не только пить вино, но и есть жирное, вкусное мясо. Зато к нему сходило вдохновение... И он вышивал на ковре волшебные узоры, каких никто ещё не видывал, каким удивлялись будто бы даже сами боги... А теперь Ась-ойка сделал обыкновенный нож. Но мне он казался тоже необыкновенным, ведь черенок его говорящий...

* * *

Устали не знает.
Тогда лишь отдыхает,
Когда хозяин устанет.
— Нож. Нож, который мастерит дедушка.

* * *

Мастер из дома выходит,
Поколет,
порежет,
Снова в дом заходит.
Лишь там покой находит...
— Нож заходит в ножны.

А ножны у дедушки красивее, чем нож. Ножны дедушки висят на поясе. Пояс дедушки тяжёлый. На нём много металлических бляшек, медвежьих, лосиных, росомашьих зубов. Эти зубы рассказывают: когда-то дедушка был удачливым охотником. И черенок ножа, и ножны украшены резьбой... Точки, линии, кружки с точкой в центре, полукружия, зигзаги, треугольники, фигуры, похожие на след птичьей лапы.

Это говорящие знаки. Их можно читать на ноже, на луке, на бубне. Один знак везде общий. Медвежий знак. Знак руки дедушки, его родовое клеймо. Считалось, наш род происходил от Медведя. А Медведь когда-то был великим мастером, обладал великим умением делать всё добротно, красиво.

И сказал дедушка такие слова:

Молодцу́
И тысяча ремёсел
К лицу.
Но знай:
Лучше одно ремесло
Хорошо узнай,
Чем десять плохо.

Нож у дедушки волшебный. А лезвие ножа острое. В лучах яркого огня чувала оно сияет, искрится...

В нём огонь полярного сиянья,
Лёгкость снега, звонкость января.
В нём кружится наше мирозданье,
Голубыми звёздами горя.

* * *

В очаге родном играя,
Огонь-друг
красив и весел.
А огонь в руках злодея
Превращает землю в пепел...
Будь высоким, огонь добрый!

Дедушка взял в руки нож, поднёс к очагу и заговорил в лад потрескиванию огня:

Огонь горит, огонь во мне искрится.
Плывут слова, как рыбы, не спеша.
Летят слова, крылатые, как птицы.
Слова мои — открытая душа.
Слова мои, ранимые, как сердце,
Скажите всем, кто слышит нас ещё,
Как я страдал,
пытался отогреться,
Склоняясь тихой Правде на плечо.
Гори, огонь!
Да будут свет и правда
Нам освещать бессмертные пути,
Чтоб от небес, реки и леса
взгляда,
Как от тебя, огонь, не отвести!

Бабушка моя тоже всегда занята. Растапливает чувал бабушка. Еду варит бабушка. Чай кипятит бабушка. А сегодня она шьёт. Не одежду шьёт, не утварь из берёсты шьёт, — всё это в нашей избе сделано её руками. Сегодня бабушка мастерит тучан. Это не дедушкина ловушка, не лук, не стрела. Тучан — это обыкновенный меховой мешочек. В таких мешочках хранятся не шкурки, не рыба, а вещи для рукоделия. Бабушкины вещи, а не дедушкины. У мамы таких тучанов несколько. В одних она держит свои кольца, серьги, украшения для кос; в других, маленьких тучанах хранит иголки, нитки; в третьих — талисманы, кукол, изображения духов предков. У меня тучана нет, я не девочка. Но рассматривать содержимое удивительных мешочков я люблю, уж больно всё красиво. Сегодня бабушка шьёт тучан из белого и коричневого оленьего меха и кожи, украшенный мозаичным узором. Бабушка умеет читать узоры. Я ещё не умею. Но научусь обязательно.

Я знаю, тучан чаще всего шьют из пыжика — шкуры молодого оленя. Но оленей у нас нет. А мех лисиц, песца мама сдаёт государству. И потому бабушка чаще всего шьёт тучаны из шкурок мелких зверьков — бурундука, горностая, белки. Шила бабушка красивые вещи даже из налимьей шкуры, которая под её ловкими руками становилась из заскорузлой шёлково мягкой, желтовато-белой.

У бабушки умелые руки.

На её работу всё больше смотрит Агирись. Учится шить. Ну, а мне бы скорей на охоту, чтобы принести бабушке мех для работы.

Что для мужчины
Самое лучшее?
Какое украшение
Самое лучшее?
Лучшее украшение мужчины — знание.
Невидимое сокровище — знание.
Море радости — знание.
Река счастья — знание.
Ручей славы — знание.
Лучший наставник — знание.
Без знания человек — росомаха.
Не будь росомахой!
Учись!

— Учитесь, ребята, — сказал Ась-ойка.

— Учатся в школе, а нас туда не взяли, — ответил я дедушке.

— У жизни учитесь: у реки, у леса. Даже у медведя, волка учитесь. У них много добрых и хитрых повадок. Знания, которые вы приобретёте, будут вам друзьями во всём.

ЗАПОВЕДИ ДЕДУШКИ

Если нет у тебя отца и матери,
Знания будут защищать, словно мать,
Будут учить добру, подобно отцу.

* * *

Ты сын тайги дремучей,
Но не будь сам дремучим.
Знаю, ты будешь лучше,
Светлее, яснее нас.
Душа твоя,
Словно воздух тайги, свежа.
Мысль твоя —
Ветер всепроникающий, гуляющий над тайгой.
Руки твои быстрые —
Золотые твои мастера, дорогой...

* * *

Если ты назвался именем Человека,
Мало обладать силой одной.
Ты должен быть добрым — раз!
Ты должен быть честным — два!
Ты должен быть мастером — три!
Ты должен смекалку с собою носить,
Как спички, как нож, как глаза.
И мастерство ты должен хранить,
Как спички, как нож, как глаза.

Ась-ойка встаёт. На пень кладёт оленью шкуру. Садится поудобнее и начинает пробовать голос. Прокашливается и что-то бормочет про себя. Потом снова молчит. Я чувствую по приготовлениям Ась-ойки, что он собирается сказать что-то важное...

СКАЗКА ДЕДУШКИ

Слово народное — пламень дыхания.
Слушайте слово с должным вниманием.

ЭКВА-ПЫГРИСЬ

Живёт Эква-пыгрись с бабушкой в лесу. У него нет ни отца, ни матери. Только одна бабушка. «Эква» по-мансийски «женщина», «пыгрись» — «мальчик». Эква-пыгрись — сын женщины, внук бабушки. Живут они в глухой тайге. Там, рядом с их избушкой, нет других домов, стоят только кедры, ели, лиственницы. Высокие деревья. Летом они пахнут смолой, а зимой снегом. Сквозь густые зелёные лапы елей синеет кусочек неба — так много на них хвои. Рядом с избушкой бежит-звенит, играя камушками, узенькая таёжная речка.

Эква-пыгрись тоже играет. Играет с деревьями — стреляет по ветвям из лука, и тогда на землю падают снежинки... На снегу следы зверей — будто узоры нарисованы вокруг избушки.

«Какого это зверя следы? — думает Эква-пыгрись, рассматривая их. — Наверное, большого — вон какие крупные. А что, если какого-нибудь зверька поймать? Спрошу-ка я у бабушки, как это сделать. Она долго жила, — наверное, знает».

И спросил.

— Научу я тебя, внучек, научу, — сказала бабушка. — Будешь ты сильным, смелым охотником.

И научила. Из жил оленя сделала петли. Рассказала, как их поставить: на Севере наши бабушки знают все охотничьи тайны.

Поставил Эква-пыгрись петли. Целый день не сводил с них глаз. Звери ходят мимо. Слева и справа оставляют следы... Смеются...

Загоревал Эква-пыгрись, ушёл в избушку, спать лёг. Утром смотрит, а в петле кто-то шевелится. Шерсть длинная,

рыжевато-чёрная, как у пушистой собаки. Скалит зубы, рычит. Испугался Эква-пыгрись, хотел убежать домой, к бабушке. Да вспомнил, что собирался стать охотником. Стыдно ему стало. А зверь тянется к мальчику глазами.

«Что бы сделал охотник? — думает Эква-пыгрись. — Может, зверя палкой припугнуть?»

Стал искать палку. Нашёл подходящий сук. Идёт с палкой — зверь ещё злее зарычал. Ближе подошёл — ещё сильнее зверь забился. Может, пожалеть его — и он будет добрый? Хотел погладить, а тот как бросится на Эква-пыгрися, как зарычит! Чуть руку не откусил. Зубы у него острые.

«И вправду, оказывается, звери злые», — думает Эква-пыгрись. Собрал он все свои силы и ударил зверя сильнее прежнего. Чёрные ресницы закрыли злобные глаза... Еле-еле взвалил Эква-пыгрись зверя на плечо и понёс к избушке.

Дотащил до избушки и спрашивает удивлённую бабушку:

— Как звать этого лохматого зверя? Не росомаха ли?

— Отгадал ты, внучек. Росомаха это, — говорит бабушка. — По-мансийски «тулмах» — «хитрый» значит, «злой вор». Как это она тебя не съела? Видно, ты настоящий охотник...

С этого дня Эква-пыгрись каждое утро стал носить домой зверей. То принесёт добычу в огненно-рыжей шубе. Это лисица — красный зверь. То в голубой — песца. Это голубой зверь. То принесёт он добычу в шубе тёмной как ночь. Соболя принесёт. Это чёрный зверь.

Так Эква-пыгрись в своём уголке леса стал охотником. Однако бабушка не разрешала мальчику уходить далеко от избушки. Всё время учила внука, приговаривала:

— Выйдешь на опушку — далеко не ходи. Там Мэнквы — людоеды живут. Поймают тебя — съедят.

Эква-пыгрись слушался бабушку и далеко от избушки не отходил. Надоест ему играть — домой идёт.

Но однажды, играя, задумался он: «А что, если уйти подальше от дома? В лес. Посмотреть, что там, как?» Задумал — пошёл. Идёт, посматривает вокруг, удивляется. Лиственницы словно выше стали, кедры словно кудрявее стали. В своих кудрявых головах прячут золотое солнце. Идёт Эква-пыгрись среди самых высоких деревьев. За самым густым лесом увидел что-то сияющее, светлое, большое. Быстрее росомахи побежал Эква-пыгрись домой, чтобы про необыкновенное чудо рассказать бабушке.

К удивлению Эква-пыгрися, бабушка сказала просто:
— Это озеро, обыкновенное озеро.
— А что в нём необыкновенно сияет?
— Вода.
— А что в воде?
— В воде тоже жизнь. Рыбы там живут. Рыб тех ловят и едят люди, медведи, чайки...

Тайга шумит, зелёная, как море.
Зверьё что рыба в шубе меховой.
А в реках, что сияют, с небом споря
Безбрежной широтой и синевой,
Гуляют осетры, как шхуны,
И нельмы — как серебряные луны.

— А нельзя ли половить рыб нам?
— Почему нельзя. Можно.
— А как?
— Просто. Ловушки надо поставить. И на озере. И в нашей таёжной речке. В ней тоже рыбы много. Только надо запор сделать.
— А что это такое?
— Это перегородка в речке.
— А как её сделать?
— Покажу. Только ты помогай. Сил у меня мало стало...
И принялись они перегораживать речку тонкими кольями. Посередине оставили отверстие. В это отверстие поставили гимгу — ловушку, сплетённую из кореньев.

На другой день Эква-пыгрись пошёл смотреть свою ловушку. И удивился: кто-то успел раньше его вытащить весь улов. «Кто-то кроме меня ещё есть в тайге, — подумал Эква-пыгрись. — Почему он только в чужую ловушку смотрит? Неужели самому рыбы не поймать?..»

Пошёл на берег. Среди кустов запрятался. Сидит. Ждёт. И вот что-то зашевелилось. Ожил берег речки: по камушкам прибрежным, по снежку идут три девушки. Лёгкими шажками идут, озираясь вокруг, ждут, будто кого-то боятся.

Долбят лёд, вытаскивают гимгу. А там вьются налимы. Усатые и скользкие рыбы. Вид у них неприятный. Но девушки сбрасывают усатых рыб на берег. Хохочут.

«Интересно: чего они хохочут? И кто это такие? Добрые лесные духи Миснэ или Порнэ — злые духи тайги? Не пойти ли по их следу? И что они будут делать с рыбами? Не про них ли рассказывала бабушка?»

И пошёл Эква-пыгрись по их следам. Увидел таёжный домик. Залез на крышу и сквозь трубу чувала смотрит вниз. А в чувале уже поленья потрескивают, уха варится. Смастерил Эква-пыгрись удочку и стал выуживать рыбью печень. Один кусок вкуснее другого, один сочнее другого. Ест и радуется. А между тем Порнэ сели за стол. И вместо нежной печени друг друга грубой бранью кормят. Одна говорит: «Ты, наверное, съела!» Другая говорит: «Наверное, ты воровски вытаскала самые лакомые кусочки!» Ругают друг друга на чём свет стоит, сквернословят, бранятся.

А Эква-пыгрись сидит на крыше. Сытый и весёлый, ухмыляется над злыми женщинами, над лесными Порнэ. И думает: «Неужели так бывает и среди людей? Неужели и женщины такие коварные? А может, лишь духи лесные такие? И правильно ли поступил я, Эква-пыгрись, будущий человек?»

А печень у налима сочная!..

* * *

— Ну-ка, братцы, скажите: правильно ли поступил Эква-пыгрись, выуживая печень из чужого котла? — Бабушка вдруг заулыбалась. — Ну-ка, кто из вас скажет?

— А я думаю, рыбу ловить хорошо. Воровать — плохо, — сказал тихо Кирилл.

— Воровать плохо! — повторила Агирись.

— Правильно сделал Эква-пыгрись. Нечего им было брать рыбу из чужой ловушки! — кричу я.

Наступила тишина. Слышно было только, как трещит огонь, поедая сухие поленья. Дедушка подкладывал поленья в чувал, кормил огонь и о чём-то глубоко задумался.

— Нет наслаждения большего, чем есть и пить, — промолвил наконец он. — И этим блаженством вознаграждаться должен человек только за свой труд. Запомните эту первую заповедь и передайте другим. Пусть каждый берёт лишь свою долю. Брать чужое — злая болезнь, тьма. Жить во тьме, есть во тьме — быть в страхе. А человек должен жить в радости. А радость — в труде. Люди сами пусть создают себе свою радость: пусть ловят рыбу, охотятся на зверей, строят дома, добывают огонь...

Эква-пыгрись на этот раз ошибся. Простим ему: он, как вы, был тогда мальчиком, человеком неопытным. Для того сказочный мальчик и ошибался, чтобы вам, земным мальчикам, было легче идти по дороге жизни...

Вырастешь ты —
на Оби серебристой
Станешь ловить золотых муксунов.
Может, в лесу повстречаешься с рысью,
И с росомахой бороться готов.

Всё ты пройдёшь:
И огонь, и ненастье,
Бури и грозы,
И звёздную тишь, —
Только в груди
Материнское счастье,
Сердце отца
Навсегда сохранишь!

* * *

Утром мы с Агирись пошли в лес. Снег в лесу пушистый, как заячий мех. Мимо кедров и елей вилась тропа. Агирись шагала весело, бодро. Она читала письмена снега, словно книгу. Вот глухарь крестики наставил, вот заяц путал след, убегая от кого-то, а вот здесь лиса кралась. Наверное, она зайца хотела поймать... Вдруг деревья расступились, и мы попали на небольшую поляну. На поляне стоял невообразимый шум. Десятки сорок, рассевшись на ветвях деревьев, с криком перелетали с дерева на дерево, будто затеяли весёлое игрище. Одна слетит с ветки — на её месте уже другая покачивает длинным чёрным хвостом. А на снегу разгуливают вороны. Тоже чем-то взволнованные.

— Сорока кричит, — значит, кто-то на этой поляне есть, — говорит догадливая Агирись.

И правда, скоро на краю поляны, между двумя деревьями, увидели мы пляшущего зайца. Когда подошли поближе, заяц замер, вытаращил косые глаза, заурчал, пятясь назад. Одна лапа его была крепко зажата проволочной петлёй. Мы долго смотрели на бедного зайца. Заяц смотрел на нас. Смотрел злобно, враждебно.

— Заячье мясо вкусное! — сказал я тихо, проглатывая слюну. — Давно с охоты не приезжала мама. Всё свежее мясо у нас кончилось. И всю норму хлеба съели. А магазин далеко. В лесном магазине не пусто. Вот заяц попался. Хорошо!

— Но это не твой заяц. Ведь не ты ставил ловушку?

— Не я.

— И не твой дедушка ставил эту петлю.

— Не мой дедушка. Наши ловушки дальше. Знаю.

— Так и нечего глазеть. Это только сороки да вороны на чужую добычу зарятся. Видишь, как они расшумелись.

— Дома варить нечего.

— Ну и что! Сам поставь петлю. Сам поймай. — Потом Агирись замолчала. Долго молчала, жалобно глядя на зайца, который вновь заплясал на трёх лапах, вырывая четвёртую из петли. — Неужели тебе не жалко зайца? — жалобно, чуть не плача, сказала Агирись.

Я же охотник. И моя мама охотница. И дедушка был охотником. Я знаю. Мы тем всегда и жили, что ловили зайцев, белок, глухарей, лосей, питались их мясом. Без этого мы бы сразу померли. Это я знаю. Но уж больно просит девочка. И как мне не выполнить её просьбу? Тем более что ловушка не моя. Пусть себе гуляет косоглазый. Я разжал петлю. Заяц даже несколько раз поцарапал мне лицо. Агирись визжала от радости. И когда мне удалось расслабить тугую петлю и заяц, бултыхнувшись в снег, помчался в лес, она закричала торжествующе:

— Беги да больше не попадайся!

Но я тут же поправил её:

Беги, беги, заяц!
В чужую ловушку не попадайся,
Мою ловушку находи!

Заяц и я... Мы разные. Заяц должен быть ловким зайцем. А я охотник должен ловить зайцев. Ведь дедушка говорил:

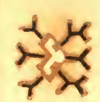
Зайчонок с заячьим сердцем
Трусливым зайцем станет.
Лосёнок с лосиным сердцем
Сильным лосем станет.
А сын хорошего охотника
Хорошим охотником станет.

* * *

И охотником ты будешь
От души — не поневоле.
Разве есть на свете лучше,
Выше этой славной доли?
И к твоим ногам склонится
Сам медведь — хозяин чащи.
Разве есть в таёжном мире,
Для людей другое счастье?

Вырасту большим — стану охотником. Большим охотником. Великим охотником!

Вечером мы снова слушали сказку дедушки.

БОЛЬШАЯ ОХОТА ЭКВА-ПЫГРИСЯ

Перед далёкой дорогой
Проверь:
        домчат ли лыжи вдаль?
Проверь
        перед рекой широкой:
Надёжна ль лодка,
        хороша ль?

Однажды Эква-пыгрись говорит бабушке:

— Я пойду на большую охоту.

— Да ты ещё мал. Руки-ноги твои не окрепли для большой охоты.

— Я уже большой, бабушка. Это ты слабенькая стала. И поэтому я тебе кажусь маленьким. Пора мне, бабушка, пора!

Видит бабушка: не сладить с упрямым внуком. Куда денешься? Пришлось ей согласиться.

Одела, обула внука. В дорогу сушёной муксуновой кожи дала. На прощание посоветовала идти по той дороге, что у двери начинается, а не той, что за домом лежит.

Довольная, стояла бабушка у двери, глядя, как внук уверенно потянул охотничью нарточку по той дорожке, которую она советовала.

Но только дом скрылся за большими деревьями, как Эква-пыгрись повернул в сторону другой дороги. По той, что за домом лежала, пошёл на большую охоту. Решил узнать, почему это его бабушка так не хотела, чтобы он ходил по той дороге: наверное, что-то там таинственное, интересное есть...

И правда. Скоро увидел реку. Она была широкая-широкая. Другой берег еле виден. На реке лёд. Лёд скользкий. Недавно, видно, замёрзла река. Не успела снегом покрыться. А на крутом берегу уже снег. Она искрится на низком зимнем солнце. А на реке запор стоит.

— Куда идёшь, внучек? — вдруг раздался чей-то голос.

Взглянул Эква-пыгрись на берег. И видит: с крутого берега на лыжах катится великан. На плечах у него две головы. Четыре глаза сияют на двух больших светлых лицах.

— Да вот на большую охоту собрался, — отвечает Эква-пыгрись.

— Возьми меня с собой.

— Ладно, дедушка. Бабушка говорит, что я ещё мал. Мне как раз товарища и надо. Да только кто ты такой? Я про двухголовых что-то не слыхал.

— Это бабушка тебя всё бережёт, не говорит правду. А жизнь-то ведь есть жизнь. На пути придётся встретиться не только с двухголовыми. Я Мэнкв. Лесной дух. И запомни: это моя ловушка. Не трогай. Так возьмёшь меня?

— Пойдём.

— Тогда подожди меня немного, я за котомкой сбегаю.

Захрустел снег под его лыжами, подбитыми мехом с лосиных ног. Бежит дедушка Мэнкв, только головы над ветвями мелькают. Не успело солнце из-за леса мигнуть, как двухголовый Мэнкв был уже тут как тут. Котомку тащит. Семиухий котёл несёт. Всё погрузили на нарту и тронулись в путь-дорогу.

Впереди показалась опять чья-то ловушка. Вдруг что-то зашумело. Взглянул Эква-пыгрись на крутой берег. И видит: с пригорка, поднимая снежную пыль, трёхголовый Мэнкв катится.

— Внучек, куда идёшь? — кричит он издали.

— На большую охоту иду.

— Взял бы и меня с собой. А то вам двоим скучно будет.

— Вот как хорошо! А то я товарища найти не мог. Вместе веселее. Пойдём, пойдём.

— Тогда подождите меня. Я за котомкой схожу. Да нарточка ваша уж больно маленькая.

Не успел даже ветерок проснуться, как снова появился трёхголовый Мэнкв. Идёт Мэнкв — аж снег поскрипывает, земля вздрагивает. Нарту тащит. Большую, крепкую. Полозья у неё из лиственницы, а копылья из кедра.

Сложили вещи, тронулись в путь.

В одном месте река опять была загорожена. Только запор был ещё больше. Снег кругом натоптан. На снегу рыбы мёрзлые валяются.

— Чей это запор? — спрашивает Эква-пыгрись Мэнквов.

— Да это нашего старшего брата.

— Что это вас так много? Всю реку перегородили, по всей тайге ваши следы.

— Нас много. Но деревьев больше.

Где-то что-то опять зашуршало, зашумело.

Эква-пыгрись взглянул на крутой берег реки, а там катится Мэнкв. Лыжи у него ещё больше. А меж широкими плечами — четыре головы, восемь светящихся глаз, как восемь круглых лун, сияют на широких лицах...

Сердце Эква-пыгрися забилось крохотной рыбкой. Холодок прошёл по спине. Но ласковый голос успокоил его.

— Внучек, куда идёшь? — спросил четырёхголовый, обращаясь к Эква-пыгрисю. Будто двух других Мэнквов он и не видит.

Ласковое обращение успокоило Эква-пыгрися и придало силы.

— Большой лес ищу. На большую охоту иду.

— Возьмёшь меня?

— Вот хорошо, дедушка, — отвечает Эква-пыгрись. — А то я товарища найти в своём лесу не мог. А одному на большую охоту идти трудно. Силы у меня ещё маловато.

— Коль ты понимаешь, что сил у тебя ещё маловато, коль ты не заносчивый и нуждаешься в товарищах, мы тебе поможем.

Как и те, Мэнкв сходил за котомкой, принёс семиухий котёл. И снова все тронулись в путь.

Скоро с большой реки завернули в малую таёжную речку. Чем дальше, тем речка сужалась всё больше, а деревья становились выше, тайга дремучее.

Долго ли, коротко ли шли — Эква-пыгрись чувствует: совсем брести не может, совсем устал.

— Внучек, не поиграть ли нам в загадки? Один человек шёл, верёвку потерял. Что это?

— Дорога.

— Один человек никогда по дороге не ходит. Что это?

— Посох, который у вас в руке.

— Правильно. Будь моим посохом. Есть одна верёвка. С одного конца до другого глаз человека не охватит.

— Дорога.

— Длиннее елей, ниже подорожника. Что это?

— Дорога.

— Длинна ли твоя дорога? Высока ли?

— Не короче жизни моей. Не ниже дороги, которую пройдут ноги мои...

— Видим, ты малец не глупый. Лишь силёнок у тебя ещё маловато. А мечтаешь о большой дороге, о богатой охоте... Попытаемся тебе помочь. Но не забудешь ли ты нас, когда руки-ноги твои наполнятся силой?

— Не забуду! — ответил Эква-пыгрись.

— Тогда садись на нарту. Повезём тебя. Когда-нибудь и ты, может быть, повозишь нас, когда старыми будем.

Эква-пыгрись сел на нарту. Весело заскрипел снег под полозьями из скользкой лиственницы.

В одном месте Мэнквы остановились. Загадочно взглянули на Эква-пыгрися. И спрашивают:

— Внучек, не узнаёшь ли этого места?

— Не узнаю.

— Как же так? Неужели ты ничего не помнишь? А должен бы.

— Как я могу помнить, если я это вижу впервые?

— Разве ты живёшь впервые? Э, нет! У тебя были предки... Ты от них происходишь. А вот эти деревья помнят твоего дедушку. Он здесь жил...

На берегу таёжной речки стояли старые деревья: кедры, ели, лиственницы. Верхушки их пообсохшие, ветви корявые... А под их ветвями старая избушка и сейчас стоит...

Посмотрели Мэнквы и Эква-пыгрись на избушку, отдохнули, дальше пошли.

Солнце поднимается над деревьями, идёт по небу, как по лесу, и снова опускается, снова поднимается и опускается, а они всё идут и идут по большому лесу на большую охоту.

В одном месте остановились. На полянке, возле корявого кедра стояла избушка. С бахромистых веток кедра вдруг посыпался снежок. На самой верхушке старого дерева сердито залопотала белка, прыгая с ветки на ветку, бросая вниз кедровые шишки. Собака лайка метнулась к кедру, заскребла когтистыми лапами по смолистой коре, неистово залаяла. Белка снова швырнула в неё шишкой, распушила хвост...

— Скажи-ка, внучек: в какое место мы пришли?

— На место большой охоты, должно быть, пришли. Вишь, собака наша как задорно лает и белка на ветвях весело играет...

— Верно, наконец-то мы пришли в лес большой охоты. А домик этот чей, не скажешь?

— Не знаю, — отечает Эква-пыгрись.

— В домике этом жил твой отец, когда ходил на большую охоту. Здесь мы и остановимся.

Домик был весь снегом покрыт, но не старый. Весело скрипнула дверь, видно радуясь, что её открыли снова. И открыл её не кто-нибудь а сын великого охотника.

И чувал, полупечь-полукостёр, что стоял в углу избушки, тоже был не старый.

— Вот мы тебя привели в охотничий домик твоего отца. Сможешь ли разжечь в нём огонь, продолжишь ли охотничью, человечью тропу отца, зависит от тебя.

Эква-пыгрись принёс сухих веток, дров. Не торопясь, разжёг огонь. Чувал, похожий на женщину в стерляжьем халате, задымил, весело закряхтел, довольный новой жизнью.

— В большой дороге много сил уходит. Силы можно вернуть лишь теплом горячего чая. Давайте чай варить, — говорит старший, четырёхголовый, Мэнкв. — Ну-ка, Эква-пыгрись, ты всех младше. Сбегай, принеси семиухий котёл!

Хотел Эква-пыгрись сказать, что не принести ему большого котла, но постеснялся, побежал за котлом. Думал, не поднимет — позовёт младшего брата. А младший брат рядом, глядит уже, чтобы помочь... Силы у Эква-пыгрися сразу прибавились.

Принёс Эква-пыгрись семиухий котёл. По дороге наполнил его снегом и над огнём повесил. Потом Эква-пыгрись ещё раз выбежал на улицу, из-под глубокого снега нарвал зеленоватых листьев брусники. Принёс их в дом, в котёл бросил. К ароматному запаху дымка примешался аромат брусничных листьев.

Чай был вкусный, таёжный. Ахали и охали довольные Мэнквы, уставшие с дороги.

— Спасибо, внучек! Уважил. А если бы отказался нести котёл, сразу бы лентяя в огонь сбросили. Но ты оказался работящим. Отдыхай.

С этими словами и спать легли...

Утро настало. Эква-пыгрись слышит сквозь сон:

— Ты что, спать-почивать в большой лес пришёл? Разве охотник так долго спит?

Эква-пыгрись вскочил с мягкой постели, ругаться стал.

— Ты чего меня учишь? — закричал он дерзко. — Если одной рукавицей о другую потру, конец тебе будет!

— Ух ты! — удивился Мэнкв.

Вышел он на улицу с другими Мэнквами, о чём-то долго говорили они. Потом пришли, один говорит Эква-пыгрисю спокойно, тихо:

— Собачку свою привяжешь к той лиственнице, на которую я лук свой вешаю.

Выбежал Эква-пыгрись из избушки, а Мэнквов и не видно. Ушли. Вдруг видит: собака его на дерево лает, на то самое дерево, на суку которого четырёхголовый лук свой вешал.

Взглянул мальчик наверх — там соболь сидит. Рукавицу одну о другую потёр — соболь упал. Пошёл домой с соболем, сидит у огня, снимает шкуру, думает: «Отберут они у меня соболя. Мэнквы — злые лесные духи. Недобрый лесной народ. Я шкуру, пожалуй, спрячу. Куда бы спрятать? А под стельку суну».

Снял няры, сшитые бабушкой из лосиной кожи, мягкую соболью шкурку под стельку кисов спрятал.

«Что же мне сделать для Мэнквов? А то совсем обозлятся. Скажут, бездельник. А, котлы повешу над огнём, снег растоплю, воду заготовлю».

Семиухие котлы снегом набил, над огнём повесил. Снег таять начал. Скоро вернулись с охоты Мэнквы.

— Эй, Эква-пыгрись, глотки у нас пересохли, языки во рту не ворочаются. Пить хотим. Не приготовил ли ты нам водички?

— Пожалуйста! — протягивает Эква-пыгрись большой деревянный ковш с живой водой. — Пейте, дедушки, на здоровье!..

Ахали, охали Мэнквы. Все котлы до дна выпили.

Благодарили за воду. Потом двухголовый Мэнкв говорит:

— Ну, пора снимать охотничий пояс.

Когда двухголовый стал снимать пояс с медными амулетами, из-за пазухи посыпались росомахи. Выше щиколотки завалило избу росомахами.

— И я сниму-ка пояс свой! — говорит трёхголовый Мэнкв.

Когда трёхголовый развязал, снял охотничий пояс, украшенный серебряными амулетами, из-за пазухи его посыпались чёрные соболи. По пояс избу завалило.

Смотрит Эква-пыгрись — глазам своим не верит: столько зверья принесли охотники!

— Обдирать шкурки будем, — говорит старший Мэнкв.

Сели Мэнквы у огня, снимать шкурки начали. Эква-пыгрись снова котлы снегом набил, над огнём повесил. Снег рас-

таял, котлы закипели. Опять повеяло душистым таёжным чаем из брусничных листьев. Напились чаю, спать легли.

Вдруг Эква-пыгрись слышит сквозь тяжёлый сон:

— Что ты, внучек, так долго спишь? Охотники разве спят столько?!

Эква-пыгрись вскочил, кричать начал:

— Что меня, старый, учишь? Сам знаю, когда вставать. Вот возьму рукавицу, потру одну о другую — и конец вам всем!

— Ух ты! — воскликнул младший Мэнкв. — Ещё дерзишь! Смотри, а то мы тебя, как отца твоего!..

Потом они вышли на улицу, о чём-то пошептались. В избу вошёл только трёхголовый, говорит ласково:

— Внучек, как пойдёшь на охоту, собаку свою привяжи к той лиственнице, на которую я лук тугой свой вешал. — Сказал и скрылся.

Вышел Эква-пыгрись на улицу. Слышит, собака лает. Посмотрел на вершину лиственницы — там соболь сидит. Рукавицы друг о друга потёр — соболь упал. Ободрал шкурку и про себя думает: «Они хотя и убивают много чёрного и красного зверя, а мне, пожалуй, и не дадут. Да и это могут отнять. Мэнквы — злой лесной народ духов... Запрячу-ка и эту шкурку под стельку. Я хоть этих соболей отнесу бабушке».

Снял няры.

Соболью шкурку под стельку кисов сунул. Котлы снегом набил, к огню подвесил.

Вечер настал. Младшие Мэнквы показались. Идут, пересмеиваются, ехидно поглядывают на Эква-пыгрися.

— Ну и хитрец ты, ну и хитрец! Сколько соболей под стельками запрятал?! А?!

Пришёл старший, ругаться стал на младших:

— Вы чего это смеялись? Я знаю, что задумали. Но если сделаете, смотрите, конец вам будет. Да, хитрит Эква-пыгрись, обмануть нас хочет. Глупый он ещё. Да и вы не умнее. Жить нам надо в одном лесу. Убьёшь его — он вновь родится. Медведем, волком или там ещё каким-нибудь страшным зверем рыскать будет по нашему лесу. Пусть лучше будет человеком. С человеком легче сладить... Убить его не вздумайте. Попытайтесь с ним найти общий язык. Поладить надо с ним...

— Нет, зачем! Мы его трогать не будем.

Воду пили с наслаждением. Ахали, охали. Благодарили Эква-пыгрися, что воду приготовил. Росомах, лисиц, соболей

ещё больше вчерашнего принесли. Шкурки поснимали. Спать легли. Утром встали, говорят Эква-пыгрисю:

— Нам больше охотиться нельзя. Еды у нас не осталось. Давай твою котомку посмотрим, что у тебя там есть.

Эква-пыгрись котомку развернул, вяленого муксуна вытащил, на стол положил.

— Э, внучек, какую еду ты имеешь. Муксун! Такой большой муксун!

Есть принялись. Ахают, охают Мэнквы, хвалят вкус муксуна, Эква-пыгрися хвалят:

— Ну, внучек, уважил ты нас. Такой вкуснятиной угостил. Уж как ели, как ели, а всю рыбу не съели. Не колдун ли ты? Ну да ладно!

Обратно остаток положили.

— Теперь мы делиться добычей будем.

Мэнквы шкурки соболей, лисиц, росомах принесли. Лучшие шкурки отобрали. Эква-пыгрисю дают:

— На, возьми, внучек. Тех соболей, что сам убил, тоже у себя оставь...

Эква-пыгрись смутился, глаз от стыда поднять не может.

— Не смущайся, — говорит четырёхголовый. — Ты хотел схитрить. Ты человек. Человеку свойственна хитрость. Нас, лесных духов, не обманешь. Однако и мы перед тобою бессильны. Ты можешь быть не только хитрым, но и мудрым. Вырастешь, мудрым станешь — не обижай нас... А пока возьми в подарок от нас часть нашей добычи. Домой придёшь — пусть бабушка тебе шапку сошьёт, рукавицы пусть сладит, одежду всю справит. Одежду из мягких соболей, лисиц наденешь, шапку на глаза надвинешь — ни один земной человек тебя не увидит. Ну, а теперь — нагружаться и по домам!

И пошёл каждый к своему дому с гружённой мехами нартой. Пришёл Эква-пыгрись в свою лесную сторону, зашёл в избушку. Бабушка ругается, бранится на чём свет стоит:

— Ты чего там ходил, что искал? Просила же тебя не ходить по той дороге. Там Мэнквы, злые лесные духи, живут. Они лишили твоего отца светлой жизни. И ты туда же. Не послушался, пошёл.

— Бабушка, лесные деды не такие уж и злые. Может, отец мой сам сделал что-то не так. А меня они не тронули. В отцовскую избушку привели. Дедову дорогу показали. Соболей, лисиц надарили.

Бабушка со слезами радости усадила внука за стол, кормила, поила, ласкала.

Эква-пыгрись поел и говорит:

— Бабушка, ты из соболей мне шапку сделай. И себе сшей тёплую одежду. Не забудь мне сделать волшебные рукавицы. Как будет готова моя одежда, я пойду по земле мир посмотреть, с людьми и с духами хочу познакомиться. Хочу узнать, почему люди борются друг с другом. Почему трудно в мире найти язык дружбы и понимания.

* * *

Мы с Агирись и Кириллом выбегаем на улицу. За нами следом собаки... Бросаемся снежками. Валим друг друга в снег.

Эй-хо-хо! На весёлом снегу заволновалась, зашумела ребячья толпа. Суматоха снежная по кругу пошла. Хохот послышался, вопль и вой: все игрой, борьбой занялись. Бурное веселье заиграло. Заликовало снежное игрище:

Эй-хо-хо!
Кто меня одолеет? А ну!
Кто меня посрамит? А ну!
Кто тягаться со мной вздумает? А ну!
Кто из вас борец? А ну!
Кто из вас бегун? А ну!
Кто из вас скакун? А ну!
Кто драться захочет со мной?
Буду драться с любым. А ну!
Кто хочет стрелять — стреляй!
Кто хочет бежать? Беги!
Кто захотел меня
На игрище победить? А ну!
Кто захотел меня
В борьбе одолеть? А ну!

* * *

У меня есть атя — папа. Атя большой. Голова у него чёрная, кудрявая. Руки сильные. Ноги быстрые. Станет на лыжи — лося догонит. Соболь от него не может уйти. Даже великий медведь складывает перед ним свои могучие лапы... Сильный у меня папа. А запоёт — жаркий небесный костёр опускается на землю. И само лето приходит в наш вечно снежный край. Только давно я не слышу песни ати. Он,

говорят, ушёл воевать со страшным чудовищем по имени Гитлер. Потому, наверное, лето короткое, как сладкий сон. Но сладкие сны мне всё снятся. И лето на Север приходит. Не во сне, а на самом деле бывает на Севере лето. Сам помню. Помню, как помнят сны.

ЗАПОВЕДЬ МАТЕРИ

О сын мой,
Не играй в войну!
Отложи лук,
Сломай стрелы,
Как недобрую память
О недобром прошлом,
Когда играла злоба и вражда...
О сын мой...
Послушай сказки,
Таёжные сказки дедушки
О светлой воде,
Где плещутся рыбы,
О тихой тайге,
Где играют звери.
Послушай сказку
О тишине и мире.

* * *

И вот мы снова у огня.

Дедушка достаёт кисет, сшитый из замши. Бросает щепотку. Избушка наполняется запахом пахучего табака. Угостив богиню огня табачком, Ась-ойка начинает нюхать сам. Огонь, стреляя искрами, будто чихает, как дедушка. И бабушка чихает. Только собака лежит спокойно, глядя грустными глазами на дедушку. Тоже, наверное, хочет табаку. Раза два я пытался ей дать, но Ась-ойка ругается. Говорит, собаку баловать нельзя, чутьё на зверя потеряет. А то, что скажет дедушка, для меня закон. Я знаю: если не буду слушаться, сказки больше не услышу, волшебства жизни не изведаю. А табаку и сам я не хочу: знаю, он горький, невкусный. А зачем он, такой невкусный, нужен-то мне? Я люблю сладкое. Конфеты, например. Я знаю, они такие волшебно сладкие, как в сказке. Теперь остались у меня одни сказки. Конфет в магазине больше нет. Мама говорит: «Вот кончится война — и конфеты опять будут». А когда кончится война, никто не знает. Все Гитлера ругают. Из-за него не стало

не только конфет, но и сахара, хлеба, масла... И хлеба тоже хочется. Хотя бы кусочек. А то одна рыба... По словам дедушки, и её скоро не будет. Чудовище Гитлер может сожрать не только всех людей, но и рыб, птиц, зверей. И потому с ним надо воевать. Потому вот уже который год идёт большая война. Потому все папы на фронте, а мамы в реке ловят рыбу, в лесу добывают белок, промышляют соболей. А я, маленький, с бабушкой и дедушкой сижу у огня и слушаю сказку.

Когда слушаешь сказку, всегда растёшь. Растёшь быстро, высоко. Я хочу вырасти скорей и пойти по земле и по небу. Я принесу на землю не только северное сияние, но и конфеты, и хлеб. Чтобы у всех было много конфет и хлеба. Хорошо, когда никто не голодает! И откуда взялся этот Гитлер-чудовище! Дедушка про него даже сказку сказывать не хочет. Говорит: «Сначала научись понимать себя. Поймешь себя — другие перестанут быть загадкой. Сначала выслушай думы своей земли. Сначала научись распознавать чудовищ своей земли. Своих познаешь — другие перестанут быть загадкой. Об иноземных чудовищах расскажу потом. И нашу сказку завтра кончать будем. А пока спать. Сон тоже сказка...»

Утро. В чувале прыгает красная лисица. Она, разгорячённая, бежит, несётся. От неё исходят волны тепла. Тепло ласкает ноги, руки, расплывается по телу, как волшебная сказка.

— Давай, дедушка, расскажи сказку! — требую я, глядя то на огонь, то на Ась-ойку.

— Где кончал? Не помнишь? — спросил дедушка как бы между прочим, не отрываясь от дела. Он плёл гимгу — ловушку для рыб. Председатель колхоза приезжал, просил помочь. Колхозу снастей не хватает. Мережи давно в районе нет. А гимги плести из кореньев никто, кроме дедушки, не умеет. Не женское это дело. Тут сильные руки нужны. А мужчины воюют с Гитлером. Вот дедушка и выручает колхоз. День и ночь плетёт. Даже тогда, когда сказку сказывает.

— Где кончил сказку? — переспрашиваю я. — Да в том месте, когда Эква-пыгрись на большую охоту ходил.

— А-ха! — произнёс Ась-ойка и надолго замолчал. Мы с Кириллом замерли в молчании. В тишине, какая бывает только в безветренной тайге, где ни один звук не прерывает священного безмолвия великого Севера, ожили слова новой сказки.

ДОРОГА

Хорошего коня
На длинной верёвке обучают.
(Клубок ниток)
Сколько ни мотай клубок,
А нитки не кончаются.
(Дорога)

Вырос Эква-пыгрись. Стал большой, словно дерево. А глаза всё зовут его вдаль.

— Наверное, ты хочешь землю глазами померять, — говорит ему бабушка. — Хочешь, так езжай. Кому-то надо нашу землю посмотреть, какая она стала.

Нашёл Эква-пыгрись коня на лужайке и сам его вымыл до блеска. И белое пятно, что было на лбу коня, засияло. Будто это серебряный месяц, словно это само золотое солнце... Сел Эква-пыгрись на коня с пёстрыми боками.

Кланяется старуха внуку. И с вещими словами даёт ему в дорогу шкурки мамонта, ястреба, щуки... А ещё дала она обломок миски и сказала:

— Долго ли, коротко ли будешь ездить — на обратном пути возврати данные тебе вещи. В беду попадёшь — вспомни меня. Счастье будет — не забывай полученное от других...

«Зачем эти наставления? — думает юноша. — Неужели всю жизнь будет она меня так поучать?!»

Мчит Эква-пыгрися конь туда, куда клонится голова, куда гнётся его шея. Летит конь по земле, летит среди бегущих облаков. Радуется Эква-пыгрись простору, ласковому ветру, свободной жизни. И думает, что всегда так весело будет.

— Хорошо в пути, — вдруг по-человечьи молвил конь. — Глаза смотрят и прозревают. Уши в пути слушают и учатся слышать. Ум в пути смекает и рассуждает, уходит вдаль, постигает новую истину. А у сердца словно вырастают крылья могучей птицы. И оно, счастливое, парит высоко-высоко...

Только в жизни и зло бывает, а в пути случаются приключения. Если ты, человек, в дальнее странствие собрался, путешественником себя назвал, подумай, готов ли ты разгадать загадки, которые таит в себе, словно вечная дорога, неизвестность.

ЗАПОВЕДЬ БАБУШКИ

Эй-хо-хо!
Не богач,
не силач —
Ты другим знаменит.
Весенней водой
Твоё имя звенит.
Золотой твой ум
На конях полетит золотых.
Вот они —
Я не выдумал их.
Окаймлённые перьями ястреба стрелы —
Их тела.
Блещут молнии. Кони летят.
Расступается мгла.
Впереди,
позади
Пляшут блики и тени.
Пляшет сердце в груди...
Круг Полярный
захвачен круженьем.
Жизнь летит,
Как по небу звезда...
И дорога ума твоего
Не замрёт
никогда.

* * *

Мама уехала на таёжную речку на лошади соседей. Её конь остался в деревне. И мы с дедушкой его кормили. Это колхозный конь. Но он и наш. Я помню, как он родился. Его принесла наша старая белогривая лошадь. Я любил играть с резвым жеребёночком. Потом отец вместе со всем нашим скотом сдал его в колхоз. Я видел, как мама переживала, проходя мимо скотного двора, всегда заглядывалась на своего коня. И я скучал по своему коню. Ведь он меня знает. Давно знает, как небо, как солнце, как ветер. Когда подойду, он ласково лизнёт меня. Очень доволен, даже счастлив (я вижу по его глазам), что мы взяли его на промысел. Колхоз-то наш. И конь с нами. Хорошо. Только мне никак не сесть на любимого коня.

У меня есть конь.
Крылатый конь.
Но красуется конь мой не крыльями,
А быстрыми как молния ногами.
Из-под копыт звёзды сыплются.
И в глазах — звёзды.
А на лбу одна большая рыжая звезда.
Когда летит звезда, облака качаются.
Хвост моего коня — длинное белое облако.
Грива — радуга.
Спина белая — горностаевая.
Скачет мой конь, будто соболь.
Нет, конь не скачет —
Летит, как стрела
С орлиным пером...
Орлом летит конь мой.
И я хочу летать орлом.
Только мне никак не сесть
На любимого коня,
Крылатого коня.

ХОТИТЕ ЖИТЬ — БУДЬТЕ МУДРЫМИ ОХОТНИКАМИ

Жила-была Калтысь-эква — мать Земли, сестра Верхнего Духа, Торума, бога неба. У Калтысь-эквы было семь сыновей. Большая это семья. Кормить её надо. Одними орехами да ягодами мужчин разве прокормишь! Однажды она решила спросить у Торума, Верхнего Духа: «Чем кормиться сыновьям на этой земле?» Послала гонцов в звёздное небо. Хозяин неба Торум ответил: «Хорошо. В болото, которое находится возле вашей деревни, я спущу оленя с оленёнком...»

Сказано — сделано. Появились в болоте ветвисторогий олень с розовым оленёнком. Ожило всё кругом. Травы хрустели, будто пели. Птицы свистели, живую весть друг другу передавали. И стоял олень среди мхов, как живое изваяние. А рядом пасся розовый оленёнок.

Но однажды всё снова замерло. Пришли сыновья Калтысь-эквы с луками и стрелами и убили оленя с оленёнком. Вкусным, видно, было мясо оленя. Снова богиня Земли шлёт гонцов в звёздное небо, в звёздный мир, на высокое небо. Снова просит Торума спустить на болото оленей.

Разгневанный Торум отвечает: «Что это вы за олухи?! Не успел вырасти оленёнок — вы его съели. Попасли бы вы его — вырос бы и новых оленят принёс бы. Целое стадо было бы около вашей деревни! Коль неразумны, идите в лес. Следы диких оленей мудрёнее, тайга дремучая, снег толстый. Если хотите жить, охотьтесь! Вам отдаю тайгу с чёрным и красным зверем. Если вы настоящие мужчины, стыдно роптать на судьбу, выпрашивать себе пищу. Берите лук и стрелы — и айда в тайгу, да охотьтесь с умом, детёнышей не уничтожайте». С тех пор сыновья тайги стали мудрыми охотниками.

* * *

О великий лес!
Пошли мне удачу!
Мелкого зайца дашь —
Не заплачу...
В придачу
Попрошу зверя
покрупнее,
Попрошу зверя
пожирнее.
Будет сытнее,
Если лося дашь.
О великий лес!
Пошли мне удачу!

* * *

Я смотрю на нары, устланные травяными плетёными циновками и оленьими шкурами. Под самым потолком висят шкурки белок, горностая и одного соболя. Мама на днях привезла. Шкурки сушатся, потом их сдадут приёмщику. Из шкур сшита вся моя одежда. Малица — моя рубашка из меха молодого оленя шерстью внутрь, с капюшоном и рукавичками. Когда слишком большой мороз, сверху малицы надевают гусь. Гусь сшит так же, как и малица, только мехом наружу.

«Медвежонок и только!» — воскликнул русский дядя, который приезжал на днях на вороном коне.

«Нет! Я не медвежонок! — закричал я. — Я человек! Это малица моя из шкур. У нас всё из шкур, много зверей в тайге».

Горит огонь. Летят искры. Вдруг дедушка снова заговорил не сказочным слогом, а как обычно:

— Издревле в наших лесах соболя, белки, горностая, выдры, росомахи, лисицы, медведя много...

Даже речной бобёр есть в мансийской тайге. Он так же, как тысячу лет назад, острыми зубами валит столетние сосны, строит плотины, любуется на озеро, обжитое его бобровым семейством. Говорят, в других местах бобёр исчез. Каким чудом сохранился он в мансийской тайге? Может быть, наказал так сам Эква-пыгрись?

Настанет новый век. Об Эква-пыгрисе уже никто не вспомнит. Не разучится ли бобёр быть мастером? Не замолкнет ли охотничья песня? Может, она по-новому зазвучит?

Дедушка замолчал, задумчиво вглядываясь в огонь.

* * *

Мысли чёрные гони,
В них не сыщешь прока.
Имя доброе храни
Как зеницу ока,
Береги,
        как сына мать
Бережёт от века.
И нигде
        не смей терять
Званье человека.

ЭКВА-ПЫГРИСЬ ПРИВОДИТ РЫБ

Доехал Эква-пыгрись до моря. Посередине моря стоит стол. На столе лежат палочки, дощечки. Эква-пыгрись рассматривает их, как будто считает. А на дощечках рисунки, волшебные знаки жизни. Читает их Эква-пыгрись и поглядывает под стол.

Под столом живая вода. А в воде новая жизнь, новая сказка. Рыбы плавают. И захотелось Эква-пыгрисю поплавать с рыбами. Достал юноша из кармана шкурку щуки, натянул

её на себя и нырнул в море. Увидел маленькую щуку, та отпрянула от него и стрелой в сторону. Он догнал её. Та в испуге раскрыла пасть и замерла в ожидании смерти. Эква-пыгрись ласково обратился к ней:

— Чего ты испугалась? Поплывём вместе.

Рыба удивилась: впервые она видела миролюбивую щуку. Поплыли вместе, подружились. Разные рыбы круглыми глазами глядели на безобидных щук, подплывали к нему и плыли дальше рядом.

Удивился даже сам гранёный осётр мирной щуке и тоже поплыл вслед. И серебряная, сияющая нельма составила компанию. Косяки язей, сырков, муксунов потянулись вслед за щуками...

Долго ли плыли, коротко ли плыли — видят берег. На берегу люди. Одежда их протёрта, дырява. Лица измождённы. Руками, съеденными холодной водой, тянут они невод.

Эква-пыгрись снимает шкурку щуки, выходит на берег.

— Пася олэн! [1] — обращается он к рыбакам.

— Пася, пася! — приветливо кивают рыбаки. — Пумасипа, ятил пыг! [2] Спасибо, наш богатырь, за рыбу, которую ты привёл. Отныне наш стол будет богатым: и жирным осетром, и нежной нельмой, и муксуном, и сосьвинской селёдкой, тающей на языке. Пумасипа тебе! Много раз спасибо!

Ты человек,
И этим ты можешь гордиться:
Все земные заботы
Лежат у тебя на плечах.
Слышишь звонкие всплески?
Это рыба в воде нерестится.
И выходит медведь на поляну.
И счастливые птицы кричат.

Утро. Я чувствую, что уже настало утро, хотя в нашей избушке ещё темно. Но я вижу, как сквозь ледяное окно пробивается тусклый свет. Наше окно вместо стекла заставлено льдиной. Днём льдина неплохо пропускает свет. Дедушка говорит, что льдина лучше стекла — дешевле, теплее и не замерзает. Когда льдина покроется инеем, то его соскабливают, и она становится совершенно прозрачной. А стекло на большом морозе обмерзает так, что его не отскоблишь. Если льдина от

---

[1] Живите, здравствуйте.

[2] Спасибо, дорогой сын.

оттаивания и отскабливания сделается слишком тонкой, то её всегда можно заменить.

В чувале ещё не играет огонь. Холодно. Встаёт бабушка. Скрипит дверь, и вдруг, как в сказке, в избушку льётся свет. «А-а, — догадываюсь я, — это Анеква открыла трубу чувала». Чувал на ночь закрывают куском дёрна на длинной палке. Бабушка разводит огонь. На крюк, прикреплённый к длинной палке, висящей поперёк трубы, бабушка вешает чайник.

Анеква внимательно осматривает нашу обувь, которую вчера вечером она вывешивала сушить. Обувь наша состоит из меховых чулок и кисов. За ночь шкура на меховых чулках твердеет, съёживается. Руки бабушки — мастерицы. Они мнут, мнут шкуру, и меховые чулки снова, как в сказке, мягкие, нежные, тёплые. Потом Анеква кладёт в кисы сухую травку. Эту травку тоже она запасала. Осенью, когда трава созрела. Травки на целую зиму много нужно. Травку часто меняют в кисах. Свежая, тонкая соломка шевелится и даёт меху тепло. А бабушка хочет, чтобы нам с дедушкой было тепло. И делает своё дело не только по обязанности, а так, по доброте своей.

«Человек должен знать не только свои права, но и обязанности», — любит говорить дедушка.

Я знаю, обязанность Анеквы — вставать первой по утрам, растапливать чувал, готовить обувь... Это обязанность всех женщин, и придумал её не дедушка, а идёт это ещё со сказочных времён.

Мне жалко бабушку. Утром очень неприятно вылезать из-под тёплых постельных шкур. Холодно.

Но что поделаешь, раз такой обычай, что женщины должны вставать первыми...

Зато она, наша Анеква, не будет мёрзнуть на морозе, когда мы с Ась-ойкой пойдём на рыбалку. Сегодня дедушка обещал взять меня на речку, где установлен его вар. Вар — это запор из кольев, которым перегорожена узкая зимняя речка. Там стоят гимги — ловушки, сплетённые из тонких прутьев и кореньев.

Речка рядом, и ловушки рядом. Не надо ехать, надо просто идти пешком. Дедушка зачем-то прихватил с собой пустые санки. К санкам привязаны пешня и черпалка для льда. С обрыва я скатился на санках, летел как ветер. Рядом со мной летела моя собака. Она ликовала оттого, наверное, что нако-

нец-то мы вышли на промысел. На реке снегу мало. Первый месяц зимы. Не успела метель нагнать торосы, по которым трудно будет ходить. А сейчас идём, будто катимся. Кажется, даже слабая позёмка помогает идти. Поначалу она всегда приятна. Чуть холодит лицо. Лицо пылает. Солнце словно замороженная морошка. Светит, но не греет. Снег искрится. На снегу синие тени деревьев. Тени длинные, неправдоподобные. Вот и наш вар. Колья с нахлобученными шапками снега торчат, как маленькие богатыри, вставшие в ряд стеной. Варом называют и ограду из частокола, и крепость со стеной. Это в сказках. А здесь, на реке, вар тоже стена. И рыбе не пройти. И на нашу радость, она заходит в гимгу.

— А какой у нас сегодня будет радость? Большой или маленькой? — спрашиваю я Ась-ойку.

— А это зависит от того, как мы с тобой потрудимся... Ну-ка, где у нас пешня?

Дедушкины глаза всегда полузакрыты. Его все считают слепым. На самом деле он как зрячий. Покажи ему где — рукой дотронется и начнёт делать, будто всё видит.

И на этот раз так же. Я только показал ему то место, где была в тот раз майна, и в его руках заплясала пешня, из-под клюва её полетели осколки изумительной прозрачности и чистоты. Вот и забулькала вода. Ещё мгновение, и дедушка говорит:

— Ну, а теперь твоя пора потрудиться. Бери-ка черпалку, вычерпывай лёд из майны.

Я достаю черпалку. Она тяжёлая. Особенно когда подцепишь куски искрящегося льда. И всё же я поднимаю её.

— Молодец! — говорит Ась-ойка. — Будет из тебя рыбак...

И снова пляшет пешня, и снова летят хрустальные льдинки. И за наш пот, за старания река одаривает нас сверкающими рыбинами.

Серебряный муксун беспомощно лежит в гимге, слабо шевеля хвостом. Зато три золотистых язя так отчаянно трепыхаются, что летят брызги, превращающиеся на наших малицах в ледяные бляшки. Капельки воды, словно бисеринки, застывают на тоненьких прутьях, и вся гимга кажется стеклянной. Я достаю из гимги рыб. Вода течёт по тёплым моим рукам. Вода тает, а руки леденеют. Я достал всего четырёх рыб, а рук уже не чувствую. Бросаю на лёд ещё трёх сырков. Они на глазах покрываются ледяным панцирем. Серебряная

чешуя тускнеет, а плавники, наоборот, покрываются серебряной пылью. Всё очень странно.

Но труднее всего брать налима.

В речке плавает налим,
Длиннохвостый подхалим.
То совьётся колесом,
То заляжет мертвецом
И глядит, едва дыша...
Ох и скользкая душа!

А окунь не скользкий, а колючий. Его тоже нелегко брать. Окунь сердито топорщит колючки и пучит янтарные глаза. Полосатое его тело так и отливает металлическим блеском. А спина кажется колчаном с множеством острых стрел, готовых пронзить не только мои руки, но и меня самого. И всё же я достаю из гимги и эту колючую рыбину. Его плавники горят, будто волшебные огоньки.

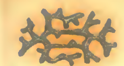
А сорогу брать легко. В нашей обской воде есть рыба по имени сорога. Это не плотва — она больше. Это не язь — она меньше. Про неё говорят, будто в рыбьем царстве она слывёт сплетницей.

В нашей рыбистой Оби,
В золотой её глуби,
Есть сорока с длинным ухом,
Подставляет ухо слухам.
Всё подслушает везде.
Мчит, как лыжница, в воде.
Знает всё в глубинах вод,
Где, когда и кто плывёт.

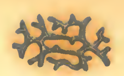
Рыбы живут в воде.

У каждой рыбы свой характер. Добрые и злые, величавые и мелкие... «В людях есть что-то от рыб», — часто говорит дедушка.

Прыть хариуса-молодца
Нам по душе пришлась.
И от налима-хитреца
Есть кое-что у нас.
Глаза тайменей молодых
Прекрасны, как цветки.
Ты можешь сам увидеть их —
В сынах моей тайги.
И бисер ярче зимних звёзд,
Точь-в-точь как чешуя.
Твоя коса как рыбий хвост,
Красавица моя.

ЗАПОВЕДИ БАБУШКИ

Навсегда из сердца вырви страх перед морозом и водою — ледянистою водою, где резвится большая рыба...

После доброго улова, трудного улова рыболова спи на шкурах, ешь строганину, ухой душистой наслаждайся.

Под полярной ночью
ты хранитель оленей крылатых,
Ты крылатая птица.
Ты быстрая рыба.
Ты мудрый медведь,
человек.
Ты не просто родился:
ты душа земли
нашей богатой.
Ты в лесу.
Ты в снегах.
Ты в горах
и в кипении рек.
Мозг вселенной и дух мирозданья,
Его сердце, тепло
и живительный свет —
человек.

А вечером у волшебного огня нашей маленькой избушки мы все ели уху из рыб, которых, как рассказывали легенды, привёл когда-то в наш край Эква-пыгрись, и слушали снова сказку.

* * *

Я Эква-пыгрись, сын женщины я.
В сказочной мгле дорога моя.
Шёл по земле я за годом год.
Был мне чумом небесный свод.
Я птицей к тучам взлетать любил,
Волшебным медведем
и рыбой был.
И пас оленей — друзей своих.
Нет, я не хуже людей других.
Не хуже братьев своих — зверья.
Птиц, рыб, медведей не хуже я.
Но невозможно не замечать:
На мне отличья лежит печать...

Люблю, как любит лишь человек,
Леса, озёра, изгибы рек,
И солнце в небе в полдневный час,
И белой ночью сиянье глаз.
И слух мой чуток:
вот поутру
Рыба мечет золотую икру.
Взлетают птицы — круги, круги...
Проходят лоси — шаги, шаги.
Но я человеком иду по земле.
Дорога моя в сказочной мгле.
Но отыскать вы меня могли б
По следу птиц и сказочных рыб.

* * *

Дошёл Эква-пыгрись до места, где небо и земля будто вместе сходятся. Смотрит и глазам не верит: опять куда-то стремится небо, опять куда-то бежит земля. Неужели у земли нет края, а у неба конца?

Вдруг видит: между небом и землёй — огромная дыра. В неё вделан железный перевес [1], сверху донизу натянут. Даже зорким ястребиным взором не заметишь его сразу. У перевеса сидит ловец.

«Убью! Убью!» — говорят его глаза, жаждущие добычи. «Поймаю! Поймаю!» — трясутся его руки, видно задушившие не одного зверя, не одну птицу. Видно, ждёт он гусей, лебедей, уток...

Эква-пыгрись из кармана вынул шкурку ястреба железного. Забрался в шкурку, полетел прямо на железный перевес. Когда Эква-пыгрись коснулся железных ячей перевеса, ловец опустил свою ловушку. Обрадовался, что поймал ястреба. Эква-пыгрись чуть не запутался в железных нитях, но стальными когтями успел разорвать их. Злой ловец бросился за Эква-пыгрисем, чтоб схватить его. Эква-пыгрись залез в шкурку щуки и нырнул в озеро.

Плывёт по озеру и удивляется мёртвой тишине. Ни всплеска, ни рыбы... Куда они делись? Запахло железом. И он опять оказался в железной сети...

Вышел на берег, взад-вперёд ходит, смотрит. Видит, домик стоит, рядом избушка на курьих ножках...

Пошёл туда. В доме сидят старик со старухой.

---

[1] Сеть для ловли уток, гусей. Её вешают на просеке меж деревьев.

— Э-эй! Эква-пыгрись, внучек! Крылатой ли птицей ты сюда принесён, рогатым ли зверем ты сюда доставлен?

— Растущий человек разве ездит по одним и тем же местам, разве плавает по одним и тем же водам? — говорит Эква-пыгрись. — Сам пришёл.

— Садись, внучек. Будь гостем!

Вышла старуха на улицу, принесла уток, гусей. Ощипала их... Когда сварилось пахучее утиное, гусиное мясо, она сложила его в две деревянные чашки. Одну подала ему со словами:

— Хорошенько ешь, внучек! Не ломай кости.

Поели, попили. Кости из двух блюд старуха сложила в одно, вынесла на улицу. За домом озеро с живой водой. Высыпала она кости в озеро. А из воды вылетели живые утки, живые гуси.

— Хорошо! — молвил Эква-пыгрись. — Теперь я знаю: всё в мире рождается, умирает и вновь рождается... Только не надо ломать основу жизни. Тогда вечно богатыми будут наши земля, вода, лес...

* * *

И пускай твоим дарам
Да не будет счёта.
Воспитай в себе, сынок,
Кротость и заботу.
Милосердно охраняй
Всё, что в мире дивно, —
И гусей, и собак,
И иную живность.

СЛОВО ЭКВА-ПЫГРИСЯ

Лечу!
На оленях золоторогих лечу.
На нарте поющей лечу!
Через реки с рыбьими глазами лечу.
Мимо журавлиных болот лечу.
Мимо лебединых озёр лечу!
По крутым берегам,
где бобры играют, лечу!

На деревьях глухари токуют,
Горланят, а я лечу.
Пучеглазые зайцы смотрят,
Удивляются, как я быстро лечу!
Не знают они:
сердце моё,
сердце Эква-пыгрися,
Над землёй летит.
Синюю весну
на золоторогих оленях,
На которых лечу,
встре-е-ечу!

* * *

Едет Эква-пыгрись, видит: горы. Высокие горы, заснеженные. Долго ли, коротко ли поднимался по крутым склонам — наконец достиг вершины.

Там по белому снегу рыжими лисенятами бродят стада звёзд, на волнах облаков лёгкой лодочкой плавает серп луны. И вдруг юноша видит: какой-то старец запрягает в маленькую нарту собаку и едет к нему.

— Эй, Эква-пыгрись, внучек! Крылатой ли птицей принесён ты сюда, летающим ли зверем ты сюда доставлен? — заговорил старец, подъехав к нему.

А борода у старика белая-белая.

— Молодой человек разве ездит по одним и тем же местам, разве плавает по одним и тем же водам? Сам пришёл, — отвечает Эква-пыгрись, не сводя глаз с удивительной нарты, где сияет солнце. Сидит солнце в нарте, а собака его возит.

— Погоди, внучек! Пойдём ко мне в дом. Будешь гостем.

Открыл старик двери, крикнул:

— Люди, не обижайте моего гостя! Кормите, поите его!..

Старик уехал, а Эква-пыгрись остался у него в гостях.

Вошёл в дом. Ни души. Сел на нары, думает: «Старик сказал: «Не обижайте моего гостя!» Кто меня может обидеть? Здесь никого нет». Но зоркие глаза его замечают в дальнем углу кусок шёлка. Шёлк зашевелился. Стало невыносимо жарко.

— Умереть можно от такой жары! — молвил Эква-пыгрись.

Шёлк зашевелился опять. Стало прохладнее.

— Теперь хорошо!

Шёлк зашевелился в третий раз. Из-под шёлка вышла девушка, поздоровалась и пошла на улицу. Принесла с улицы

грудинку оленя, разрезала мясо и в котёл кипящий опустила. И вот дымится душистое оленье мясо на блюде. На один край блюда кладёт она женский нож, на другой — мужской со словами:

— Если пришёл другом, ешь!

Как может Эква-пыгрись не отведать угощения?

Ночью старик приехал домой. Поев, попив, говорит:

— Я ведь тогда сказал: «Люди, не обижайте моего гостя!» Правильно, дочь, ты поняла мои слова.

Если человек —
Гость издалека,
Ты ему скажи:
«Вот моя рука!»

Усади за стол
С лучшею едой.
Одари его
Нежной теплотой,

Сердцем щедрым,
Словом с огоньком,
Чтобы стал родным
И ему твой дом.

* * *

Сила тебе для чего дана?
Подумай, дружок, погадай.
Наказ мой другим передай:
За слабого грудью вставай,
Упавшего поднимай.
Обездоленному помогай.
Радость не нарушай,
Счастье оберегай.
Сила тебе для того дана,
Чтоб расцветала твоя страна.

* * *

Я вышел на улицу. На улице играла вьюга. Уже третий день играла. Злым духом ревел снежный ветер, поднимая к небу снежные валы. В клубящихся волнах снега летали куски льда. Мелкая морозная пыль сплошной стеной мчалась куда-то мимо дедушкиной избушки. У меня захватывало дух от вихря, глаза слезились, руки в тёплых меховых рукавицах коченели, ноги стыли...

И малица моя, моя тёплая малица из тёплого оленьего меха, плохо защищала меня от стужи полярной ночи... Мороз, кажется, вот-вот заморозит моё сердце, как одинокий куст...

И я думаю о маме, когда же она приедет...

«Среди болота одинокий куст» —
Так говорят о доме одиноком,
В большом снегу застывшем,
словно грусть,
Которая дрожит сейчас у окон.
Всю ночь бушует вьюга у ворот,
Метёт по склонам белым ветер низкий...
Когда же мамочка моя придёт?
Я одинок,
как этот дом мансийский!

* * *

«Мамы нет — и дом твой не жильё!» —
Говорят так часто люди.
Сердце беспокойное моё
Словно тундра,
где полгода дня не будет.
Жизнь безмолвна:
ни радости, ни дум,
Ни сказки, улетающей к рассвету...
Стоит печально одинокий дом —
Один на всю огромную планету.

* * *

Приехала мама с охоты. С таёжной речки привезла большую добычу.

Бабушка, дедушка, даже Кирилл радовались добыче, а я радовался тому, что приехала мама.

Приехала мама. Привезла с таёжной речки хариуса, глухаря и много белок...

Хариус — крылатая рыба. Глухарь — крылатая птица. Белки — крылатые зверята. И у меня растут крылья. Но радуюсь я не белкам крылатым, не хариусу крылатому, не глухарю крылатому.

Радуюсь я маме. Приехала мама. Хорошо, когда дома мама!

Когда мама дома, хорошо.

Не страшны ни злые духи, ни вьюга, ни ветер, ни полярная ночь...

* * *

Это дыханье бушующей ночи,
Чёрная вьюга снегом слепит.
Ветер шаманом по стенам грохочет.
И наша избушка, как бубен, звенит.
Снежная музыка пляшет в ушах,
Всем навевая сомненье и страх.
Слушай-ка, вьюга, ты душу не тронь —
Я сам разожгу весёлый огонь!
Завтра замолкнет твой ноющий голос,
Как покажу я своё ремесло:
Пламя взойдёт, словно солнечный колос,
Людям земли обещая тепло.
Сказкою светлой я мрак разгоню,
Люди ладони протянут к огню.
Снежная музыка, пляшешь в ушах,
Но не навеешь сомненье и страх!

* * *

Воет ветер. Мороз ходит. Ночь стоит. Большая ночь. А мы не спим. В чувале весело горит огонь. Дедушка плетёт гимгу. Бабушка подкладывает свежую травку в обувь. А мама моя сегодня будет рукодельничать. Руки её всё умеют: и ружьё держать, и тонкую иглу...

Из берестяной коробки с узорами мама вынимает связку высушенных сухожилий. Из них она будет делать нитки. Эти нитки особые. Из оленя они. При разделке туши оленя с его спины и задних ног срезают связки, а затем обрабатывают...

Из связки мама берёт небольшой пучок жил и кладёт на порог дома. Тыльной стороной топора разбивает его на более тонкие пучки. Из них выбирает один и снова разбивает его обухом на ещё более мелкие волокна.

В чувале огонь играет. Шипит пузатый чайник над огнём. Но я гляжу не на весёлую игру пламени, а на мамины руки. Вот она берёт не очень толстое волокно и начинает его выравнивать. Тонкой и ровной делает она жилку, несколько раз пропуская её под лезвием ножа, прижатого к доске, и смачивая водой.

Шероховатую оленью нитку она пропускает сквозь зубы и делает её совсем ровной.

Красной лисицей пляшет огонь. Искры огня, как звёзды, летят. Но я гляжу не на огонь. Я гляжу на маму, на её белые-белые зубы.

Очень тонкие волокна она скручивает руками в одно. Накладывая один конец волокна на другой, она скручивает короткие нити в одну длинную...

Я смотрю на мамины руки. Я помню их тепло. Мне кажется, что они были всегда, вечно, как небо, вода, земля. Я помню, как эти руки гладили меня по голове, как вытирали слёзы с глаз, когда я плакал. Теперь я вижу, как они, мамины пальцы, ласкают оленьи жилы... И зачем она, моя мама, ласкает оленьи жилы, а не меня?

— Ты большой стал, сынок, — говорит мама, — должен помочь мне. А то у меня только две руки, десять пальцев. С тобой у нас будет четыре руки, двадцать пальцев. Пальчики-то твои проворные, знаю. Ну-ка, сможешь ли ты готовые нитки сплетать в косичку?

— Могу! — радостно говорю я. И заплетаю готовые нитки в косички. Потом привязываю один конец к косточке птичьего крыла. Птичье крыло служит крепилкой. Хорошая крепилка, крепкая крепилка. Из глухаринного крыла она. Помню этого глухаря. Мясо было вкусное. Косточка его крепкая, гладкая. Сам её обгладывал... А для чего — не знал. Оказывается, для натягивания ниток из оленьих жил.

— А почему ты, мама, плетёшь разные нитки, одни толстые, другие тонкие?

— Разные нитки нужны. Для обуви толстые нужны, для одежды — потоньше, для вышивки бисером — совсем тонкие.

Сухожильные нитки очень прочные. Они не боятся воды, не гниют. Сухожильные нитки, как крепкие люди, долго живут, долго служат людям.

Вслушиваясь в наш разговор, дедушка сказал так:

Красота рук по свету ходит.
Красота обладателя находит.

Но любой обладатель красивой вещи должен знать, что вещь делает мастер, человек, владеющий ремеслом...

Я люблю хлеб. Магазинный хлеб вкусный. Однако его мало. Очень мало. Но больше всего я люблю домашний хлеб, который выпекает мама.

Печёт в хлебной печке. Хлебная печка стоит на улице. Полуовальная, двускатная, стоит она на четырёх ножках-столбах. Делал её дедушка летом. Я сам видел. Сначала дедушка плёл прутья, затем обмазал их глиной. У этой глинобитной печи трубы нет. Дым выходит через устье печи.

Вот мама уже зажигает печь. Смолистые дрова горят ярко, жарко. Мама долго вымешивала тесто. Часть его разливает на сковородки, а из другой части делает пироги с рыбой, с ягодами. Я больше всего люблю пирог с брусникой. Хотя пирог и без сахара, но он сладковатый. Когда ешь, пахнет лесом, водой, небом. Вкусно!.. Да вот долго его ждать.

Наконец дрова прогорели. Мама берёт большую деревянную клюку с крючковатым железным клювом и загребает к дверце пылающие угли. Потом берёт большую деревянную лопату. И на место, освобождённое от углей, ставит сковороды, в которых скоро зарозовеет хлеб... И пусть даже на улице мороз стоит. И пусть даже ветер играет. Скоро в печке будет хлеб, вкусный мансийский хлеб, пахнущий углями, морозом, ветром, тайгой, небом... Вкуснее мансийского хлеба я ничего не ел.

А может, хлеб тот был вкусный потому, что пекла его моя мама?

МАМИН ХЛЕБ

Без огня холодно.
Без хлеба голодно.
Не огонь греет,
А греет хлеб.
Каравай хлеба
Не свалился с неба.
Каравай хлеба
Мама пекла.
Мамин хлеб!

До седьмого пота
Мамина работа.

А чужой хлеб
Рот дерёт.
А чужой хлеб
Разжуёшь,
да не запоёшь.

Лучше чужих пирогов
Мамин хлеб.
Нет вкуснее в мире
Маминого хлеба!

Без хлеба голодно.
Без мамы холодно.

НОЧЁВКА В ТАЙГЕ

Мама взяла нас с Кириллом на большую охоту. Большая охота бывает только на таёжной речке, где дичи много, будто деревьев.

Ночь застала нас в пути.

До охотничьей избушки далеко. Мама сказала, что мы будем ночевать в лесу.

Для ночлега выбрали место, закрытое от ветра. Рядом стоял сухой лес, сухостой — дрова под рукой. Мы с Кириллом разгребали охотничьей лопатой снег, устроили высокий вал. Мама рубила и валила сухие деревья.

Скоро в центре вала запылал громадный костёр из толстых еловых стволов, концы их расходились в разные стороны.

Со стороны ветвистой ели, под густыми лапами её, мы устроили костёр.

Мама воткнула несколько наклонных жердей. Накинула на них старые, облезлые оленьи шкуры. Получился кол-пал. «Кол-пал» значит «полдо́ма». Под уклон этого щита мама устроила постель.

Постелью у нас была не перина из мягкого пуха гагар, а оленья шкура. Под нею обыкновенные ветки ели, а ветки показались мягкими и тёплыми.

Громадный костёр трещал, пылал, работал, превращая кругом себя снег в пар. Пар осаждался инеем на наших мохнатых одеждах. Густое облако окутывало наш стан. И побелевший Кирилл сделался похожим на большого зайца.

С каким наслаждением мы с Кириллом прихлёбывали горячий чай и грели руки о тёплую чашку. Играли — загадывали загадки:

На земле родится,
В небе умирает.
Что это?
— Огонь.

* * *

В реке живёт.
В лесу живёт.
С круч катается,
В речке купается.
Рыбу ловит,
Лису остановит.
Таёжная красавица
Мехом своим славится.
— Выдра.

* * *

Стоит зелёный бор.
По бору ходит вор.
На дереве ночует,
У всех ворует.
— Росомаха.

* * *

Эй, люди!
Берегитесь злого,
Зверюгу лесного.
Затаённый в лесной глуши
Злюка зверем взревел.
Из волчьего логова
Залаял волк.
Из медвежьей берлоги
Вылез медведь.
По снежной земле
Хищник пошёл.
Берегитесь, люди,
Разбойника матёрого!..

Всех злее в лесу, говорят, росомаха. Её боится даже медведь. А с лосем росомаха поступает просто. Высмотрит она зорким глазом лосиную тропу. Спрячется в ветвях дерева над тропой. И когда́ лось проходит под ветвями, она прыгает на широкую спину таёжного красавца, припадает к голове и острыми когтями маленьких, но проворных лап царапает глаза, вырывая их из глазниц. А укус росомахи смертелен. Запах росомахи стойкий, густой, противный. Звери её боятся.

— Уф! Уф! Не хочу я про росомаху слышать. Хватит! Лучше в загадки играть.

В дремучем бору
Горячее железо лежит.
Лежит, будто спит.

Тронешь— зверем зарычит.
— Тише, тише... О нём ни слова.
Не называй по имени лесного.

— Тогда моя загадка будет простой:

Без рук, без ног,
А на небо лезет.
— Дым.

Дым щиплет глаза. Но мы не ругаем дым. От него исходит не только горечь, но и тепло. Мы нахваливаем огонь. Благодарим лес за тепло, за всё доброе, чем он одаряет нас в любое время года.

Добрый лес.
Волшебный лес.
Круглый год
Чарует лес...

Весной веселит.
Голосами птиц говорит.
Летом холодит.
Комарами звенит.
Осенью лесными дарами одаряет.
Грибами, ягодами угощает.
Зимой согревает,
От вьюги, снега защищает.

Добрый лес.
Волшебный лес.
Круглый год
Чарует лес...

* * *

Мы идём по лесу. Лес густой. Деревья высокие. Будто облаков касаются их вершины. По лесу мы не просто гуляем. По лесу человек идёт всегда с какой-то целью: ягоды собирать, кедровые шишки сшибать, лесную дичь ловить. Сегодня мы идём смотреть ловушки.

Дедушка говорит, что у каждого участка леса свой хозяин или хозяйка. Переходя с одного участка на другой, охотник должен благодарить хозяина леса, просить его об успехе. Если не сделаешь так, будет беда. Не раз об этом предупреждал дедушка. Охотники во время охоты разговаривают между собой на языке леса. Языком леса обманывают дичь. «Тот не охотник, кто не знает охотничьего языка», — часто говорил дедушка. Я это помню. И мама об этом знает.

Мы шли с мамой по лесу, где хозяйка Вормис-най [1].
Мама шла по лесу и шептала:

О великая Вормис-най!
За удачу в охоте
Мы приносим тебе
Великую благодарность!
Мы молим тебя о большей добыче.
Ты наша радость.
Ты ключ к нашей удаче.
Мы преклоняемся
Перед тобой, великая!
Всё, что дала ты нам,
Мы уже съели.
Умоляем тебя добрыми словами:
Пошли нам снова богатую добычу.
Прими нашу просьбу,
Великая Вормис-най!

* * *

Помилую птаху,
Помилую птицу.
Помилую зайца
И даже лису...
Но добычу большую,
Добычу рогатую,
Добычу быструю
На мушку возьму.

* * *

Охота не забава.
Охота — глазам слава.
Ногам — слава.
Рукам — слава.
С пустыми руками
не возвращайся домой!
Нет! Наш обычай
совсем не такой.
Охота не забава.
Охота — рукам слава.

* * *

Без охотника лес — сирота.
Глаз охотника зверя заметит.
Добрый охотник одним глазом спит,
Другим добычу видит.

[1] Лесная фея, покровительница охотников.

* * *

Мы идём по лесу. И вдруг я вижу чудо: перед самым носом глухарь. Будто вырос из снега. Большой, чёрный. Брови красные. Шея сивая. В чёрных крыльях снежно-белые пёрышки. Хвост узкий, длинный, веслом торчит. Красавец! Крылатый царь тайги!

Увидел нас — окаменел. От страха, видно, забыл, что у него крылья. Взлететь бы ему, а он побежал. Да не на открытое место, а в ельник. А ельник густой, колючий. Как ошпаренный выбежал глухарь из ельника. Мечется, будто пьяный. Растерялся. Совсем не соображает. Прямо на нас прёт. Перед самым моим носом взлетел, чуть меня с ног не сбил.

— Вот куль! [1] — воскликнула мама. — Совсем ум потерял. А ещё считается царём лесных птиц!

— А что едят глухари? — спросил я маму. — Снег, что ли? Ведь кругом только снег. Снег, лес, небо и больше ничего.

— Почему только снег? — удивляется мама. — Под снегом земля. В земле всё есть. И для глухаря, и для другой дичи пища есть. И на деревьях тоже.

— Ну какая на деревьях может быть пища? Разве шишки на кедрах остались?

— На кедрах шишек и правда не осталось. Что не убрали люди, досталось ронжам, белкам. А вот на елях и соснах шишки есть. Ими питаются белки. А глухарь любит хвою лиственницы. Она после первых заморозков становится кисленькой, вкусной. Не откажется глухарь и от почек и серёжек берёзы. А клюква, брусника, голубика, морошка для глухаря — лакомства. Под снегом много ягод в тайге и на болотинах.

Вот лунки. В них глухари не только спали, но ягоды искали. Зимой ягоды трудно достать, приходится глухарям питаться серёжками от хвои и другой грубой пищей. Осенью глухари вылетают на речные отмели, пески, где клюют крупные песчинки, мелкие камушки. Эти камушки, попадая в желудок, помогают глухарю перетирать грубую пищу долгой зимой.

На этих песчаных отмелях, на крутых берегах и мы ставим слонцы, наши хитрые ловушки на глухарей. Взглянешь на слонцы — ничего особенного: два связанных бревна. Один

[1] Чёрт.

конец брёвен на земле, другой приподнят подпоркой. В подпорке этой хитрость: чуть тронь её — брёвна упадут и придавят глухаря. А лезть под эти брёвна глухарю есть за чем: там камушки, золотые глухариные камушки...

* * *

Удалец-молодец
Без крыльев летает,
Снег поднимает,
Деревья качает.
Спросишь его —
Прожужжит, прозвенит
И дальше летит.
Кто это?
— Ветер.

* * *

Вышли мы из леса. Впереди большое-большое болото. Янгал-ма, ледяная земля, тундра. Кругом всё было бело. Мы шли, шли — и вдруг перед глазами я увидел гигантские горы. В душе моей запрыгал весёлый зайчик — так я обрадовался! Надоела мне однообразная плоская белая тундра. Я удивился, что мама не обрадовалась этой горе и Кирилл не обрадовался. И будто никакой горы нет и не будет впереди.

Мы шли вперёд. Горы приближались, они будто росли с каждым шагом. Ещё мгновение, и горы почти у моих ног. Меня охватил стыд: оказывается, за горы я принял ничтожные кочки, вытаявшие из-под снега.

— Ничего! — успокаивала меня мама. — Такие чудеса часто случаются в тундре. Это тундра поиграла твоими глазами. При ярком свете умей владеть глазами. Умей вовремя отличить гору от кочки, большого зверя от маленького, доброго человека от злого.

* * *

Не живой,
А живого ловит.
Даже волка зубастого
Успокоит.
Что это?
— Капкан.

— Вот наш капкан. Что-то он поймал? — сказала мама тихо, но торжественно.

И правда. У белой кочки в развороченном снегу прыгал какой-то незнакомый зверь. Не серый волк, не рыжая лиса... Нет, этот был чуть меньше. Шерсть на нём была лёгкая, пышная. Он был весь ровного, не то серого, не то пепельного цвета. Он напоминал дым.

— Песец! — сказала мама.

— Но песец же белый.

— Это дымчатый песец. Редкий зверь. Дорогой подарок Вормис-най, нашей лесной богини. Спасибо, Вормис-най!..

Нашу охотничью избушку, оказывается, кто-то протопил. В чувале не погасли ещё угли. На перекладине большой чайник. Чайник ещё теплый. У чувала дрова, лучины, спички. На столе соль, сухие брусничные листья для чая... Кто-то тут был. И оставил всё это для другого охотника. Чтобы у него с мороза, с усталости всё под рукой было...

Таков закон тайги.

Мы как раз намёрзлись с дороги. Собирать дрова в темноте — надо много сил. Их может другой раз и не хватить. Мало ли чего случается в тайге. Медведь поранит, волк укусит, болезнь скосит. Всякое в тайге случается. Другой раз ползком доберёшься до лесной избушки. Охотничья избушка — от холода приют.

Тут всё готово. Дрова, лучины, спички, соль... Даже вода нагрета.

— Не плохой человек был в нашей избушке. Законы тайги знает. Спасибо!.. Быстро согреемся, — сказала довольная мама, подкладывая в чувал сухие смолистые дрова. — Только кто же это?

— Это я! — раздался вдруг за дверью избушки голос Нярмишки. Мгновение, и он весело снимает охотничий пояс, из которого сыплются белки, горностаи. Старик один заполнил избушку. Стало тесно. И от его шуток, особых словечек... Нярмишку называют шаманом, а он обыкновенный охотник, только больше других говорит, поёт, сыплет словом...

Сегодня Нярмишка рассказал про медведя. Я выслушал этот рассказ с любопытством и не на шутку струхнул.

— Ночью сквозь сон слышу, — говорит Нярмишка, — залаяла собака, лошадь заржала, бьёт копытом о стену избушки. Лошадь была привязана к саням у избушки. Зарядил ружьё, вышел на улицу. Подошёл к лошади, а она вся дрожит,

тянется ко мне, как человек, жаждущий помощи. Ну, я догадался, в чём дело: хозяин. Только почему он шляется? Зима ведь. В берлоге бы ему лежать да лапу сосать. Он шастает по снегу, как дурной человек. Да он и есть человек, да лесной, ум потерявший человек. То ли его подняла поздняя осенняя оттепель, то ли куль, оборотень лесной, в виде зверя ходит.

Нярмишка не называет медведя по имени, как все старые манси в подобных случаях, а говорит иносказательно [1].

— Так тем и кончилось? — спросила мама.

— Пострелял я из ружья в воздух несколько раз, чтобы спугнуть лесного. Да пошёл спать. Ночью три раза просыпался. Один раз его рёв услышал у самой избушки. Лошадь заржала, рванулась и — вскачь по дороге в сторону деревни. Я слышал только гул звонкой снежной дороги... Потом рёв повторился. «Ага, — подумал я, — лошадь, к счастью, ускакала, не далась в лапы чёрному». Ходит чёрный вокруг избы, стучится в стены, в дверь, видно, очень проголодался. Зимой-то неоткуда ему еды брать: всё под снегом. Вот и дурачится семилапый [1].

— А ты, дядя Нярмишка, видел этого... его... лесного... — Я знаю, что медведя нельзя называть по имени, а то ведь он семиухий, услышит — накажет и меня.

— Видел, — ответил торопливо Нярмишка, будто куда-то спешил. — Утром вышел я на улицу, вижу, от самой двери к густому ельнику следы: будто босой человек прошёлся. Где снег потвёрже, там остались следы от когтей... Собака моя косилась на эти следы, рычала, а всё же со мной побежала. Знает, умница, что надо меня вовремя предупредить, если где-то за кустом запрятался семиухий. Чует собака зверя далеко. А человек не чует. Может вмиг оказаться в когтистых лапах, если нет собаки.

Отошёл я с километр от избушки, вижу, кости молодого оленя на снегу лежат. На снегу кровь. «Ну, — думаю, — лесной нашёл пропитание и теперь не злой, должно быть». Успокаиваю себя. Иду дальше. Вдруг моя собака опять рычать начала. Снег нюхает, воздух нюхает. Ноздрями водит, не хочет дальше идти. Хотел бить её. Но зачем собаку бить? Бить нельзя друга. Не знаю, что делать. Наготове у меня ружьё. Ещё в избе зарядил пулей. И нож мой в ножнах ждёт своего часа...

---

[1] Медведя не называют по имени, а зовут иносказательно: то семиухий, то семилапый, а то просто он.

И вдруг слышу хруст снега. Собака насторожилась. По её поднятым ушам, по глазам, в которых зажглись таинственные искры, всё понимаю. Вижу, на проталине стоит чёрный, большущий. Стоит на задних лапах. Около кедра стоит. У кедра кора надорвана. Стоит, не чует нас. Своим делом занимается. Зацепит когтями за кедровую ветку, оттянет её да вдруг отпустит. И смотрит, как сыплются иголки. Прислушивается к шороху падающих иголок. Непонятным делом занимается лесной. Будто после похмелья. Или, может, играет. Странный! Очень странный. Музыкант?

«Своим делом занимается лесной человек. Ну и пусть занимается! — думаю я. — Нас не трогает, и мы его не тронем». Своей дорогой пошли мы с собакой.

И дядя Нярмишка сказал такие слова, слова-заклинания:

Словами острыми,
Пальцами цепкими,
Руками сильными
Схвати зверя,
Одолей его!
Усмири его!

* * *

Собака лайка — мой лучший друг.

Я лежал на снегу. Рядом со мной вертелась моя собака. Я смотрел на небо. На небе плыли облака. Они походили на белых пушистых собак.

Собаки бегают и играют на белом снегу, похожем на белые облака. С ними играют ребята, даже взрослые. А собаки радуются, прыгают, лижут своих хозяев. Они очень преданные. Собаки — самые верные друзья. Все так говорят, да и сам я вижу.

Но почему у них нет разума?

Не верю.

Нет, у собаки есть разум.

Когда я плачу, моя собака, мой молодой пёс визжит. И хотя в его глазах нет слёз, я знаю: он плачет. Когда я радуюсь, мой пёс радуется, заливаясь весёлым лаем. Упаду на снег, запрячу лицо в снегу — мой пёс лижет голову, малицу, разгребает снег, ищет моё лицо.

Собаки ищут лицо человека, смотрят в глаза человека, как прямые, честные, искренние друзья. Моя собака — мой лучший друг.

Неизвестный
В три погибели согнувшись лежит.
Позовёшь на охоту —
Впереди побежит.
Зверя почует —
На весь лес запоёт.
— Собака.

Есть сказка про собаку.

Когда-то собака жила в лесу. Однажды ей стало скучно. И побежала она по тайге искать себе друга. Бежала-бежала, вдруг видит: зайчик. Скачет зайчик туда-сюда. Деревья улыбаются. Радуются, что встретились друзья. Собака и говорит: «Давай будем друзьями!» — «Давай!» — говорит зайчик. Поиграли, поиграли — ночь настала. Забрались под куст, спать легли. Качаются высокие деревья, шумят, будто сказки друг другу рассказывают. Под этот сказочный шум зайчик уснул. А собаке никак не спится. «Что там наверху шумит? — думает она. — А что, если полаять?» Залаяла собака. Зайчик вскочил и говорит дрожащим голосом: «Ты зачем лаешь? Услышит нас волк, придёт и съест».

Примолкла собака и думает: «Плохого я друга нашла. Трусливое у него сердце. Наверное, волк никого не боится».

Побежала собака дальше.

Встретила собака в тайге много зверей. И волка, и медведя, и росомаху. Но ни волк, ни медведь, ни росомаха не стали друзьями собаки.

Хозяином и другом себе собака выбрала человека. А почему? О, это длинная сказка: всею жизнью своею доказывает это человек.

Воет, плачет собака:
Волки зубастые близко.
Чуткий сторож собака —
Друг человека верный.
Друга иметь хорошо:
Выручит друг в беде.
Как человек и собака,
Дружно живите, люди!

Ещё утренняя заря не зажглась, а мы уже шли на охоту. Впереди бежал Ханси, наш пёс, главный охотник. Он частенько останавливался, поворачивал голову, смотрел на маму.

— Ты, Ханси, понимай: ребята ещё малые, ноги у них слабые. А дорога охотничья длинная, беречь силы надо. Потому идём мы тихо, не торопясь. А ты иди, иди. Да получше ищи. Добудем зверя — не с пустыми руками вернёмся. Радость будет!

— Что ты, мама! Мы большие! — возмущаюсь я.

В ответ мама напевает:

Со снежной ветки вспархивает птица,
Летит, кружа.
По узеньким следам собольим мчится
Моя душа.
По перелескам мчится, по полянам,
Сквозь бурелом.
Но и не зная имени помянут
Меня добром.

* * *

Мы шли по урману. Урманом называют лес на возвышенном месте. Урманы бывают кедровые и сосновые. Мы шли по кедровому урману. Кедры стояли редко, на расстоянии друг от друга. Нигде не было ни валежника, ни чащи, будто кто-то занимался расчисткой леса.

— Кто прибрал этот лес? — спросил я. — Не Миснэ ли?

— Нет. Этот лес вырос после игры огня. Давным-давно это было...

— А что это такое — игра огня?

— Исстари повёлся такой обычай — выжигать леса. На горелых местах хорошо растёт ягода брусника. А без ягоды брусники зиму не прожить. Подожгут люди свой лес в сырое время и следят, как играет огонь. Сухие деревья, валежник сгорают дотла, а сильные остаются и в благодарность приносят хороший урожай кедровых орехов. И ягода брусника хорошо растёт в таком лесу. И белка, и соболь не переводятся в таком лесу. И олени дикие, и лоси любят гулять в таком лесу...

Мы идём по кедровому урману. Собака залаяла. Лай был сначала неуверенным, редким, потом стал частым, задорным.

— Это Ханси лает, наверное, на белку, — сказала мама и ускорила шаг. А мы с Кириллом побежали в сторону, откуда слышался лай.

Ханси стоял у ствола огромного кедра на задних лапах и надрывно лаял, скребя когтями кору.

Ветви кедра были зелёными, пушистыми. Мы ходили вокруг кедра и белки не могли разглядеть.

— Да никого нет тут! — заговорил Кирилл. — Обманывает Ханси. Просто так лает.

— Собака никогда не обманывает, — тихо заметила мама. — Затаилась белка в ветвях. Маленькая, а мудрая.

Отойдя подальше от дерева по совету мамы, я увидел белку. Зверёк, вскинув вверх распушенный хвостик, сидел на зелёной ветке кедра, смотрел вниз, на лающую собаку и на меня.

Пёс наш Ханси кружит с лаем,
Ствол кусает, крошит:
Ждёт, когда стрельнёт хозяин,
Друг его хороший.
Хочет пёс, чтоб трепетала
Белка в сильных лапах,
Хочет он вдохнуть седого
Дыма горький запах.

Но мама не снимает с плеча ружьё, а просит подать ей лук. Я несу лук. А стрелы несёт Кирилл в почерневшем колчане из оленьей шкуры. Из колчана торчали острые железные наконечники стрел. Одни наконечники как вилки, другие — ножи, третьи — с зубцами, похожими на медвежьи когти. У каждой стрелы своё назначение. Стрелой с зубцами бьют рыбу. На зверя идут с острой как нож стрелой. А деревянной стрелой с шаром глушат белку. Много стрел в колчане.

Мама просит у Кирилла стрелу с тупым наконечником, который называется «то́мар». Мы с Кириллом удивляемся: почему мама не хочет стрельнуть по белке из ружья?

— Пороху у нас мало. Да шкурку белки надо беречь. Кому она разорванная? Ни людям, ни государству...

Белка успокоилась. Видимо, привыкла к лаю. И, забыв об опасности, занялась своим делом. Она то грызла кедровые орешки, то умывалась лапкой, то просто перепрыгивала с веточки на веточку.

На снегу пылает солнце.
В небе синь без края.
Белка резвая на ветках
В серебре играет.
Белка скачет, звёздный иней
Сыплет в глушь лесную.
А под кедром величавым
Пёс наш всё тоскует...

О чём тоскует наш пёс? Конечно же о добыче. О беличьей шкурке. Инстинкт охотничий. Тоскует собака по добыче, мечется.

А белке будто всё это нипочём. Она вверху. Собака внизу. И мало ли что происходит внизу. Всякое бывает внизу. И пусть. А наверху хорошо. Даже зимнее солнце иногда покажет глаз, осветив на мгновение верхушки высоких деревьев. И нет на ветке ни росомах, ни лисиц, ни других врагов белки. Лишь соболи да верховой ветер вредны белке. А в остальном хорошо на вершине дерева.

Всё играет белка, скачет
В искристой вершине.
И дрожит, и гнётся ветка,
И слетает иней.

Мама подала мне лук и стрелу с тупой головкой. Я начал целиться в белку. Выстрелил. Что-то свалилось. Собака в ярости заметалась у ствола дерева. Я побежал туда, но, к моему огорчению, оказывается, упала выщербленная кедровая шишка.

— Перья остались, а мясо улетело, — смеялась мама. — Но не беспокойся. Это белка, а не глухарь. Далеко не улетела, на другую ветку пересела. Попробуй второй раз, да только меться хорошенько.

И второй раз я не попал. Кирилл смеялся. Хохоча, бегал со стрелой. На третий раз мне не доверили стрелять. Стрелял Кирилл. И к моей радости, тоже не попал. А белка на ветке плясала.

И мама сказала такую примету:

— Скачет белка по ветвям, по нижним ветвям высокого дерева, развешивая грибы, — быть зиме малоснежной. Скачет белка по ветвям, по верхним ветвям высокого дерева, развешивая грибы, — быть зиме снежной, буранной.

Мама взяла сама лук и стрелу. Прицелилась, полетела стрела, и белка камушком свалилась с ветки. Пёс, радостно взвизгнув, кинулся к ней, чтобы схватить зубами зверька.

— Не тронь! — крикнула мама.

Ханси как вкопанный стал около распластавшейся возле ствола белки, не осмеливаясь дотронуться до неё.

Первым добежал до белки Кирилл. Он схватил ее и начал разглядывать.

— В глаз попала, в глаз! — торжествуя, крикнул он, глядя на мою маму, будто это он попал.

— Это случайно, — заметила мама. — А вообще-то, надо попадать в глаз, чтобы шкурка хорошая была.

Я схватил белку.

— Что, лапки опять отрезать будем для собаки? — тиская в руках пушистого зверька, говорил я.

— Лапками-то он только облизнётся, ему нужно отдать и кишки. Освежевать надо зверька.

— Как освежевать?

Мама достала охотничий нож. Распорола шкурку белки на задних лапках. Сделала надрезы у хвоста и на голове. А затем стянула мех, как варежку.

— Так вот, знайте: хороший охотник не портит шкурку. Первым сортом сдаёт. Для этого и в глаз попадают. Для этого и из ружья не стреляла. Но знайте и то: убить зверя — ещё не всё, надо хорошо с него шубку снять, чтобы шкурку первым сортом сдать. Государству теперь эти шкурки нужны.

— А белку жалко, — сказал Кирилл. — Она так хорошо играла на веточке, плясала, радовалась чему-то. Может быть, солнцу. А мы её убили.

— Шкурки белки нужны для фронта, — сказала мама. — Ой как нужны! Это же золото, мягкое золото. Ещё один удар по Гитлеру.

Полакомившись потрохами белки, нанюхавшись свежей крови, наш пёс стал важным, довольным. Через мгновение и след его простыл. И мы тронулись дальше. Вышли к лесной речке. Речка вся была белая, только на перекате, у больших камней, дымилась живая вода. Мы спустились к реке. Вдоль берега какой-то зверь прошёл. Следы оставил. След, должно быть, свежий. Утром шёл небольшой снежок. Пороша. Порошу охотник, как праздника, ждёт.

— Не волк ли прошёл? — с испугом воскликнул Кирилл.

— Нет. У волка след больше, — сказала мама. — Наверное, лисица. Видишь, когтистые мягкие лапки прикасались к снегу.

На том берегу я увидел разрытую кочку и комья земли на льду. Наверное, лисица норку разрывала, чтобы полакомиться мышью. Появился наш пёс и стрелой полетел по следу.

— А может, это след куницы или соболя?

— Ладно, узнаем.

Мы с Кириллом начали спорить, чей это след. Мама поглядела в сторону, где на вершинах деревьев недавно сидело солнце. Солнце уже за деревья ушло.

— Пойдёмте в сторону дома, — сказала мама. — Хватит на сегодня.

А мы не хотели уходить с лесной речки, спорили о следах.

— Спорите, спорите... А зачем спорите? Читайте лесную книгу. В ней всё сказано. Надо ум иметь, глаза иметь, уши иметь, тогда можно читать и лесную книгу. Всё понятно, всё видно, всё слышно.

Возле дерева на берегу действительно ходил не волк, не куница, не соболь, а лиса. Обыкновенная рыжехвостая лиса.

— Посмотрите на эти следы. — И стала мама рисовать на снегу следы оленя, лося, белки, куницы, соболя, горностая. Всех зверей и птиц, какие водятся в верховьях нашей таёжной речки.

На другом берегу ещё был один след. По нему умчался наш пёс. Он шнырял по кустам. Забегал в ельник, обнюхивал каждый куст и каждый след, держал нос по ветру. Вдруг Ханси насторожился, повёл во все стороны носом.

— Ага, нашёл, наверное! — крикнул Кирилл.

Мы побежали в ту сторону.

— Ну-ка, чей это след? — спросила мама.

Не след, а распушенные на снегу ямки. Будто кто-то натыкал веником. И окропил острым запахом зверя. Ханси кинулся было по следу. Но сразу осёкся. След пропал возле кедра. Однако наш Ханси был не таким простаком. Рядом с одним кедром был густой еловый лес. И пёс сразу метнулся в ельник, стал принюхиваться к каждому стволу дерева, к упавшим сверху еловым шишкам. Какой-то зверь на дереве завтракал. Ночуя в пустом дупле, он, видно, сильно проголодался. Найдя первую ель с нераскрывшимися шишками, принялся за еду, роняя крошки на снег. Тут-то его и обнаружил пёс, стал звать, лаять.

На этот раз мама доверила мне стрелять из ружья.

— Не торопись, — спокойно проговорила она. — Снизу подводи мушку. Под мордочку. И курок плавно спускай.

Я выстрелил. Белка упала почти к моим ногам. Собака хотела её схватить. Я крикнул:

— Не трогать!

И Ханси послушался.

Мама подошла, взяла белку. Разглядывая тёплого зверька, она покачала головой. Я взял белку в руки. Вижу, живот белки разорван.

— Метил в глаз, а попал в живот, — сказал я.

Почему-то я всегда волнуюсь, когда целюсь. У Кирилла этого не бывает. Он в глаз тоже не попадает, но в голову попадает. Несколько белок убил и всем попал в голову. И всё же меня эта добыча окрылила. Теперь у меня была примета: если первый выстрел удачный, то и вся охота в этот день будет удачной.

Мы подошли к перекату, туда, где у большого камня бурлила вода. Там, будто в ведре, кишмя кишела мелкая рыбёшка, мальки. Площадка вокруг камня вся была истоптана. На подходе к этой живой воде виднелись следы. Будто кошка прошла.

— Чьи это следы? — спрашиваю. — И почему тут ходит какая-то кошка?

— Вот и подумайте, — сказала мама. — Таёжную речку сковало льдом. Накрыло слоем снега. Речка стала замирать, становиться мёртвой. Рыбе стало душно. И она устремилась к живой воде, что бурлит у камня, на перекате. И зверь пронюхал это и ходит сюда, как в столовую. Подойдёт к кромке льда, смотрит. И как появится рыбёшка, выгребает её лапкой.

— Наверное, росомаха. Она ведь воровка. Решила у реки поворовать рыбёшек.

— Нет, след росомахи большой, — заметила мама. — Это наверняка соболь прошёл.

У чёрного соболя
Повадка особая:
Прыгнет красавец —
Во рту уже заяц.
И рыб ловить мастер
Красавец соболь.
У чёрного соболя
Повадка особая.

Пёс опять исчез в лесу. Поднявшись на крутой берег, мы увидели след собаки. Ханси длинными прыжками умчался по следу в ельник.

— Вот здесь-то мы тебя возьмём, — сказал Кирилл, загораясь охотничьей страстью. — Теперь моя очередь стрелять. Соболь будет мой.

Он быстро помчался по следу собаки в ельник. В ельнике тявкнул Ханси. Второй раз тявкнул и замолк. Потом лай раздался в другом месте и снова замолк.

— Это что, Ханси потерял след, что ли? Будто бегает по лесу и спрашивает: «Где ты, соболь? Где ты, соболь?»

— Нет... Ханси зря лаять не будет. Не было случая, чтоб он ошибался, терял след и зря лаял. Что-то здесь другое. Правда, собака может второпях и ошибиться, но человек должен собаке вовремя подсказать, что делать, если зверь окажется хитрее её.

Ельник был густой. Деревья жались друг к другу, будто от холода. Собака металась по ельнику. Она лаяла то здесь, то там. И вдруг с ельника на сосну, которая стояла недалеко, что-то полетело. Ханси появился тут как тут. Это был соболь. Он спрыгнул на снег, подразнил пса и вызвал погоню, а сам снова взлетел на другое дерево, на высокий старый кедр. Ханси залаял ещё звонче. Лаял упорно, почти плача. Соболь, должно быть, решил отдохнуть, смирясь с назойливым приставанием пса. Пусть, мол, собака изводится себе, а я преспокойненько посижу, погляжу, как она поёт под деревом. И мне не страшен охотник. Не первый раз встречаемся с ним. Посмотрим, кто кого перехитрит.

Ханси сидел на снегу, не спуская глаз с высокого сухого кедра. Кедр стоял на опушке ельника. В развилке двух стволов виднелось чёрное пятно. В нём вдруг исчез соболь.

— Наверное, здесь дупло, — сказала мама. — Соболь, видимо, решил в нём переночевать. Но как его взять? Можно бить по дереву тараном. Это беспокоит соболя. Он может выскочить из своего укрытия. Но уже сумерки наступают. Скоро будет темно.

— А как нам теперь быть? — спросил Кирилл, обращаясь к собаке.

Пёс зашевелил хвостом, чуть повёл ушами.

— Пусть сидит спокойно в дупле до утра, — сказала мама. — А утром видно будет, что делать.

Вокруг дерева мы поставили сеть. Если соболь выйдет из дупла, он попадётся в сеть. Зверь может разорвать сеть. Но это укажет, ушёл или не ушёл соболь. А если уйдёт отсюда соболь невредимый, то начнёт метаться по лесу, дурачить нас, охотников.

* * *

На следующее утро мы пришли к этому кедру рано-рано. Не было ещё ни зари, ни щебетания птиц. Мы подошли к кедру, держа собаку на поводке. У мамы было в руках ружьё наготове. Однако никаких признаков, что соболь находился здесь, не было. Молчал и Ханси, поглядывая на дерево.

И вдруг в чёрной дыре показались коротенькие, маленькие ушки, широкий лоб и хищные глазки.

Пёс радостно залаял. Соболь снова затаился в своём гнезде. Мама вырубила длинную тонкую палку, обломала сучья и стала бить по дереву. Мама стукнула раз, два, но соболь не выходил из гнезда. Тогда она вырубила из бревна колотушку, какой обычно сшибают с кедров шишки, и стала колотить по кедру. С кедра посыпался снег, пожелтевшие иглы, сухие ветки. Вдруг из дупла стрелою вылетел соболь, сделал гигантский прыжок на соседнее дерево. Дерево стояло довольно далеко, и соболь, долетев до ветки, сорвался и вместе с комом снега полетел вниз. А внизу вокруг этих двух деревьев — наша сеть. Мгновение, и зверёк в сети. Он мог и вырваться, если бы не наш пёс, который стремглав бросился к соболю, впился зубами в загривок, прижал зверька лапой в пушистый снег. Соболь пронзительно завизжал.

— Вот это добыча! — воскликнул Кирилл с таким видом, будто он «взял» самого дорогого зверька нашего леса.

— Самый дорогой подарок леса! — сказала мама. — Это Вормис-най оказалась сегодня доброй к нам.

Тут же мама начала свежевать добычу. Сняв шкурку, она долго мяла её в руках, прикладывая мех то к щеке, то на плечо. И приговаривала, обращаясь к лесу:

— Соболий хвост счастье приносит, говорят в народе. Сегодня у нас счастливый день охоты.

Мех у соболя бархатистый. Большой зверёк, почти в полметра длиной, и хвост длинный, чуть поменьше детской руки.

Мы вернулись в избушку поздно вечером, когда уже следы трудно было различать. Мама разожгла очаг. Ярко загорелись дрова, огонь осветил закопчённую стену, шкурки пушных зверей на жёрдочке, деревянную миску, чайник, кружку на полочке. На стене опять висят два охотничьих ружья, лук и стрелы. На нарах облезлые оленьи шкуры. У порога, свернувшись калачиком, лежит наш Ханси. Когда он лениво поднимает голову и к чему-то прислушивается, в его чёрных глазах вспыхивают искорки — отражение горящего огня. А может, он ждёт подругу, собаку дяди Нярмишки. Тот всё ещё не пришёл с охоты.

Мама суетится у очага, варит суп из беличьего мяса, греет чай. Хорошо поесть мяса после такого удачного дня. Мы сидим на шкурах, тихонько говорим с Кириллом об охоте. Закипел чайник, а Нярмишки всё нет. Наконец заурчал Ханси.

Пришёл дядя Нярмишка. Он снял малицу, сел на нары. Молчаливый, недовольный. Видно, плохо охотился. Не спеша раскурил трубку, и дым потянулся по избушке синим инеем.

— Хорошо вы сегодня поохотились. Чёрного соболя принесли. Законы тайги говорят: кто победил хозяина леса — медведя, тот сам выбирает тропу. Тот, кто добыл чёрного соболя, равный всем великим охотникам. Вы — великие охотники, — кивая нам с Кириллом, говорил Нярмишка.

В дымоходе чувала на ясном вечернем небе видны звёзды. Мы с Кириллом выходим на улицу, смотрим на звёздный вечер. Хорошо в эти морозные ночи! Лунный свет разливается над тайгой. Звёзды низко опустились над лесом. Они словно рассыпались на снегу искрящимся инеем.

— Снег голубой. Хорошо зверькам. Завтра пойду и я на соболя. Соболь хитрый. Не всяк его возьмёт. Сидит он в своём доме, и собака его не сразу почует. Помогать надо собаке. Увидишь соринку на снегу — остановись, посмотри. Может, выше домик соболя. Соболь — зверь мудрый. Он знает меня, охотника. Я зверей жалею. Летом у реки лося не возьму. Стыдно. Летом от комаров спасается лось. Легче его брать. Летом лось подошёл к жилью — мошкара его пригнала. Постоял недалеко от моего костра, ушёл. А зимой лося брать трудно. Лося ноги носят. Быстро бежит. И я гоняюсь за ним. Мы равные зимой. Зимой я возьму лося. Только мне бы лучше великий лес подарил чёрного соболя. Соболь — зверь дорогой.

Мама, накрывая на стол, что-то нашёптывала. Навострив уши, мы слушали заклинание:

Из белки шапка хороша
Для всех.
Для женской шубки так хорош
Соболий мех.
Ах, если б кто-то, шапку надевая,
Вдруг поумнел!
Ах, если б кто-то, шубку примеряя,
Вдруг сердцем подобрел!

КОГДА КАЖДЫЙ ДЕНЬ СКАЗОЧНЫЙ

И вот мы уже снова дома, в дедушкиной избушке. Вернулись с таёжной речки с богатой добычей.

Огонь горит ярко. Тепло. Над огнём висит кипящий котёл. В котле тает снег.

Протягивая лапы к огню, позёвывая и щурясь на пляшущие языки пламени, лежит собака дедушки Нёхс. У неё седые усы. Глаза слезятся. С утомлённым видом много и честно поработавшего пса поглядывает она на шаловливого своего собрата, на Ханси.

Ханси похож на юркого, хищного соболя. Взгляд старой собаки выражает безразличие к шалостям Ханси. В нём осуждение шумного, суетливого поведения молодой собаки. Нёхс стар и мудр, как Ась-ойка. Многие годы он был самым близким и незаменимым его другом. Они вместе слушали тайгу. Радовались успеху на охоте. Вместе огорчались. Теперь Нёхс состарился, согнулся, шерсть его местами облезла. Взгляд зорких глаз потух.

Правда, он и сейчас ходит на охоту. Он идёт рядом с дедушкой, настороженно поднимая ухо. Другое ухо оторвано в схватке с хозяином тайги. Вместо пушистого хвоста тоже торчит половинка. Когда он идёт с дедушкой, то гордо его поднимает. Ничего, что плохо видят глаза, ничего, если слух вышибло тяжёлым ударом тяжёлой лапы чёрного зверя, ничего, если иссякло обоняние. У Нёхса есть ещё преданность, и отдаст он эту преданность человеку.

До самой смерти он будет служить человеку. Нёхс сдержан и непроницаемо равнодушен. Он не завидует молодой прыти Ханси.

Ась-ойка сидит у огня и что-то опять мастерит. Заслышав нас, он широко улыбается и говорит:

— Садись к огню. Сердце пусть отогреется, мягким станет.

* * *

Сегодня дедушка сделал операцию шаману Нярмишке. Нярмишка ходил на охоту. Пришёл и говорит, что плохо видит. Ась-ойка подбросил побольше дров в чувал. Огонь в чувале волшебно затрещал. Потом Ась-ойка достал узкий нож-сёхри. Я знаю, это нож-лекарь, нож-хирург. Повертел его над огнём. Сказал два-три каких-то непонятных слова, потом наклонился над лицом Нярмишки. Нярмишка лежал у огня, глядя красными глазами в потолок. Я с ужасом смотрел на узкий волшебный нож Ась-ойки, который пока покоился в руке дедушки. Наконец дедушка вывернул веки глаз Нярмишки и сделал надрез острым кончиком ножа. Потом к красному глазу стал прикладывать маленькие кусочки снега. Снег в то же мгновение окрашивался, впитывая в себя кровь. Я испугался, думал, что Нярмишке конец. Увидев, что я испугался, Нярмишка лукаво ухмыльнулся. На другой день Нярмишка был здоров. Теперь он прекрасно смотрел на снег. А до этого он не мог смотреть на яркий свет, всё время закрывал глаза руками, жалуясь на страшную боль в висках.

— Что с Нярмишкой? — спросил я дедушку.

— У него снежная слепота.

— Что это такое?

— Это вроде болезни. Когда яркий солнечный снег, к глазам приливает кровь. Сильный прилив. Чтобы отогнать её, надо надрезать верхнее веко и выпустить кровь.

Я с удивлением посмотрел на дедушку. Сам почти слепой, а других лечит. Это ему, наверно, сёхри — волшебный нож помогает.

* * *

У меня нет сестрёнки, такой, как Агирись. Почему у меня нет сестрёнки? Одному скучно. Если бы не сказка, совсем плохо было бы. Только в сказке можно жить. Как хорошо чувствовать себя богатырём, сыном земли, поднимающимся на небо, опускающимся на дно морское, создающим острова, леса, реки, озёра. Хорошо быть строителем. Только плохо без сестрёнки. И я жалобно смотрю в смородиновые глаза Агирись.

Агирись будто поняла меня. Кивнув собаке и мне на прощание, важно сказала:

— А теперь приходите к нам.

И, не ожидая ответа, побежала к себе домой. «Как хорошо, что есть эта девчонка!» — подумал я.

* * *

Падает снег звёздами,
Пушистыми звёздами.
Соболь играет хвостом,
Золотисто-пушистым хвостом.
Рябчик играет крыльями.
И мы с подружкой играем,
В искристом снегу летаем.
Глаза у неё — звёзды,
Брови — соболя.
И рябчиком крылатым,
И соболем пушистым
Порхает
подружка моя.

* * *

Однажды я пошёл в гости к Агирись. Она жила в соседней избушке. Мы были одни. Был тёмный зимний день. В избушке стоял полумрак. Агирись показала мне чемодан с раскрашенными картинками. На картинках большие дома с большими окнами. Дома каменные. Улицы каменные. Берега реки каменные. Только вода блестит, как всякая вода. Река живая. Течёт она меж каменных берегов.

— Что это? — спросил я Агирись.

— Это город, — сказала Агирись. — Мне подарила мама.

— А где твоя мама?

— Она уехала.

— Как уехала? — удивился я.

— Она уехала на учёбу. Иногда она пишет мне письма. Письма читает вслух Учитель-най. Иногда мама присылает красивые вещи.

Мной овладело любопытство. Только я не знал, можно ли расспрашивать. Агирись взяла меня за плечи и серьёзно предложила:

— Давай играть в русских.

Она открыла чемодан и стала доставать разные диковинные вещи, шёлковые платки, ситцевые платья, перчатки, шарфы ярких цветов, причудливые шляпы. Раньше таких я никогда не видал.

— Это всё мамино. — Сказала и тяжело вздохнула. Она взяла тонкий голубой шарф с серебряными блёстками и обернула им мою голову. Затем нарядила меня в красную кофту и белую юбку.

— Какой смешной! — воскликнула она.

Я взглянул на себя в зеркало, и мы оба долго смеялись.

— А сейчас я себе нарисую усы, — сказала Агирись.

Мне казалось, что усы девочке не идут, но Агирись не обращала на это внимания. Она обожгла пробку и начернила себе большие чёрные усы. А мне начернила брови. Потом накинула на себя китель, который висел на стене, и надела фуражку с красной звездой. И мы оба расхохотались.

— Похожа я на русского? — спросила она меня, глядя в зеркало.

— Нет, не похожа! — возразил я твёрдо.

Потом она приказала мне смыть краску с бровей и сама смыла свои большие чёрные усы. Нарядилась в красивую женскую одежду. И стала совсем другой, не похожей на Агирись, на мансийскую девочку.

— Ну как я? Хороша!

— Хороша!

— А ты надень китель и эту фуражку с красной звездой... И будешь русским.

Мне очень хотелось фуражку с красной звездой и китель такой же. Только небольшой, поменьше. И я не стал надевать, чем вызвал возмущение Агирись. Мне захотелось русской одежды, но маленькой, быть как русский. Но об этом я не сказал Агирись.

Бабушка как-то по-особому смотрит на соседскую девочку Агирись. Она то ласкова с ней, то строга. Однажды она сказала ей строгие советы.

СОВЕТЫ БАБУШКИ ДЕВОЧКЕ

Скоро, ягодка, созреешь,
Крылья, птичка, обретёшь,
Улетишь с родного дома...
Что сказать тебе в дорогу?
Нужны девочке советы,
Как платок, как бусы, косы.
Скажет бабушка.
                    Послушай:
Улетишь крылатой птичкой
Из родного очага.
Пред тобою двери жизни
Сами мигом распахнутся.
Ты смелей входи, не бойся.

Всё в чужом дому иначе.
Всё не так, как в нашем крае.
Здесь и в пенье вьюги слышишь
Голос матери родимой...
Ты, очаг свой покидая,
Забери с собой, что хочешь.
Но оставь ты у постели
Узелок с цветными снами.
Пенье брось весёлым окнам.
Лень свою ты выкинь в снег,
Шалость подари подругам.
Позабудь былые нравы.
В ласках матери родимой
Ты не сможешь уж купаться,
К нравам привыкай чужим.
Отдавай поклоны людям.
Отвечай добром, кто добрый.
Душу вкладывай в слова.
Нехороших нравом бойся,
Чистоту свою храни,
Как лицо, глаза. Но руки
Ты не прячь, не береги
От любой людской работы...
Смелой будь и будь разумной.
Зоркий глаз имей — и ночью
Без огня работать сможешь.
Острый слух имей под утро,
И до птиц, до звонкой трели
Ты вставать должна. Запомни!
Утро, солнечное утро
Тебя встретит новой песней.

Сегодня меня озадачила Агирись. Как обычно, играли мы с ней, загадывали загадки, сказки сказывали. Поговорили про Эква-пыгрися, про его подвиги рассуждали. И вдруг она мне сказанула. Да так, аж будто по сердцу ножом.

— Ты не похож на Эква-пыгрися, — сказала она как-то по-особому. И запела такую песенку:

Снится мне мой Эква-пыгрись.
Мой Эква-пыгрись — богатырь.
Красивый, сильный богатырь.
Выше кедра богатырь.
Стройнее ели богатырь.
А брови у него чёрные, как соболя.
А глаза у него круглые, как луны.
А взгляд у него не злой,
Не лживый, не жадный, не горделивый,
А добрый, лучистый,

Чистый, как лесной ручей...
Благородный, гордый, умный
Мой богатырь.
На все руки мастер
Мой богатырь.

«Неужели я не похож на такого Эква-пыгрися?» — с сожалением подумалось мне. Мне стало обидно. Я стал придумывать какие-то загадки, слова, чтобы не показать свою обиду.

ЛУННАЯ ИГРА

Станет луна полной, как бубен. Соберутся малыши в светлую лунную ночь. И в серебристом сиянии начнётся потешная лунная игра.

Закричат проказники,
Всполошат ораву:
— Новолунья праздники
Справим мы на славу! —
Детвора, ликуя,
Поспешает в гости.
— Кули, кули, кули, —
Открыть двери просят.
Пироги и сласти
За порог кидают.
Двери того дома
Крепко запирают.
Двери того дома
Громко заклинают,
Протянув ладони,
Крошки хлеба сея:
— Щедрый, тёплый домик,
Будь ещё щедрее!
Коли в доме пусто,
Пусть же густо станет.
Если в доме грустно,
Веселей пусть глянет.
Кто не держит слова —
К нам его пошлите,
Вспыльчивого, злого —
К нам его пошлите.
Кто драчлив,
кто буен,

С нами несогласный —
Мы с ним потолкуем
Под луною ясной.
Станет он послушный
Под луной большою...
В дом всегда радушный
Ввалимся гурьбою,
Скажем:
«Ну, впускайте!»
Улыбнёмся ясно,
Высыплем на скатерть
Собранные яства... —
Сами ходят руки
У ребят всё время —
Лепят из краюхи
Хлебного оленя.
Вон с шутейным страхом
Вынесут ребята,
И на снежный сахар
Встанет зверь рогатый.
— Дедушка наш лунный,
Будь всё время с нами.
Дедушка наш лунный,
К нам тянись руками... —
Чтоб ветра подули
К северу и югу:
— Кули, кули, кули! —
Кормят они вьюгу.
Средь снежинок сеясь,
Сотканный из света,
Закружился месяц:
— Щедрого вам лета! —
И танцоры вьются,
Шум подобен грому.
И слова несутся
К месяцу седому.
Это честь по чести
Месяц — сам проказник —
С ребятнею вместе
Справил
лунный праздник.

А ночью мне приснилось капище — избушка на четырёх ножках, где сидели таёжные боги, разнаряженные в меха и сукна. Они смотрели на меня холодными пуговками глаз. Мне было жутко...

Утром мама пела песни в лесу. Пела громко и весело. А дятел, будто подыгрывая ей, стучал острым клювом по дереву, как по струнам санквалтэпа. Дерево звенело задорно. Бодро

токовал глухарь, словно подпевал. И рябчик насвистывал в лад этой музыке. Весёлая музыка плыла по тайге, где недавно почудились мне хмурые боги.

— А где боги? — спросил я маму, удивляясь, что в лесу она совсем не боится.

— Какие боги?

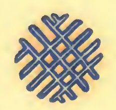
— Священные деревья, капище, камни...

— Дедушкины боги там, в тайге, в капище, а мы живём здесь. Если будешь умным, никто тебя не тронет, даже медведь.

И были мне её слова и понятны и непонятны.

Зимние ночи на Севере бывают волшебными. Умолкнет вьюга, утихнет мороз, взойдёт луна. Полная луна. Снег облит серебристым светом. На белых снежных волнах резкие, чёрные лунные тени. Небо чисто и прозрачно. Тишина. И вдруг на большой дороге, идущей мимо нашей деревеньки, раздаётся тихий топот и шелест: это едут оленеводы. При лунном свете вид у них сказочный. Олени бегут легко по снегу, словно не касаясь земли. И лёгкие нарты беззвучно скользят по снегу. Мохнатые фигуры оленеводов неподвижно сидят с шестами в руках. Оленеводы едут за рыбой. Они мчатся быстро. Срочно нужна рыба. Нужна для фронта, для красноармейцев, воюющих с Гитлером... Олени летят. На обратном пути олени будут идти медленно. Нарты, гружённые рыбой, тяжёлые...

И вот опять не слышно скрипа полозьев. На дороге никого. Тишина. Спокойствие. Лишь луна сияет... Большая луна смотрит без всякого выражения. Тишина, спокойствие, величавое равнодушие Природы. Кажется, всё дремлет под лунным светом.

СКАЗКА БЕЛОЙ НОЧИ

Зима. Хорошо.
Снег. Мороз.
Снег белый.
Мороз звонкий.
Колючий.
Тепло лучше.
Тепло летом.
Лето приходит
За весной.
Я жду весну.
Зову весну.

А когда живёшь с мамой, не замечаешь ни зимы, ни лета. С мамой хорошо и зимой, и летом. Я не заметил, как прошла зима и пришло лето.

Но сначала пришла белая ночь. Это особая ночь. И у неё своя, особая песня:

Белая ночь,
Бледнолицая ночь-северянка,
Дочь солнца и сумеречной синевы
Сиреневого апреля,
Плывёт над хрустальными льдами,
Над льдистыми снегами...
И звёзды-невидимки померкли
В сиреневом апрельском небе.
Тонет круглая луна,
Не звенит, как бубен.
Стала невидимкой.
Половодьем света
Плещется белая ночь.
В сиреневом небе.
В небе весна.
Белая синева.
Белая ночь.
Небо проснулось.
А земля спит.
Лёд стоит.
Синий лёд.

Хрустальный лёд.
Хрустальным холодом дышат
Сиреневые сугробы.
В тёмно-сиреневых кустах
Замерла ночь...
Мрачный холод.
Сиреневатые пуночки,
Легкокрылые пуночки,
Перелетая с сугроба на сугроб,
О чём-то щебечут.
Может, о тепле щебечут?
Может, тепло разносят?

* * *

Лучисто и морозно
На земле и в небе...
Земля ещё дремлет.
Небо уже проснулось.
Небо плещется
Солнечным светом.
В половодье света
Плывёт весенняя ночь.
Сиреневая ночь.
Белая ночь
Сиреневого апреля.

* * *

Эй, тронулся лёд.
Река ожила.
Живая вода
По реке поплыла.
И ты,
        старый снег,
Не лежи, не зевай.
Уплывай, уплывай.
Всё горе возьми,
Что принёс старый год.
Пусть счастлив
                    и весел
Будет народ.

Мне снится сон. Снится белая ночь. Я с мамой иду по большому лесу. Над тёмными деревьями светлое небо. Светло-бирюзовое небо. Не шелохнётся дерево. Не всплеснёт фиолетовая гладь воды. Беззвучна чёрная тайга. Тайга спит в белом сумраке. Спят звери, птицы.

Белая ночь. Светло. Странно, загадочно в тайге, и на речке,

и в деревне. Как будто день. Тишина. Изредка по-ночному взлает собака — и снова тишина. Пугают ночные звуки при сияющем свете. В такую необычную ночь вся природа кажется особой и уводит меня в сказочный мир грёз.

Лес медведем
Тёмным встал.
Дальше горы:
Там Урал...
За Уралом
Где-то, знать,
Солнце село
Отдыхать.
Прикорнуло
На часок...
Белый сумрак
Наземь лёг.

Мы с мамой идём по большому загадочному лесу. Тёмные деревья окутаны сумрачной тенью. Дорога. Большая дорога. По обеим её сторонам растут цветы. Жёлтые и красные цветы. Я иду рядом с мамой, ни о чём не думая, гляжу на цветы.

«Можно рвать только красные цветы, — говорит мама, — жёлтые ядовитые».

Боролись два богатыря, два духа. Добрый дух и злой дух. Бились до того, что истекали кровью. От злого духа лилась жёлтая кровь, от доброго — красная.

Я выпустил руку мамы и остановился, чтобы сорвать ей цветок. Большой красный цветок, качавшийся на высокой ножке. Какой странный цветок! Не то красный, не то жёлтый. Шаманский цветок! Я понюхал цветок. И удивился: красный цветок на глазах превратился в жёлтый. Я бросил этот гадкий шаманский цветок на землю, растоптал его, как противного зверька. Обернувшись к маме, я увидел, что её уже нет.

«Мама! — крикнул я. — Где ты? Зачем ты прячешься?»

Я побежал в лес, но там не оказалось никого. Я готов был расплакаться. В лесу было жутко и пусто. Вдруг совсем рядом я услышал голос:

«Я здесь, сынок! Разве ты не видишь?»

Но я никого не видел.

«Я здесь. Почему ты не идёшь сюда?»

Я понял: голос шёл из колючих кустов шиповника. Я бросился туда, но вместо мамы увидел шамана Нярмишку. Он корчил страшные рожи и показывал мне язык. Язык у него

длинный, красный. И он вытягивал его всё больше и больше, будто языку не было конца. Длинный шаманский язык был весь покрыт красно-жёлтыми пузырями. Я хотел бежать, но не мог сдвинуться с места. Ноги мои точно приросли. Вдруг всё исчезло — и цветы, и деревья, и шиповник. Я хотел кричать, но не мог: горло будто перехватило, язык словно примёрз. На щеках замерзали слёзы.

Когда я проснулся, увидел наклонившуюся надо мной маму.

— Ах ты соня! — говорила она. — Разве ты забыл, что сегодня день Большого Солнца. Твой день. — Серые глаза мамы загадочно блестели. — Вот тебе подарок, — сказала она, положив свёрток на постель. Кивнула мне и вышла из комнаты.

У меня ещё слипались глаза, в голове было смутно. И я не сразу обратил внимание на свёрток. Сначала увидел солнечный зайчик на полу. Это наступил день. Золотым конём стояло солнце. Это белая лошадь в окно хвост пропустила. Я опять закрыл глаза. А когда открыл, на окне стояло большое солнце. Мне хотелось вскочить на золотого коня и лететь над землёй, над большой водой. Вчера вода подбиралась к дому. Я соскочил с постели и побежал посмотреть на большую воду. Большая вода сияла кругом, плескалась о брёвна нашего дома. Наш дом будто плыл, как большая огненная лодка-пароход. Только рядом с пароходом никогда не плавают утки. Огненная лодка шумная. Шуму боятся утки. Наш дом не шумный, рядом с нашим домом плавают утки и селезни и вострохвосты. Только большие гуси, маленькие чирки сидят далеко, — наверное, боятся меня, большого.

Вода на озере голубая. Сколько на небе облаков, столько на воде. Рядом с домом по колено в воде стоят чахлые берёзки. Они почернели от воды, от холода. Лишь тальничек не мёрзнет. Но и тот не зелёный, а беловатый, словно его в снег обмакнули. Где-то слышно: «кака-уюв! кака-уюв!» Свиязи. Просвистев над головой, утки сделали круг и упали, всколыхнув воду. На воде, словно от сильного ветра, качнулись облака и берёзки.

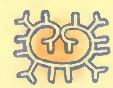
* * *

Ты послушай,
Как вода поёт,
Большая вода
Синей весны.
Ты послушай,
Как берёза поёт,
Белая берёза
Посреди воды.
На берёзе птичка
Крылышки чистит,
Ждёт подружку
Гнёздышко вить.
Ты послушай,
Как птичка поёт,
Малая птичка
Тёплой весны.
Ты послушай,
Как птицы летят,
Большие птицы
Синей весны.

КИСОНЬКА-ОХОТНИЦА

— Мяу мяу, кисонька,
Черноглазая кисонька!
Куда ходила?
— На озеро ходила.
— Мяу, мяу, кисонька,
Черноглазая кисонька!
Зачем ходила?
— На озере утки.
— Мяу, мяу, кисонька,
Черноглазая кисонька!
Почему ходила?
— Меня била бабушка,
Била кнутовищем.
— Мяу, мяу, кисонька,
Черноглазая кисонька!
За что била бабушка?
— Ой, не знаю, мальчик.
— Мяу, мяу, кисонька,
Черноглазая кисонька!
А у нашей бабушки
Кто-то ж съел сметанку?
— Утки съели, мальчик.
— Мяу, мяу, кисонька,
Черноглазая кисонька!

Утки в речке плавают,
В дом не ходят.
— Может, тогда бабушка
Сама сметанку съела.
— Мяу, мяу, кисонька,
Черноглазая кисонька!
Не обманешь ты меня,
Не обманешь бабушку.
— Ой, не бей меня, мальчик!
Была сметана вкусная,
Ой какая вкусная!
Мяу, мяу, вкусная!..

Пришла Мария Михайловна.

— А человек Большого Солнца спит ещё? — спросила Мария Михайловна. Её зовут ещё Учитель-най. Она будет учить взрослых дядей и тётей писать и читать. Она тоже принесла какой-то свёрток. — Вот тебе подарок, — сказала она и всунула мне в руку свёрточек. Но я не торопился развернуть его.

Я смотрел на улицу.

Вдали плавали лебеди. Я глядел на лебедей как зачарованный.

То ли они только сели, то ли выплыли из-за тальника.

— Ой, в какой красоте ты живёшь, Юванко! — воскликнула Учитель-най. — В каком уютном лебедином царстве ты живёшь. — Глаза учительницы смеются. — Сколько ты, Юванко, в эту весну уток взял?

«Соврать?» — думаю. А ведь врать-то я не умею. Один раз сказал неправду про бурундука, будто поймал его руками, — так до сих пор стыдно. После этого дал себе слово не обманывать больше. Уж лучше смолчать, чем неправду сказать. Молчу, краснею и тихо отвечаю, чуть не плача:

— Ни одной не убил.

— Ни одной! — сказала Учитель-най. Она посмотрела на ружьё и говорит:

— Отгадай: удал человек, а без чьей помощи выстрелить не может?

Я знал и сказал:

— Без ружья.

Весной стрелять нельзя. И утки, и гуси, и лебеди, которые сегодня плавают у нашего дома, пришли поздравить меня с днём Большого Солнца.

КУЛИК

«Йирув, йирув!» — кричит кулик,
И тот, кто слышит этот крик,
Без всяких слов тотчас поймёт,
Что, значит, скоро дождь пойдёт.

* * *

Крыльев частые удары,
Серебристый след гагары,
Пенный хвост на водной глади
За гагарой блещет сзади.
Вот промчалась!
И вода
Вновь зеркальна, как всегда.

Пришла мама. Она удивилась, что я не развернул её подарка. Мама развернула свёрток, и я увидел маленькие брюки галифе, сшитые из зелёного сукна. В таких галифе папа приехал из города, туда он ездил на сессию с новым именем «депутат». И ещё в свёртке были няры — чирки, сшитые из кожи, красивые няры, расшитые бисером.

— Ой, какие красивые! — воскликнула Учитель-най.

А мне они показались некрасивыми, у других ребят такие же.

Зато я обрадовался часам, которые мне подарила Учитель-най. Я раньше не видел часов. Красивые часы на цепочке и блестят на солнце.

Загадочный человек
День и ночь
Ходит без устали,
Пощёлкивая,
Похрустывая.
Что это?
— Часы.

И стрелки под стеклом красивые. Как человечки. Один человечек большой, другой маленький. Маленький человечек всегда убегает, а большой всегда догоняет. Убежит малень-

кий человечек, пройдёт совсем немного времени, а большой опять уже догоняет. Интересно смотреть.

Ещё подарила Учитель-най мне книжку с картинками. Книжку я долго рассматривал. Утки, рыбы нарисованы. И дома, и лодки, и мальчики такие же, как я, на страницах. Мой дедушка так бы не сумел вырезать на дереве. А кто-то смог. Потом мама приготовила угощение — жареного глухаря. Мы ели его. Мясо глухаря пахнет сосной, солнцем.

* * *

Мария Михайловна живёт в доме дяди Сергея. Учит его читать. Занимается и с другими, такими же большими дядями и тётями. Даже старикам подсовывает свои буквари. А те не хотят, ругаются. «Зачем нам это нужно? Разве книга рыба или зверь? Разве ею сыт будешь?» — говорят они. Не хотят они учиться — говорят, поздно. А их заставляют. Я хочу, а меня не пускают — говорят, рано. Что же происходит? Несправедливость какая-то.

И моя мама называет Марию Михайловну Учитель-най. «Най» по-мансийски «богиня», «героиня». Неужели Мария Михайловна героиня? Этого я не знаю точно. Знаю только то, что у неё уж больно много красивых вещей: книг с рисунками, блестящих тетрадей, острых карандашей. Тетради белые, будто сделаны из шкуры нежного зверя. Но самое интересное, конечно, карандаш: им можно выводить разные тамги, чертить, рисовать.

И как же эта палочка не сгорела, ведь её прожгли насквозь, даже угли остались в середине. Я очень был рад, когда Учитель-най подарила мне раньше моих одногодков такую палочку и тетрадь. Она сказала: «Пиши! Ты узнаешь много новых слов».

А я хочу писать палочкой с синим угольком. Удивительный этот уголёк. Сухой, пишет тонко, еле заметно. А если послюнить, жирные следы оставляет. Следы синие, как поутру следы зверя. Я люблю синий карандаш. Такой карандаш был у ати, моего отца. Он всегда его носил за ухом. Мой атя председатель колхоза. Я тоже хочу быть председателем колхоза. И мне очень нужен синий карандаш. Мне уже было дали его. Я даже успел поносить синий карандаш за ухом. Только недолго. Я очень часто слюнявил мой карандаш. И язык мой стал красивым, синим. Увидела это Учитель-най, закричала

северным ветром: «Ой, отравится наш Юванко! Химия! Химия опасна не только для птиц, рыб и зверей, но и для людей. Отравится человек!»

Так я узнал, что я человек. И мне опасно много химии. Кричи не кричи Учитель-най, а я всё равно люблю химический карандаш. Но с тех пор карандаш у меня отобрали. Пугают всё время химией. Ох уж эта Учитель-най! Неужели из-за неё мне не быть председателем колхоза?! Люблю я синий карандаш. Но Учитель-най теперь подарила мне красный карандаш. А я очень хотел синий, потому что от него как тени на снегу.

— Но главный подарок тебе, мой сын, — торжественно сказала мама, — мои напутственные слова:

Светлый свет тебе, мой сын,
Я дала в подарок.
Щедрым стань и добрым будь —
С детства ты навек забудь
Гнев, тупую ярость.
Знай, тебе всегда друзья
Конь, олень, собака...
Защищайся, но не лезь,
Коль не нужно, в драку.
Честь, как око, как дитя,
Береги от века, —
Вот тогда достоин ты
Званья человека!

Все остальные подарки исчезли скоро, как глухарь, которого мы быстро съели. А слова её и сейчас помню. Берегу их, как глаза и честь.

ДЕДУШКА ЛЕНИН

Проснулся однажды и вижу: смотрит на меня какой-то дедушка с бумаги, висящей на стене, за мной наблюдает. А глаза у него прищурены, будто спрашивает: «А как живёшь, малыш? Что будешь делать?»

И я опять нырнул в постель. А постель мягкая: лежу на оленьей шкуре, а укрываюсь шубой мамы. Та шуба сшита из лебединых шкурок. Лебяжий пух нежен. Тепло. Хорошо!..

А дедушка опять глядит. Словно спрашивает: «Долго ли будешь валяться в постели? Не проспишь ли ясное утро?»

Я выскочил из постели. Знаю, в ясное утро глухари токуют. А слушать глухариную песню — чудо!

Хрустальные капельки росы на листьях поют, зелёная тайга поёт, солнце, выплывающее из-за деревьев, поёт. Такую песню ленивый не услышит. Он проспит, проваляется в постели.

«Молодец! Молодец!» — говорят глаза дедушки.

Вошла в избу мама.

— А кто этот дедушка? — спросил я.

— Это Ленин.

Мама только что посмотрела сеть. Принесла ведро рыбы. Язи прыгают, резвятся в ведре, даже нежные сырки ещё живые, не успели уснуть.

А я уже одеваюсь. Натягиваю на ноги нюки-вай — лёгкие замшевые сапожки с красивым орнаментом, изображающим лягушачью лапу.

— Мне теперь ботинки надо, — говорю маме. — И фуражку...

— Приедет папа и купит. В магазине теперь много товара. Всё там есть. Раньше в деревне не было магазина. Ленин помог...

И мне казалось, что дедушка Ленин — это тоже мой родной дедушка. И живёт он рядом, как и мои папа и мама.

ШКОЛА — СВЕТЛЫЙ ПРАЗДНИК

Я собираюсь в школу. Давно я хочу в школу. Мама, дедушка — все мне помогают.

Больше всех помогает отец. Атя. Он недавно вернулся с войны. А когда уходил на фронт, я был ещё маленький.

Мама и бабушка плакали, когда провожали его. А я не плакал. Я думал, что уже вырос и стал мужчиной. Но атя вернулся, а я вырос совсем немного.

Отец большой и сильный. Гитлер стрелял в него, но атя живой. Атю нельзя убить. Мы идём с атей в школу. Моя ладонь в твёрдой, с мозолями, руке отца. Сухая трава шуршит под ногами.

Атя хороший и дедушка хороший. Только почему-то спорят. Почему? Не понимаю...

Атя говорит: «Дедушка твой шаман. Мы с товарищами хотели разбить его бубен. Но дед сам, добровольно сдал в колхоз людям лошадь, корову, барана. Бубен Ась-ойки мы пока не трогаем. Но ты его разговоры не слушай.

В нашей деревне школа, учителя хорошие. Книги у них умные».

Мама говорит: «Иди в школу. Но знай: дедушка наш не злой. Он меня, маленькую, плохому не учил. Добра и разума он всем хочет. Иди в школу, слушайся учительницу. Ты сам теперь большой. Сам и решай. Живи. Учись. Думай».

В школе был барабан. Совсем как бубен дедушки. И хотя по барабану били не лапками священной птицы гагары, а обыкновенными палочками, он так же, как бубен, гудел, шумел, гремел.

Дедушка говорит: «Видишь, и новым людям нужен бубен. Без старого не будет нового. А учительница твоя хорошая. Здоровается со мной. Так учись. Книг много читай. Понимай всё: будешь делать так, чтобы людям хорошо жилось».

И я пошёл в школу.

* * *

Пролетела сорока. Я знаю, что сорока болтушка. Она расскажет всем, что я иду в школу. Я хочу, чтобы сорока быстрее сказала всем, что я иду в школу.

Все ребята пришли в школу нарядные. Цветные ситцевые рубашки расшиты узорами. На замшевых сапожках тоже узоры. От них пахнет не только шкурой, но и красной охрой. А на кожаных нярах узоры из бисера. Только у меня нет никаких узоров. У меня ботинки. Все, глядя на меня, удивляются моим необыкновенным ботинкам. Их привёз папа из большого города. А на мальчика, который пришёл в школу в малице из оленьей шкуры, никто не смотрит, не удивляется. Обыкновенная у него малица. Только ведь осень ещё, не так холодно, чтобы в шкуре ходить. У большинства мальчиков длинные волосы, заплетённые в косички. Волосы блестят. Обыкновенно блестят, от обыкновенного рыбьего жира.

У меня волосы короткие. Подстригала меня сама мама. Ещё накануне. И голову мою мыла. И говорила ласково: «Пусть будет твоя голова красивой и умной». И я так же думал. Только тихо, про себя. Боялся, что меня не возьмут в школу... И ещё разные слова говорила мама, когда подстригала меня. У каждого манси должна быть своя форма стрижки. Если все дети будут одинаково подстрижены, думают взрослые, то они заболеют. Особенно смешно был острижен один из мальчиков: на макушке головы голо, а по краям оставлены чёрные космы. Если остричь эти космы (так говорит его бабушка), внука возьмёт куль — злой дух. У большинства мальчиков и девочек просто косички. Косички разные. У одних длинные, у других короткие. У одних косички заплетены цветными шерстяными шнурками, у других ситцевыми. Не разобраться сразу злому духу-кулю, у кого какая голова...

* * *

— Слушайся учительницу. Она будет тебе матерью. — Мама заплакала. Я рванулся к ней. Я не мог представить, как чужая русская тётя будет моей мамой. И как родная мама может оставить меня в чужом доме, в школе. Мне нравится школа, но я не хочу, чтобы мама уходила.

И всё же мама меня оставила. Уехала на берег большой реки ловить рыбу.

У других ребят мамы тоже на промысле.

Все остались. Никто не плакал. Не плакал больше и я. Только утром подушка моя была чуть влажной от слёз, уроненных украдкой. А когда закружились снежинки и река покрылась настоящим льдом, я всё же решил бежать к маме, добраться до неё во что бы то ни стало! Легче всего бежать было по реке. Она, покрытая льдом, гладкая, как дорога. Я помнил эту дорогу. Летом мы с мамой не раз ездили. Тогда вода была высокой, но и сейчас можно узнать все повороты речки, по которой ездили на лодках. Только одному страшно. Вот если бы вдвоём!..

У Кирилла мама была там же, где моя. Я поделился с ним своим планом. Конечно, Кирилл не только обрадовался, но захотел бежать сейчас же. Решили идти утром. Я знал: ноябрьский день хотя и короток, но если выйти из деревни сразу же после завтрака, когда ещё темно, то к полному рассвету можно дойти до речки, где большая дорога расходится на две. Хорошо видно будет, по какой идти.

Ночью мне снилась мама. То казалось, что она стала учительницей. Была совсем рядом и говорила, как русская тётя, разные слова. То была обыкновенной мамой в мансийском платье, расшитом обыкновенным мансийским орнаментом. Я бежал к ней, хотел прижаться к её груди. Но она почему-то уходила от меня. Я плакал, умолял взять меня к себе. Она смотрела на меня печальными глазами и шла мимо.

Утром, позавтракав, ребята отправились в классы, а мы с Кириллом незаметно надели малицы и побежали по реке. Идти было совсем легко. Мороз был небольшой. И ветер где-то уснул. Тишина стояла. Только снежок чуть-чуть похрустывал под валенками. Сначала мы шли не по дороге, а по льду. Правда, кататься было уже невозможно. Но всё же лёд есть лёд. Кажется, не идёшь, а катишься.

Морозно, но хорошо. Идти хорошо. Весело и легко на душе. Радуешься тому, что впереди дорога и радость путешествия.

И по дороге было хорошо шагать. Даже лучше, чем по льду. Впрочем, это тот же самый лёд, только снег на нём укатан до блеска. Следы саней и нарт, следы копыт коней. Почту возят. На лошадях. На оленях иногда даже здесь ездят. Я сам своими глазами видел. Вот хорошо бы сейчас на оленях прокатиться. Ведь до другой деревни на лодке и то долго едешь. Почти целый день. Километров, наверно, тридцать.

А до мамы ещё дальше. За другой деревней их промысел находится.

Вот уже и солнце выглянуло краешком глаза из-за дальнего леса. Заблестела узкая санная дорога, заблестела белая шуба реки и пологий заснеженный берег. Хорошо идти, когда светит солнце. Хорошо, когда веришь, что дойдёшь до мамы. А мама всё поймёт. Хорошо, когда кто-то понимает тебя.

Сначала шли по местности, на которой много следов человека. То здесь, то там стоят стога сена. На берегу иногда виднеется лёгкий шалаш, сложенный из больших кусков коры лиственницы. Но скоро пошли настоящие дикие места: ни одного санного следа, никакого признака человека. Только снег. Застывшая река. Лес на берегу.

Мы шли под крутым берегом реки. На высоком берегу, купаясь в золоте зимнего солнца, в бледной бирюзе морозного неба стояли лесные гиганты, свесившиеся над самой крутизной. Внизу ещё царят предутренние сумерки, а глянешь вверх — всё залито блеском. Впереди река становится всё шире и шире, белоснежная, сияющая река. За каждым поворотом она открывает новую даль. Сначала ноги были лёгкие, как крылья, но валенки тяжелели с каждым поворотом. И мы время от времени стали присаживаться. То на сваленное дерево присядем, то на заснеженную кочку. А под кочкой — норка горностая. Зверёк бегал, наверно, совсем недавно. И зайцы натропили ночью столько дорожек, что их даже не сосчитать, не то чтобы разобраться, куда дорожки ведут.

— А интересно: сколько километров проходит за ночь заяц? — спрашиваю я Кирилла.

— Наверно, не один и не два, — отвечает Кирилл.

— По-моему, километров сорок могут они без всякого. Не меньше!

— Конечно! У них четыре ноги. Им легче.

— Что ты?! Думаешь, мы слабее какого-то косого зайца? Мы ведь школьники, не малыши. Неужели мы за день не дойдём? До промысла как раз километров сорок. А половину мы уже прошли.

— Может быть, переночуем в деревне, которая будет за тем лесом? — предлагает Кирилл.

— Знаешь, если пойти прямо по реке и не заходить в деревню, можно быстрее дойти до мамы. Разве тебе эта незнакомая деревня нужна, а не мама?

— Но ведь скоро ночь...

— В этой деревне нас никто не ждёт, — настаиваю я. — И стыдно как-то стучаться в чужую дверь... Они будут смот-

реть на нас большими глазами, спрашивать, кто мы такие. Разве тебе не будет стыдно?

— И правда, — согласился Кирилл. — Они могут схватить нас и вернуть в школу-интернат. И мы не увидим наших мам.

— Лучше уж идти.

— Если пойдём прямо к реке, а там свернём в протоку, то сократим путь знаешь на сколько! К звёздам мы уже будем на промысле.

Как порешили, так и сделали. Снова весело захрустел под ногами снег. От одной мысли, что мы сегодня увидим своих мам, к ногам как будто прихлынули силы. Да к тому ж выскочила лисица. Виляя огненным хвостом, она пробежала в ту сторону, куда шли и мы. И мы совсем забыли про усталость. Полетели за ней следом. Но снег всё равно тяжелел и тяжелел. То ли глубже он стал, то ли устали ноги. Даже весёлая лисица, которая удачно мышковала на снегу, не помогала.

* * *

Снег полетел. Раздалось кудахтанье. То куропатки, растревоженные нами, взмахнув белыми крыльями с чёрными ободами, вылетели из-под обрыва. Чуть поднявшись, они тут же канули в сосновую поросль.

У обрыва в большую реку впадала лесная речка.

Лесная речка как новая сказка. Деревья остановились, снег засверкал. Ни дорог, ни троп. Мы идём по непрототоренному покрову. Деревья словно стражи покоя. Толстые стволы их подходят близко друг к другу. Ветви кедра, раскидистые вершины сосен, кроны елей местами переплелись, смешались настолько, что не проскользнуть сквозь них даже солнечному лучу. А солнце низкое, морозное. Ловко лавируя между деревьями, идём мы по лесу. Как охотники, идём, как настоящие манси. Птиц видим: сами они беленькие, носы чёрные, глаза чёрные. Что это такое? У меня был лук. Натянул лук. Запела стрела.

Одна птица упала. Другие улетели. Смотрим: не куропатки ли? Наверно, они самые. Глаза чёрные, носы чёрные, сами беленькие. Крылья не помогли.

Стрелы мои оказались сильнее крыльев птицы. Значит, и сам я сильнее птиц! Хорошо быть добытчиком птиц. Хорошо чувствовать себя сильнее крылатых.

Погода очень тихая. Очень хорошая погода. Сосна стоит не шелохнётся. Под сосной снег замусорен: валяются ветки, лишайник, сосновые иглы и шелуха от кедрового ореха. Вокруг дерева пороша. На ровном снегу беспорядок. Кто здесь безобразничал? Какой зверёк? Пороша вела от дерева к дереву. Значит, кто-то шёл от дерева к дереву. Кто-то на дереве, должно быть, сидит.

«Цок!» — раздался сверху пронзительный свист.

Я смотрю вверх, на заснеженные ветви сосны: ничего там нет.

«Цок! Цок!» — повторился свист. Ожила вершина кедра, который стоял недалеко от сосны.

«Цок! Цок!» И с вершины кедра кто-то метнулся на соседнюю пихту.

Ожила ветка пихты, качается. Смотрим — видим зверька в пушистой шубке.

* * *

Без крыльев, а быстрее птицы
С дерева на дерево перелетает,
Орешки грызёт,
С вершины кедра
Охотнику загадки загадывает.
Кто это?
— Белка.

— Давай-ка я стрельну, — говорит Кирилл.

Луки и стрелы у нас всегда с собой. И в школе после уроков каждый день ходили стрелять в цель. Кирилл натягивает лук, хладнокровно целится, стреляет. Ударяясь о ветки, сбивая шелуху, вниз летит серый комок меха. Белка. Лежит в снегу в той же позе, как в тот момент, когда она сидела на ветке, когда её поразила стрела. Головка с острыми стоячими ушками запрокинута вверх. Лапки взметнулись к самому подбородку. Задние ноги и хвост распластались — готовилась к большому прыжку, стремилась к новой высоте, к свету, жизни... Кажется, вот вскочит этот прыткий зверёк, взметнётся по стволу серым пламенем, качнётся ветка, другая, запляшет дерево, радуясь жизни. Но дерево не оживает. Снег мёртвый. Зверёк недвижим.

Кирилл бежит к своей добыче. Берёт зверька в руки. Рассматривает. Довольная улыбка расплывается на его лице. Попал остриём стрелы в голову. Чуть-чуть не в глаз.

— Поторопился, — говорит Кирилл. — В следующий раз надо попасть прямо в глаз. Наш дедушка, говорят, стрелял прямо белке в глаз.

Кирилл был подпоясан красивым дедушкиным поясом. На поясе зубы медведей, росомах, лосей. Много зверей убивал когда-то дедушка. И Кирилл не хочет отставать. Вот уже первого зверька убил. Надо бы снять шкурку белки да и повесить её на пояс. Из костяных ножен вытаскивает Кирилл большой дедушкин нож, надрезает шкурку на лапах, потом у подбородка, затем быстро стаскивает её, как снимают чулок с ноги, вывернув наизнанку, мездрой наружу. Всё делает так, как дедушка делал на охоте. Не раз он брал нас с собой. Ободранная тушка белки кого-то напоминает. Но кого? А-а-а! Так она на ящерицу похожа! Такая же продолговатая голова, длинное туловище, лапы. Вместо пушистого хвоста голый обрубок. И ящерицы обрубают свои хвосты... Мы сами видели это, а не только слышали. Тушка белки похожа на ящерицу. Видно, белка была когда-то ящерицей. Ползала по земле, а не летала-прыгала по ветвям высоких деревьев.

А медведь, с которого сняли шкуру, похож на человека. Сами видели недавно, когда охотники убили медведя...

«Медведь тоже человек, — говорит дедушка, — только дремучий лесной человек. Дикий он. Потому в берлоге живёт. А если убьёшь его, устроишь медвежий праздник, он вновь прозреет. Станет или человеком, или духом, богом или червячком, или ящерицей, или просто ветром.

Все рождаются и умирают, потом вновь рождаются то в одном облике, то в другом. Всё зависит от поступков, которые совершил ты в других существованиях, — говорит дедушка. — Но стремятся все быть духом высшим — человеком.

Нелегко достичь высшего, просветлённого состояния, — любил поговаривать дедушка. — Трудно достичь совершенства, но к этому стремиться надо».

«Интересно: кем я был? — думает Кирилл. — Может, вправду росомахой, как говорит, смеясь, бабушка. У-уф! Плохо быть росомахой. Росомаха чёрная, лохматая, вонючая, злая... К тому же её люди зовут разбойницей, ворюгой. Нет! Нет! Я не мог быть росомахой, Нярмишка просто меня дразнит. Он такой колючеватый...»

— У-уф! Вот её следы! — воскликнул Кирилл, увидев глубокие ямы на снегу, точно нарисованные через ровные промежутки большого снега. Вертлявая росомаха шла, видно,

как обычно, прыгая, вихляя толстым задом, махая пушистым хвостом.

Снег словно страница книги. Всё на той странице написано. Возле ели прострочил ровную строчку хитрый горностай. Сложный узор из следов вышила на снежном полотне юркая ласка. Вот строгий соболиный след. А тут купался в снегу кем-то испуганный заяц, видно, спасался от преследователя. А что за история разыгралась здесь, возле этих засыпанных снегом кустов тальника? Снег истоптан, помят. Здесь, видно, разыгралась лесная драма. Следы недавней борьбы запечатлел снег, краснели пятна крови и валялись перья. Кто-то с кем-то мерялся силой, кто-то кого-то здесь одолел. Вот ровная борозда, по ней волокли жертву. Два крошечных следа вокруг борозды. Наверно, это горностай. У него такой бисерный след. Двое волокли одного. По перьям похоже на белую куропатку. Зазевалась, наверно. Вот и потащили её в глубокую нору. На белом снегу зияла тёмная рана. Это вход в убежище горностая. Под снегом тоже жизнь. Странно, маленькие и бескрылые горностаи съели крылатую большую птицу...

«Живут и побеждают не только крылатые, — любит поговаривать дедушка. — Жизнь — борьба добрых и злых духов...»

— А это чьи следы? — вдруг воскликнул Кирилл. — Такие большие, глубокие. Не медвежьи ли?

— Медвежьи на человечьи похожи. А это копыта, — говорю я. — Лось, наверно.

— И правда лось...

И видим:
Перед нами стоит
Великан.
Огромный великан.
Глаза у него грозные.
Переносица горбатая.
Рога ветвистые, грузные.

Дыбом на холке густая грива.
Как у сердитого человека,
Сердито брови приподнимаются.
И он глядит на нас,
Грозно фыркая,
Будто говорит:
«Зачем вы,
Малыши,
На дороге моей стоите?»
И мы лесному великану
Великодушно
Уступаем
Дорогу.
Не боимся горбатого носа,
Сердито ощетинившейся холки,
Грузных рогов,
Грозных глаз.
Понимаем.
Уважаем великана
И великодушно
Уступаем
Дорогу...

Мы ушли от лося. Вышли снова к большой реке.

Вдруг увидели чудо: на противоположной стороне реки по берегу кто-то мчался на лошади. Сначала мы испугались. Подумали, погоня за нами. Хотели было прятаться. Но человек, взглянув на нас издали, стеганул лошадь плёткой и промчался дальше.

— Возьмите нас, дяденька! Нам в ту же сторону! — закричали мы.

Но дяденька не услышал. Он хлестал свою лошадь. Только снег вихрился под копытами.

Долго мы бежали за нартой. Но лошадь бежит быстрей. Скоро она скрылась за мысом...

Уже сумерки надвигались.

— Пойдём лучше по следу, — предложил приятель, — а то ещё заблудимся. Человек этот ведь не в лес ехал. Может, там и наши мамы.

— Нет! Речка, она всегда виляет. Зря потеряем время. Пойдём лучше прямо.

Но впереди не оказалось ни следа, ни речки. Пока спорили, что делать, совсем стемнело. На небе зажглись звёзды. Казалось, они чуть позванивали. И снег стал звонче. Это заиграл мороз. Взошла луна. Глазом великана она выглядывала из-за заснеженного тальника. Если бы я был один, то наверняка

испугался бы. А когда вдвоём, не страшно. Даже хорошо, что появилась луна. Снег заголубел, заискрился. И небо стало не таким мрачным.

Захотелось поиграть в загадки. И я под лёгкий хруст снега начал необычную игру.

— Скажи-ка, дружок,
Отгадай-ка, дружок:
Во всех семи случаях
Кто навредит?
— Трус и хитрец.
— Молодец!
А кто не верит
Правдивому слову?
— Трус и хитрец!
— Кто тайну не сохранит?
— Трус и хитрец!
— Тысячу раз кто умирает?
— Трус и хитрец!
— Один раз кто погибает?
— Храбрец!
— Нет богатыря без битвы,
А храбреца без рубца.
Храбрый знаменит в бою,
Трус и хитрец знаменит дома.
Трус за едой герой.
Храбрый — в труде.
Трус не вынесет палки.
Трус избегает друзей.
По следу труса не ходи.
Кто думает, каков будет конец,
Тот не храбрец...
И храбрецу нужна жизнь.
Храбреца боится смерть.
Быть честным и скромным
К лицу
Храбрецу.
Быть отважным и смелым
К лицу
Храбрецу.
Не ты ли тот
Храбрец-молодец?

Полная луна разливала голубовато-серебристый свет, тихо трепещущий над глубоко задумавшейся заснеженной рекой. Звёзды усиленно мерцали, стараясь проникнуть своими нежными лучами через толщу лунного тумана, окутавшего землю. Лунная тишина заколдовала землю.

Мы шли теперь медленно, тихо переговаривались.

— Тебе не кажется, что луна — глаз великана? — говорит загадочно Кирилл.

— Кажется... Только не глазом великана, а будто из-за деревьев смотрит Танварп-эква.

— Та, которая по ночам любит щекотать? Так она ведь около деревни живёт. Мама сказывала.

— А может, деревня правда здесь. Где-то недалеко.

— Пусть хоть Танварп-эква. Только бы недолго нам идти.

— Ноги мои стали каменными. Может, присядем?

— Садиться нельзя. Снег приворожит. И нам не встать будет.

— А мы не на снег. А вот на то поваленное дерево.

— Ладно, посидим. Я тоже устал. Хочешь хлеба? У меня ещё два кусочка осталось. Даже с маслом.

— Откуда у тебя столько хлеба? Мы ведь уже вчерашнюю порцию съели.

— Я давно готовился. Не всю порцию хлеба съедал. И сахар, и масло откладывал. Ждал, когда река станет.

— А чего ты мне не сказал? Я бы тоже...

— Я не думал, что ты...

— Смотри-ка... Глаз луны ближе стал. Может, и правда Танварп-эква?! Она тебя ещё не щекочет? Меня, кажется, уже начинает. Ноги мои будто кипят.

— Танварп-эква трогает только спящих. А ты ведь ещё не спишь. Или засыпаешь?

— Нет. Но...

— Смотри-ка! Смотри! Вот там! Кто-то едет.

И правда. По гриве, среди редких корявых деревьев, что-то замелькало, то появляясь, то исчезая. В голубом лунном свете будто летела по снегу голубая тень. Но всё же это была не тень, а лошадь. Настоящая лошадь. Она неслась, не как сказочная лунная стрела, а как обыкновенная лошадь, по хорошо укатанной дороге.

Значит, там дорога.

И мы побежали. Но кочки, пни, ямы мешали нам. Мы падали, поднимались и снова бежали. На мгновение ноги будто снова обрели крылья. Но на дороге, до которой мы еле добрались, сверкали лишь лунные искры от следов только что умчавшихся саней.

— Та же самая дорога! Я же говорил. Теперь нас могут найти. Авось опять поедут.

— Я больше не могу идти, — рухнув на снег, протянул Кирилл.

— Ладно, отдохнём. И пойдём дальше. Я знаю. Это совсем недалеко. Всего несколько километров. Мы должны, должны дойти. Там ведь наши мамы.

Отдохнув, мы снова шли. Шли медленно, еле-еле перебирая ногами, будто шли не по гладкой, наезженной дороге, а по глубокому снегу.

«Ещё немножко! Ещё немножко! Там наши мамы. Мы должны, должны дойти. Мамы нас ждут. Мы должны, должны!» — как заклинание, повторял я, подбадривая теперь уже не только товарища, а больше самого себя. Лунные искры закружились, заплясали. Голову тянуло к земле. Но снежинки всё же похрустывали, ноги шли, потому что в сознании светилось: моя мама...

Она просила сделать шаг, ещё шаг. Она умоляла не садиться на снег, а то увидишь Танварп-экву. А кто хочет увидеть Танварп-экву?

Лучше уж не видеть её. Лучше уж сделать ещё шаг, — а там и мама. Самая светлая, добрая, ласковая!

Шерсть малицы вокруг лица покрылась неприятным наростом — куржаком.

Глаза стало резать словно ножами. Слёзы повисали на ресницах, превращаясь в льдинки.

Нос всё время надо было прятать в заиндевелые рукавицы. Холод лез всюду, щипал, замораживал.

Потом я видел, как наши синие тени покачивались на голубом снегу, словно два карликовых деревца под сильным ветром...

И когда кто-то схватил меня большими сильными руками, я своими глазами увидел перед собой настоящую быстроногую лошадь, широкие сани, — лишь тогда я позволил своей голове закружиться в синих лунных искрах.

И по взгляду человека, схватившего меня, я понял, что этот довезёт до мамы.

Есть много чужих людей, которые относятся к человеку, попавшему в беду, как к своему, родному.

Я погрузился в забытьё...

А утром, проснувшись, увидел: мама накладывала на мой горячий лоб мокрую тряпку; она что-то говорила.

Слова были обыкновенные, какие говорят все мамы своим детям: чуточку строгие и ласковые в то же время.

В них всегда справедливость. И даже если слова мамы и на самом деле строгие, даже тогда совсем не обидно. А как-то необыкновенно хорошо. Светло. Тепло...

Голова моя кружилась. Ломило тело, ноги. Но рядом была мама. Её глаза смотрели на меня с любовью. Мама поняла. Поняла, почему мы с Кириллом бежали из школы. Ведь нам не только хотелось увидеть наших мам. Нет, не только это. Что-то большее было причиной. Соскучились? Да. Но не только это. Что-то большее было... Да, было! Потому и пошли по снегу наугад, не побоялись мороза и дальней дороги.

Но наши мамы скоро нас снова отвезли в школу. Только мы выздоровели — и нас сразу отвезли в школу. Было обидно. Будто они перестали понимать нас, сыновей. Мы по ночам снова роняли слёзы в подушку.

Но потом я стал замечать: учительница не такая уж мне чужая. Она была по-своему доброй и тоже стала меня понимать. Конечно, она не могла, как мама, с утра и до ночи тянуть невод, ловить настоящих живых рыб. Зато умела другое. Научила меня читать.

И книги были интересными не только своими картинками. Буквы, собираясь в строчки, как стадо оленей по горной тропе, шли и шли, спускаясь от одной мысли, поднимаясь к другой.

Прочитаешь страницу — будто тропу пройдёшь, вторую прочитаешь — на незнакомую высоту поднимешься, а книжку прочтёшь — в волшебной стране побываешь, все её дороги и тропинки изведаешь...

Летом я был снова с мамой.

Ловил рыбу, гонялся за утками, и даже настоящие, дикие гуси не раз убегали от меня, словно трусливые зайцы. И Кирилл был со своей мамой.

Хорошо было мне в окружении рыб, птиц, таёжных зверей, но почему-то книжки становились интересней и интересней. Они будто колдуны. Зачаровывают. Сидишь и смотришь в бумагу. И не желаешь бегать так много, как раньше. Вспоминается учительница. А к осени мне захотелось свою учительницу увидеть.

Еле дождался первого сентября. Шёл в школу, как на праздник.

И Кирилл шёл в школу, как на праздник. Он шёл рядом со мной, улыбчивый, весёлый.

Школа — большой светлый праздник.

* * *

Праздник, когда мама и папа со мной. Неужели этот праздник кончается? Папу увезли в чёрной кошёвке. И лошадь чёрная, быстрая. На быстрой лошади увёз моего папу большой начальник района. Он сказал, что надо поднимать новый колхоз. И папа поехал... Стал он там председателем колхоза. Колхоз этот далеко-далеко от нашей деревни. Не один раз остановиться надо на лошадях, чтобы доехать до той деревни. Не один раз чай кипятить, чтобы доехать до той деревни. Далеко... А дедушка уже старый. И бабушка старая. Собака у них стала старой. Они не могут ехать так далеко. И мама не поехала. Кто будет кормить дедушку? Кто будет кормить бабушку? И мне надо учиться. Как я могу оставить школу, которая мне нравится? У них там, может быть, и школы-то настоящей нет, одни олени. А мне нравится теперь наша учительница. Нет... Я не хочу в дальний колхоз. Я с мамой, с дедушкой, с бабушкой хочу. Папа уехал, а мы остались. Скучно без папы. Холодно.

ДЕДУШКА УХОДИТ В ИНОЙ МИР

В трубе чувала завывал ветер. Холодный ветер, злой ветер, ветер, несущий смерть. Под напором этого ветра еле удерживалась наша ветхая избушка. Казалось, вот-вот она сорвётся и огромной чёрной птицей взлетит туда, где одна смерть...

Ась-ойка лежал на мягкой оленьей шкуре ногами к живому огню. Он умирал. Всю долгую жизнь дедушка поддерживал огонь нашего очага. Теперь у огня сидели Анеква, моя бабушка, и я. Собака Нёхс, положив голову на лапы, глядела на дедушку тревожными глазами.

Ась-ойка говорил тихо, в лад завыванию ветра в трубе:

— Видно, настало моё время уходить. Слышите, как воет чёрный ветер, как зовёт меня...

Ась-ойка закашлялся, потом застонал. Непривычно было слышать его стоны. На днях он казался сильным. Плёл гимгу, сказку сказывал. Даже на рыбалку мы опять сходили...

Сегодня он лежал слабым и немощным.

Ась-ойка знал, что он умирает, и ему было тяжело.

— Вот зовёт меня Торум к себе. И я уйду. А вы оставайтесь с честью. Доплетите мою гимгу. Председатель колхоза придёт — извинитесь, что я ушёл, не докончив ловушку. Надеюсь, внук мой доплетёт её. Ну-ка, бери корень, плети, — обращаясь ко мне, сказал дедушка и тяжело закашлялся.

Я стал плести гимгу, со страхом поглядывая на дедушку, ещё не понимая до конца, что происходит.

— Ты, внучек, большой вырос, — снова начал дедушка хрипловатым голосом. — Скоро по жизни пойдёшь. Везде ходи, внучек, да только не забывай законы твоих предков...

Он, казалось, рассуждал вслух, уже для себя. И я сидел, слушал, слушал. Слушал дедушку, но чудилось, что это говорил ветер, который выл в трубе чувала, говорила тайга, которая стонала за стенами избушки.

— Я умираю, ты остаёшься, — продолжал дедушка. —

Кем ты будешь? Строителем жизни или её разрушителем? Не знаю, кем ты будешь. Знаю, кем я был. Знаю, что я хочу. Я был шаманом, был охотником. Учил охоте охотников, подбадривал их песнями и сказками в тяжёлые голодные дни долгой-долгой зимы. Я сегодня не успею тебе сказать всё. Но с тобой не прощаюсь. Горе прижмёт — вспомни меня. В большой трудной дороге будешь — вспомни меня. Чему я тебя учил, вспомни. И тогда рядом с тобой будут семь духов. Их я оставляю тебе: Когтистого Мужика, Лебедя-Журавля, Росомаху, Лягушку, Ворона, Осетра, Лося. Разные они. Разное услышишь от них... Но ты слушай, что они скажут, и мотай себе на ус. У каждого своя боль, каждый в чём-то прав. Не отворачивайся от чужой боли. Постарайся понять и другого. Научись перебирать пальцами струны моего волшебного журавля-лебедя — и ты услышишь песни солнца, воздуха, земли, воды, огня...

Огонь в чувале тревожно затрещал, вспыхнув на мгновение ярче обычного. Ветер в трубе завыл и замолк, испустив тяжёлый вздох.

Замолк и дедушка. Лицо его побелело, руки и ноги вытянулись, как жерди, подслеповатые глаза закрылись.

— Ой, куда от меня ушёл? Зачем оставил? Одну! Ой! Ох! — запричитала, заплакала бабушка, незаметно появившаяся рядом с Ась-ойкой.

Он лежал на шкуре, как срубленное дерево, неподвижно.

Поверить, что с говорившим за мгновение до этого человеком всё кончено, что он никогда не будет возвращаться, торжественно неся большую рыбу, не сядет за стол, не расскажет больше сказку, не пожалеет бабушку, — поверить в это мне казалось величайшей нелепостью.

Да я просто ещё и не представлял себе жизни без дедушки.

Пришли соседи. Они всю ночь в чувале поддерживали огонь.

Я задремал. И во сне снова увидел дедушку. Он был, как вчера, живой, весёлый. Рассказывал про Мир-суснэ-хума, про его трудовые подвиги... Такой же сон увидела и Агирись. В ту ночь дедушка снился многим, ведь все думали о нём.

Я обрадовался, что Ась-ойка жив-здоров. Мой восторг старшие восприняли с грустью.

Чтобы с достоинством проводить дедушку, приехали шаманы Якса и Нярмишка. Нярмишка сидел в «священном» углу избушки, готовился к камланию. На нём была высокая

шаманская шапка, сделанная из железных обручей. Эту шапку и посох для духов Ась-ойка завещал Нярмишке.

Чувал трещал торжественным огнём. Торжественным было моложавое лицо Потёпки, он грел койп — вещий бубен — над священным огнём. Вот кожа бубна натянулась, побелела.

— Подай-ка мне быстрее бубен да лапку священного лебедя, — поднимаясь с громким звоном со шкур, пропел Нярмишка. Брови его нахмурились двумя чёрными воронами.

Потёпка тотчас же подал бубен, протянул лапку лебедя, и стрелы заговорили. Нярмишка замер на мгновение и отошёл в сторонку, точно в тень.

В горле Нярмишки заклокотало. Лапки лебедя и стрелы тихо застучали. Первые удары, скользящие и лёгкие, вызвали только звон металлических блях и серебряных монет на бубне. Лишь от следующих ударов зазвучала шкура многозвучного койпа, вещего бубна умершего шамана, моего дедушки, и вслед за тем вырос голос Нярмишки:

— Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!..

Нярмишка камлал, рассказывая о жизни дедушки, славя его и благодаря. Нярмишка плакал в камлании своём, жаловался на краткость жизни...

Анеква сидит у чувала. Она сидит неподвижно и смотрит в огонь. Время от времени она бросает в пламя поленья и снова окаменевает... Большое горе глядит из каждого угла нашего жилища, где совсем недавно звучала сказка. А сегодня стало холодно, неуютно, пустынно...

Дедушку схоронили. Мама снова уехала на промысел. Я доканчиваю плести гимгу. И Кирилл с сестрою остались с матерью одни, такие же немощные, обессиленные, как и мы. И я никак не могу понять, откуда приходит эта самая страшная сказка — смерть... Скоро умерла моя бабушка.

Я запомнил слова дедушки: «Я ухожу, мой внук. Но душа моя остаётся с тобой».

В беде стойким будь!
В счастье рассудительным будь.
В битве храбрым будь.
В ученье усердным будь.
В слове красноречивым будь.
В славе скромным будь.
Вот природы главная суть,
Великих духом суть...

МАМА, МОЯ МАМА...

БУДЕТ ГРОЗА

Вокруг солнца
Появилось второе солнце.
Краса.
Будет гроза.
Синева
Режет глаза.
Краса.
Будет гроза.
Воздух зноен, неподвижен.
Замерли деревья,
Птичьи голоса.
Краса.
Будет гроза.
На небесную кручу
Взбираются тучи,
Съедают солнце.
Темнеет
Среди бела дня.
Краса.
Будет гроза.
Вздрогнул листик.
Ветерок проснулся.
Легкокрылый
Ветер встрепенулся.
Краса.
Будет гроза.
Задрожало дерево.
Затрепетала вода.
В вихре танца
Закружилась вода.
Краса.
Будет гроза.
Чёрные глаза
Чёрных туч
Сверкают.
Краса.

Будет гроза.
Раскаты грома,
Как чьи-то стоны,
Всё ближе, ближе.
Слезами дождя
Плачет краса.
Приближается
Гроза...

Я стоял перед мамой, растерянный и жалкий. Она лежала на больничной койке. Тихо шептала, будто молилась:

Словно рыбу с солнечной водой,
Нас с тобой не смогут разлучить.
Словно птице с высью голубой,
Нам всегда с тобою вместе быть.

Я весною светлою рекой
Рыбой звонкой к сердцу приплыву.
Обернешься дерзкой синевой —
Я взлечу и в эту синеву.

В голосе — слёзы. В глазах — боль. Глаза у неё большие и печальные. Но в них искрится ещё надежда.

Я оледенел. Не шелохнусь. Боюсь сделать шаг. В дверях стоят. Они в белых халатах. Наблюдают за мной. Из-за них я не знаю, что и делать. Не смею подойти к маме. Она растерянно смотрит на меня. Я то оглядываюсь на дверь, то слушаю её. Она застонала. На мгновение закрыла глаза. Потом горящим взглядом потянулась ко мне.

Мне хочется подойти к маме. К моей маме. Но у дверей они. Смотрят, не спускают глаз. Халаты у них белые. И я — как ледяной. Ноги у меня отяжелели. Только глаза бегают как шальные. Не вижу ни матери, ни белых халатов...

О, почему не подошёл я к ней, моей родной?! Почему не упал на грудь? Не поцеловал, не приласкал почему?! Может быть, я надеялся, что помогут духи?

Почему она сама не подозвала меня? Может, она ещё верила, что мы увидимся, будем жить, смеяться, радоваться солнцу, как и раньше?

Она вставала с солнцем. Радовалась солнцу. Была моим солнцем! Хорошо, когда солнце!..

Она не позвала меня, не простилась.

Она заставила меня всю жизнь вздрагивать. Вспомню — вздрогну. Сердце съёжится. Скорчишься, как от стыда, как от боли. Зачем она мне оставила вечную боль, вечные слёзы, вечный стыд за мою холодность, за мою недогадливость?!

А может, она нарочно оставила во мне этот беспокойный дух? Оставила для того, чтобы я помнил, что и у меня была мама, которой я обязан жизнью. Сыновнего тепла от меня было мало. Человек должен быть щедрым. Он не должен стыдиться ласки. Не имеет он права бояться постороннего взгляда. Он должен быть самим собой, а не ледышкой. Сердечность и внимание, тепло и ласка — начало человека.

Может, она нарочно не простилась со мной, чтобы я всю жизнь чувствовал, что я в долгу перед людьми, как перед матерью?

Маму похоронили. Приехал отец, сходил на могилу. Потом мы с отцом и тётей Акулиной, которая когда-то нянчила меня, сели на катер и поплыли вниз по Оби, далеко-далеко от родной деревни. В новой, незнакомой деревне люди говорили на непонятном, на хантыйском языке. И многое было непонятно мне. Почему здесь за столом хлеб, сметана, мясо? Почему в мамином доме всего этого не было? Почему моя мама с утра до самой ночи со звеном рыбаков ловила рыбу, а новая жена отца — моя мачеха — сидит дома? Другие женщины-колхозницы, так же как и моя мама, ловят рыбу, охотятся, корчуют лес, сажают картошку. Я знаю, мой отец председатель колхоза. Но не знал я тогда, что мачеха моя болела. Досадно мне было, в конце концов: у других ребят есть мамы, а у меня должна быть мачеха?

От этих дум я заболел. Заболел какой-то странной болезнью. Меня не бросало в жар, не трясла лихорадка — меня пронизывал холод. И я просто дрожал. Всё время дрожал, как маленький щенок, выброшенный на колючий снег из тёмной тёплой конуры.

Мама, казалось мне, здесь где-то рядом. Она часто снилась мне. Я снова слышал её родной голос...

Так было и в то утро.

«Пусть ещё поспит, — говорила мама, точно баюкая. — Устал, наверно».

«С чего уставать? С пустой охоты? Скоро десять лет ему, а всё ничего не приносит».

Этот другой — и тоже привычный — голос пытается возвратить меня из светлого сна в моё горькое утро.

«Какой же он ещё охотник! Поймите, ученик он!» Эти слова баюкают меня. И снова передо мной выплывает полузабытое лицо моей мамы.

«Зачем ему тогда новое ружьё купили? Дорогое ружьё. А утки где?»

Утки летят в голубом моём сне. Летят со свистом. Чёрными стаями кружатся. Они смеются надо мной, что я не могу попасть в них. А на озеро надвигается сумрак ночи. И где-то зычно хохочет филин.

«Когда вырастет, принесёт он вам не только уток...»

Просыпаюсь. Краешком глаза вижу: наша учительница Евфросиния Ивановна говорит с мачехой. А мне-то показалось, что это мама.

«Опять проспал», — мелькает в сознании. И я с ужасом ныряю под тяжёлую оленью шкуру.

— Как проснётся, пусть сразу бежит в школу. Он должен учиться! — говорит учительница моей мачехе.

Мачеха не была злой. Никогда не била меня. Только иногда ворчала. А вот однажды пожаловалась на меня. Наговорила учительнице, будто я один съел всю выданную семье пайку хлеба и сахара.

Вызвали меня в кабинет. За большим длинным столом сидела моя учительница. Напротив неё — мачеха. Когда я входил, она что-то торопливо объясняла учительнице. Я разобрал только два слова: «вор, вор». Я стоял перед ними как потерянный. Дрожал, словно на лютом морозе. Мороз ходил не по коже, а пробирался внутрь, леденя душу. Вот-вот я весь оледенею. Последняя надежда: тянусь взглядом к учительнице. Но что я вижу?! Она поверила мачехе... Даже стала ругать меня. Та, которая говорила голосом мамы, поверила не мне!

Слёзы покатились из глаз. А язык словно примёрз. Только дрожащие ноги ещё несли меня. И я побежал прочь от холода, от напраслины, от этих не понимающих меня женщин...

Самая большая дорога у нас — река. По реке привезли меня к мачехе. Я помню это. Река эта была тогда живой, играла волнами, блестела на солнце. Теперь она замёрзла, укрылась белым снегом. Посреди неё змеилась узкая санная дорога. По реке ездили на лошадях и на оленях, ходили пешком.

До родной деревни, деревни моего детства, было недалеко: каких-то сто километров. И я побежал по снежной реке. Но ветер был колючий. Он жёг лицо, пробирался под мех малицы. А наступавшая ночь показалась чёрной колдуньей Танварп-эквой... «Защекочет меня ледяными пальцами Танварп-эква, и никогда не увидеть мне родную деревню, друзей детства и дядю Сергея, тётю Олю, его жену, которая всегда найдёт для меня кусочек сахара, — подумал я, остановившись на развилке двух дорог. — Может, на ночь вернуться обратно и выспаться на каком-нибудь сеновале?»

Я так и сделал. Забрался на чей-то сеновал, на самый верх. Зарылся в сено. Внизу корова. Я слышу, как она жуёт. Веселее, когда не один... Я засыпаю. И снится мне жаркое лето. Солнце играет в речке. Купается вместе со мной. Вода тёплая. Я плыву. Плыву и почему-то смеюсь и плачу. Брызги радужной воды — солёные, как слёзы. И ноги почему-то тяжёлые. Точно в этой нежной воде они оледенели...

Вдруг сквозь радужный сон слышу чьи-то голоса. Всегда хорошо слышать чей-нибудь голос: и во сне и наяву. Голоса то удаляются, то приближаются. Мне хочется узнать: это голоса настоящих людей или духов?

Меня откопали из-под сена. Подняли на руки. Куда-то долго несли...

А утром я проснулся в интернате, среди таких же, как я, ребят. У моей кровати стояла учительница. Она смотрела на меня не так, как вчера.

— Как ты себя чувствуешь? — сказала она. Так участливо говорила только мама...

* * *

На уроках было хорошо. Я снова был счастлив, почти счастлив. Но дома... Там по-прежнему мачеха, а не мама.

И мною всё больше и больше овладевала таинственная болезнь. Я на глазах у людей высыхал, как осенняя речка, из русла которой уходила живая вода...

В нашей деревне Теги, в центре большого объединённого колхоза, был медпункт. Хороший медпункт. Добрая там была Дохтур-най, как называли фельдшерицу. К ней, а не к шаману уже шли за помощью в миг болезни. Из района приезжали волшебники в белых шапках, «снежных платьях» — настоящие врачи. Лечили меня, стараясь вырвать из «цепких

лап злых духов» — болезней. А я высыхал и высыхал, как осенняя речка...

Тогда обратился отец к шаману, который жил тут неподалёку в одинокой юрте на берегу глухой речки, где чаще встретишь зверя, чем человека.

Он расспросил, откуда мы родом и что со мной. Потом наотрез отказался шаманить.

«В родном уголке земли осталась душа твоего сына, он очень скучает, — сказал старик отцу. — Туда надо ехать. А я бессилен».

Отец мой был коммунист. Не сразу согласился везти в родную деревню. Но делать было нечего. Здоровье моё ухудшалось. И он решил сам не ехать, а отправить меня в сторону родной деревни с тётей Акулиной и её молодым мужем Никитой. Никита был бригадиром оленеводческой бригады. И втроём на трёх оленьих нартах мы помчались в Хомратпавыл, деревню Камрадку, где «осталась моя душа»...

Я лежал в родном доме. И слышал голос, похожий на голос Нярмишки.

— Всё зависит от нас, людей, — говорил он. — Если мы захотим, чтобы мальчик жил, мы все должны будем поклясться, что будем достойны имени человека по отношению к нему, будем охранять его.

— Клянёмся! — раздались голоса мужчин.

— Да продолжит сын достойно жизнь мамы. То, что мать не успела сделать, сделает сын. То, что не успела пропеть мать, пропоёт сын. И невыплаканные слёзы матери — прольёт сын. И неотведанное счастье матери — да отведает сын.

Да исполнит сын все мечты-думы матери, дедушки, бабушки!

Да продолжит сын достойно жизнь предков!

Клянёмся, люди, что мы ему поможем!

— Клянёмся! — раздались голоса.

Ещё три ночи мне снились страхи. Ещё три ночи меня трясло. Ещё три ночи меня холодило. Ещё три ночи меня бросало в жар. Но знал я, что не один, вокруг меня добрые люди. И перестало меня трясти. Я долго, долго спал: мне давали пахучее питьё из трав.

Холод из меня ушёл, ко мне вернулось тепло, спокойствие; странная болезнь, которую Дохтур-най назвала нервной горячкой, из меня ушла... И я снова стал учиться в школе, как все дети нашего Севера.

МОЙ НОВЫЙ ДОМ

Поздно вечером мы подъезжали на оленях к Теги, новой деревне моего детства. По небу гуляли звёзды. Они блестели, искрились, будто у них тоже весёлый праздник.

Звёздное небо — сказка.

Вот горит звезда Большого Лося. Когда-то охотник-великан бежал за лосем. Лось был тоже великан. Ноги его были стройными, могучими. И всё же охотник догнал его. Вот-вот настигнет стрела. А кто не хочет жить?!

Взмолился лось к Торуму, прося его помощи. Торум на этот раз, как ни странно, услышал. И превратил его в созвездие Лося. И начертал следы лыж охотника. Они легли на небосводе туманным Млечным Путём. На конце Млечного Пути — дом охотника.

А сам охотник сияет яркой Полярной звездой. Большая Медведица — Лось. Если присмотреться, можно увидеть других лосей. Все они молодые, безрогие. И головы их повёрнуты к созвездию Солнца, где звёзды сияют, образуя круги.

Эту звёздную карту можно увидеть и в наскальных изображениях восточного склона Урала. Звёздные мифы я слышал от дедушки. Так сказка и жизнь — два ручья, текут, сливаются, дальше бегут вместе, журча и звеня вечно.

Мчались наши олени по звонкой морозной дороге. В небе горела Большая Лосиная звезда. И мне казалось, что следы людей, ушедших в иной мир, сияли в туманном Млечном Пути. На конце Млечного Пути — их дома, души.

Большая Лосиная звезда сияла, а всё звёздное небо улыбалось улыбкой моей мамы, обещая мне дальнюю дорогу в школу...

* * *

И стал я жить в школе-интернате.

Школа-интернат — особый дом. Хороший дом. Самая большая комната называется классом. Класс высокий, свет-

лый. В два ряда стоят парты. Парты пахнут краской. Блестят. В углу класса шкаф. В нём книги, тетради, карандаши. На партах чернильницы с синими чернилами. Они лучше синих карандашей пишут. Карандаши у меня были и раньше. А вот чернильницы такой не было. Теперь есть. Хорошо. Перед партами стол учителя. На передней стенке висит чёрная доска. На ней пишут мелом. В сторонке от классной доски стоят большие классные счёты. На простенке между окнами портрет. Ленин. Смотрит с улыбкой. Ждёт, наверно, когда мы все всему научимся.

Ребята бегали по классу, пока не было учительницы. Каждый выбирал себе парту то рядом с окном, то подальше, как охотники выбирают скрадовку для охоты.

В школе-интернате много комнат. Классы, библиотека, спальни. В спальне кровати стоят рядом. Они покрыты цветными одеялами, как осенний лес листьями. Под одеялами матрасы, а не оленьи шкуры. Белые как снег простыни. Чисто, тепло, хорошо. Одна из комнат называется столовой. В два ряда вытянулись большие столы. На них будто только что выпал снег. Это скатерти такие белые. То ли от них светло, то ли от окон больших. Много света. На столах стоят тарелки, лежат ложки, ножи, вилки. Ребята едят все вместе. Всем вместе есть хорошо! Вкусно. Весело.

В школе учатся не все, а только сильные, здоровые. Это заметил я осенью, в первые дни. Сначала каждого осматривает не учительница, а женщина в белом халате. Старшие её называют Дохтур-най.

У неё есть блестящая металлическая трубка. Слушает ею, как бьётся сердце. Затем по груди стучит молоточком; заглядывает в рот, просит показать язык. Не болтливый ли язык? Потом что-то пишет. И говорит с учителем. Без Дохтур-най в школу не принимают. Я её больше всего боялся. Но меня приняли.

А ещё интереснее было в бане. Некоторые ребята, те, родители которых кочуют с оленями, не хотели идти мыться. Они на баню смотрели, как трусливые зайцы. Не ждёт ли их там что-нибудь страшное? Не живёт ли там куль — злой дух? А главное, надо быть раздетым на глазах у чужих людей. Стыдно. Один мальчик смешнее других выглядел. Верхнюю одежду снял, нижнюю снимать отказался наотрез. «Давай так мыться. Всё скидывать не могу. Как это быть голым на глазах у всех!»

А я бани не боялся, так как мой атя сам складывал печь в этой бане. И я уже мылся. Не раз. В бане было тепло, как летом. Даже жарко. Душно. Как перед грозой. Разделись быстро. Голые, как линялые утки, ребята летали от одного предмета к другому. Бесконечно слышалось: «Что это?», «А это что?». В бане было шумно, как на птичьем базаре. Шум, гам. Я подошёл к баку с холодной водой. Подставил под кран таз. Все смотрели на меня, что будет дальше. А дальше было обыкновенно. Повернул кран — полилась вода. Ребята, как идолы, стояли вокруг меня. Удивлённо посматривали. Конечно, те, кто поменьше да из дальних кочевий приехали. Налив немного воды, я вылил её на пол. Малыши завизжали как ужаленные. Они повскакали с мест и забрались на скамейки. «Что такое?» — спрашивает воспитатель. «Плохая вода, — отвечает кто-то, — злой дух!»

Я знаю, люди боятся холодной воды. Дедушка говорил, что в ледяной воде злые духи живут. Воспитатель показал другую воду. Она была тёплой, как солнце. Этой водой поливались, плескались. Было весело, как под солнцем.

Кончился день в новой школе-интернате. Пора спать. И надо было ложиться не на привычные оленьи шкуры, не на низкие нары, а на кровати, с которых нетрудно упасть.

Когда настало утро, увидели чудо. Некоторые спали под кроватью. Ночью разыскали они свою одежду — малицы, ягушки — и легли под кровать. Смешно. Я бы так не сделал. У нас дома тоже кровати. И ещё у каждого ученика отдельное полотенце. На полочках лежат мыло, зубной порошок, щётки. Это, может быть, и лишнее. Потому как я серу лиственничную жую. Зубы мои и так чистые, белые, горностаевые.

Школа-интернат — особый дом. Хороший дом. В нём мы все равные.

* * *

За окном ходит долгий зимний вечер. Ступит он на снежинку — слышится хруст. Прикоснётся к веткам — они звенят на звёздном морозе. В такой вечер хорошо сидеть у тёплой печки и слушать сказку.

— Жила-была рыбка. Плавала она в речке. Резвилась, играла. А мы её едим, — говорит один из мальчиков, снимая с чебака сухую шкурку. — Вкусная рыбка!

— А сделало вкусной эту рыбку солнце! Оно её высушило. Мне дедушка рассказывал.

— Разве солнце всех сильнее?

— Нет! Туча сильнее солнца, — говорит третий мальчик. — Она своими чёрными крыльями закрывает золотые лучи солнца.

— А кто сильнее тучи?

— Гора. Выше чёрной тучи белеет голова каменного Урала.

— А сильнее горы кто?

— Говорят, какой-то махар, по-русски его мамонтом зовут. Говорят, он изрешетил даже каменную гору. Оттого в ней так много пещер.

— А сильнее сказочного махара собака. Она насмерть загрызла мамонта. И с тех пор лишь кости его в земле находят.

— А кто сильнее собаки?

— В сказке говорится, будто духи, лесные боги-идолы, сильнее собаки. Они насылают на всё живое болезни.

— Если бы духи, лесные идолы, правда были такие сильные, их тогда бы люди в огонь не бросали. Рассердится человек на лесного духа за то, что он не помогает охоте, и сжигает идола.

— Огонь сильнее духов.

— Если огонь такой сильный, то почему он гаснет от дождя?

— Вода сильнее огня.

— А сильнее всех наша учительница. Её все слушаются, — пролепетал самый маленький мальчик, первоклассник, до этого сидевший молча.

И для меня моя учительница Евфросиния Ивановна всех умнее, сильнее, добрее. Она приходит ко мне во сне. И домой иногда приходит, говорит с мачехой, отцом. И мне кажется, в классе учительница смотрит на меня как-то по-особому. Мне становится тепло-тепло. И я забываю горечь. Зато запоминаю все её слова, стараясь не пропустить ни одного из них. И писать стараюсь красиво, чётко, чисто. Но это мне даётся нелегко. Нет-нет да и кляксу поставлю. Ругаю себя за это, но ничего не могу поделать. И костюм у меня стал весь в пятнах. Отец купил новый суконный синий костюм. А я его весь извозил. На перемене ребята пристают. И я борюсь с ними. Только силёнок у меня маловато. Они меня всё время на пол валят. Ничего, не особенно это больно. Больно другое. Когда Евфросиния Ивановна посмотрит на меня, как мачеха. И тогда сердце моё опять забьётся живой рыбой в шершавых руках рыбака.

Зато когда я первый решу задачу или прочитаю наизусть стихотворение, в глазах Евфросинии Ивановны зажигается особый свет. От него мне становится светло-светло... А на перемене я с ребятами бегаю, балуюсь, словно я самый счастливый, словно у меня тоже, как у всех, есть мама...

Спит в земле моя мать
                    и не слышит пургу.
Сердце сына — орешек, упавший в снегу...
Злобный ветер меня чуть со света не снёс.
Хищной пастью меня чуть не слопал мороз.
Как чудовище Мэнкв с рослый кедр высотой,
Снежный вихрь просвистел над моей головой...
Ослепили мой ум коротышки-божки.
Может, идолов этих принять мне в дружки?
Но от них голова тяжелеет, звеня.
И в глазах, как метель, хороводит земля.
Где дорога моя? Я умею стрелять.
Но ни пулей, ни стрелами Мэнква не взять.
И как встарь, Танварп-эква пугает детей...
И тогда на извилистой тропке моей
Встала русская женщина, молвив:
                                        «Пойдём!
Я сама позабочусь о счастье твоём».
Мне сердечное слово шепнула, как мать,
Повела меня в школу, где учат читать.
Где метлой прогоняют из детских умов
Коротышек-божков и лесных колдунов.
И набрал я весеннего воздуха в грудь.
И увидел я счастье и выбрал свой путь.

И ещё одна радость у меня. Особая радость. Тайная радость. Рядом со мной сидит Сказка. Белая Сказка. Большеглазая Сказка. Это не та Агирись, с которой я ещё не ходил в школу. Это другая. Ханты. Старшие зовут её ласково Эвилэнки. Я тайно зову её Эви. «Эви» по-хантыйски «девушка». Загадочно ведёт она себя со мной. Сидит рядом, будто и не замечает меня. Лишь когда у неё по арифметике задача не получается, поглядывает на меня. И я на неё посмотрю. Полюбуюсь на её розовато-снежные щёки с ямочками, на ушко, в котором есть дырочка для серьги, на её чуть вздёрнутый носик. А она иногда просто посмотрит на меня задумчиво-загадочными глазами, и хотя даже не улыбается, но в душе моей вдруг какая-то волшебная птица замашет крыльями. И, сидя за партой, я лечу вместе с этой белой Сказкой далеко-далеко, в загадочно-волшебное царство, где ласково, светло, высоко.

Но эта сказка длится мгновение.

На улице морозище. Стены нашей школы трещат. А на стёклах окна снежные узоры. Сказочную жизнь нарисовал мороз на стёклах. Холодновато в нашем классе. Но когда дёрну мою загадочную Эви за косички, когда она опять посмотрит на меня, мне опять тепло, светло, высоко. Дёргать её за косичку — большое, единственное для меня удовольствие. Дёрну за косичку и жду, когда запищит или пожалуется Евфросинии Ивановне. Но она, как назло, не пищит, не взвизгнет, не жалуется учительнице. Только взглянет на меня загадочно-сказочными глазами и снова смотрит в тетрадь или в книгу. Мне так и хочется разорвать, выбросить злополучную тетрадь или книгу, но опасаюсь Евфросинии Ивановны — вдруг её брови нахмурятся, а в глазах погаснет тепло. В них, в глазах русской учительницы, мой свет, моя радость, моя надежда. Не будь их, я тут же замёрз бы, как стекло на окне, как снег за окном, как река, закованная льдом.

Прочтёт она в книжке стихотворение — по телу тепло пройдёт, будто в моей душе, как в потушенном чувале, вдруг разожгли огонёк. Огонёк разгорается и растёт. Меня бросает и в жар и в дрожь. И я становлюсь словно заколдованным. И не смотрю больше на Эви и не дёргаю её за косички, а вслушиваюсь в завораживающее слово Пушкина. И уношусь в волшебный мир, где светло, тепло, высоко. Во мне растёт надежда. Надежда безымянная. На что надеюсь, не знаю, — наверно, на счастье... И всё же мне необычайно тепло, высоко, светло.

В зимние каникулы я поехал к тёте, в оленье кочевье.

Скрипят полозья. Цокают копыта. Поёт снег. Доносятся крики детей. Весёлый лай собак. Восклицания и смех женщин.

— Ого-го! Ого-го! — однообразная песня пастуха, погоняющего стадо. Мы едем, кочуем вместе с оленеводами, которые сняли сегодня чум и переезжают на новое стойбище.

На новой поляне, окаймлённой высоким лесом, поставят оленеводы чум. У нового лесного озера появится пастбище. В новом стойбище потечёт привычная жизнь оленевода.

И мы с Ай-Теранти живём этой древней жизнью. И нам эта жизнь кажется сном, таким же белым, смутным, расплывчатым, как эти снега, небеса, и таким же суровым, неспокойным, как снежные бури, налетающие внезапно с рёвом и свистом.

Впереди на нарте, запряжённой тремя оленями, едет Никита, муж моей тёти. Он бригадир колхозного стада. Сзади скользит ещё много нарт. Все они соединены в один санный поезд — аргиш.

Никита не гонит оленей, как обычно, а часто оглядывается назад. Усталые олени идут вяло: им сегодня тяжело. Вторые нарты нагружены вещами, третьи — провиантом, на четвёртых — шкуры чума, вдоль и поперёк перевязанные верёвками из оленьих сухожилий.

А дальше едут женщины, дети, старики и мы — ученики школы-интерната. Мы приехали на школьные каникулы. И нам здесь интересно. И мы стараемся сидеть на нартах, как настоящие оленеводы, взмахивая хореем на передового оленя, покрикивая и понукая его.

Низкое зимнее солнце, опоясанное двумя золотыми кругами, пересекающимися по сторонам его, сияло загадочно ярко. Пламенные лучи двух мощных солнц и главного, центрального, светила струились в морозном воздухе, зажигая алмазы, рубины, изумруды на заснеженных елях и кедрах, которые стояли вдоль таёжной оленьей дороги, как могучие богатыри. Каждая крупинка снега горела своим светом. И эти цвета казались маленькими зимними цветиками, как в сказке выросшими в этот ясный день на снежной одежде тайги.

Хотя местность была и не особенно холмистой, наши нарты качало, как лодку на волнах: под снегом корни деревьев, рытвины, кочки. Густая и высокая тайга сменялась тундровыми зарослями кустарников ольхи и криволесьем. Здесь хвойные деревца и белые берёзки, причудливо изогнутые, с неловко растопыренными пальцами-ветками изувеченных рук-сучьев, возбуждали жалость. Хотелось отдать им свои тёплые малицы из оленьего меха...

Первая нарта остановилась.

Спрыгнув на землю, поставив в снег хорей, Никита подошёл к передовому оленю. Олень, приподняв голову, устало взглянул на хозяина.

— Устал? — сказал Никита, взглянув на передового. — Облегчить тебя, что ли?

Взяв висевший у пояса нож, он надрезал оленю хвост, заструились алые капли крови.

— Что-то ты, брат мой, стал слабоват. Не застоялась ли кровь твоя? Не пустить ли кровь из копыт?

Старый испытанный олень смотрит на хозяина грустными глазами.

— Лучше бы Торум отозвал тебя к себе, что ли, а то самому решать тебя не хочется. Столько мы с тобой каслали.

Рогатый друг Никиты издал харкающий звук, будто и на самом деле понимал хозяина.

— Ладно, не плачь. Гуляй сам по себе. В стаде будь вожаком. А в упряжке время твоё прошло.

Нарты подъезжали. Останавливались. Аргиш подтягивался. Слышался скрип оленьих копыт, поглощавший голоса людей и звуки тайги.

Подъехала нарта моей тёти. Она ехала на женской ездовой нарте. Женские ездовые нарты особые. Они выше мужских и закрыты с трёх сторон высокими спинками. Чтобы дети не упали во время быстрой езды. А высокие копылья предохраняют на переправах через таёжные речки. Очень хотела моя тётя детей. Но так и не дождалась их. А на женской ездовой нарте поездила вдоволь...

Помню, подъехала тогда к нам радостная, улыбчивая. Сияя живыми, блестящими глазами, она спрашивала меня:

— Ну, как езда на оленях? Нравится тебе наш аргиш, наше большое каслание?

И я в ответ радостно кивал ей. Как же могло мне не нравиться? И олени, и собаки, и сказочный лес, и сказочные три солнца на сказочном зимнем небе!..

У кромки белой поляны, на которой остановились олени, стоял кедр. На развесистой кедровой ветке резвились две белочки. Скрип полозьев нарт и появление оленеводов не испугали их. И только когда я крикнул от удивления, что вижу настоящих, живых белок, они мгновенно застыли, как маленькие всадники в пушистой шубе. Словно удивились: откуда мы, такие, взялись?

«На ветке дерева всадник в пушистой шубе скачет» — так говорит мансийская загадка о белке. Перед моими глазами ожила загадка.

И посреди заснеженной поляны люди делали тоже что-то загадочное. Оленеводы втыкали в снег по кругу длинные тонкие шесты на некотором расстоянии друг от друга. Наверху

шесты крестообразно связывали вместе. Внизу образовалось кругловатое основание шатра. Затем стали покрывать эти шесты шкурами, сшитыми вместе. Сначала покрыли шкурами мехом внутрь. Снаружи тоже шкуры, только мехом вверх. И на снежной поляне ожила загадка — чум, конусообразный шатёр из оленьих шкур.

Недолго строили это жилище. Час, а может, даже полчаса. Снаружи и изнутри шкуры чума засыпали снегом, чтоб холод не проходил. Для предохранения от сырости и стужи пол устлали коврами, сплетёнными из прутьев берёзы. На ковры накинули оленьи шкуры. А вокруг стен чума уложили подушки из утиного пуха. Входят в чум через отверстие, завешенное оленьей шкурой. Место, противоположное входу, священное. Оно служит хранилищем лучших вещей и лакомых съестных припасов.

Посередине чума весело потрескивает огонь. Дым уходит вверх. Там, где связаны жерди, оставлено было отверстие для дыма. Чайник висит на продымленном круге, укреплённом наверху.

Посреди снежного моря
Пляшет красная лисица.
Что это такое?
— Огонь! — скажет каждый манси и ханты.

Горит огонь в чуме — и не страшны ни вой ветра, ни стон мороза. Чум — самая тёплая загадка, лучшее жилище для оленевода. И никакое другое не заменит его. Это я пойму потом.

Огню радуется и Авка [1], домашний оленёнок.

Авке хорошо, и даже слишком!
И она не мёрзнет никогда.
В чуме ей тепло, как и братишке,
Весело ей в чуме хоть куда.

Если кто-то принесёт конфеты,
То разделит всем, любовь храня,
Он погладит ласково при этом
Авку, как родного, и меня.

Авка, Авка, милый наш ребёнок,
Востроглаз, счастливая душа.

[1] Оленёнок, потерявший маму. Люди берут его в чум. Он становится членом семьи. Никогда не убегает, как другие.

Авка — наш домашний оленёнок —
Тянется к ладони малыша.

Мальчуган принёс ей хлеб украдкой,
Как сестрёнке маленькой своей.
Дарит Авке даже сахар сладкий
И играет, как с сестрёнкой, с ней.

И не знает Авка, что другая
Мама у неё в лесу была:
Гнутые рога и шерсть густая,
Гладкая, как на коре смола.

Но того, что было, не догонишь.
Хоть у Авки вольное житьё,
Но не знает Авка одного лишь:
Съел мороз ту маму у неё.

По закону тундры — хоть и чудом —
В тёплом чуме выросла она.
Пляшет вьюга яростно за чумом
И стучится в чумы допоздна.

Древний друг — костёр горит во мраке,
Самый щедрый житель с давних пор.
Ой как хорошо сегодня Авке.
Будет Авка щедрой, как костёр.

— Ты видел сказку? — спросила меня опять тётя, когда мы снова вышли на улицу.

— Я сказки только слышал, а видеть не видел.

— Сейчас ты видишь живую сказку. Смотри на эти три солнца и этот закат. Такое только в нашем оленьем каслании бывает... А ты не хочешь с нами жить, каслать. Всё учишься...

Тётя когда-то нянчила меня... И она теперь просила каслать с ней, кочевать по тайге.

Ведь кочевье — каслание — оленеводов длится не день, не месяц, а круглый год...

Солнце садилось на деревья. Вечерело. Ложные солнца расплывались в багровые столбы. А большое золотое светило, находясь между ними, медленно скрывалось в лучистом венце за верхушками деревьев. Скоро вместо солнца, скатившегося за сумрачно-белый лес, появился розовый столб, который постепенно разлился по небу розовой зарёй, предвещавшей на завтра ясный морозный день.

Между тем освежевали заколотого оленя. И в чуме начался праздник.

Праздник...

Это и переезд на новую стоянку. Это и поставленный на новой поляне чум. Это и оленьи гонки, быстрая езда на крылатых друзьях. Это и зима.

Зима для оленевода, оказывается, тоже праздник. Если спросить у него, какое время года лучше, он наверняка так и ответит: зима. Зимой нет комаров, гнуса, мух. В хорошей одежде не страшны ни зимняя пурга, ни мороз, ни ветер. Зимой — снег. Олени далеко не уходят. Караулить их особо не надо. Зимой у оленеводов много свободного времени: отдыхай, сказки сказывай, загадки загадывай, езди друг к другу в гости, принимай гостей. Зима — праздник, потому что вечера длинные, ночи длинные.

Ночь наступает.

Серебряный месяц на дерево сядет. Два серебристых дерева встанут по сторонам месяца, а третье поперёк месяца ляжет, как серебристый хорей. И опять — сказка. Зимняя сказка — оленья сказка.

Хорошо, когда зима — праздник, олений праздник...

ПЕСНИ ДЯДИ СЕРГЕЯ

Ночью мне приснился сон.

Сладкий сон. Счастливый сон.

Будто я опять в родной деревне живу. И дом наш стоит как прежде. И речка плещется у самых дверей, и в окно смотрит озеро. Над нашим домом — лосиные рога.

Они будто держат наш дом у самых туч.

А в доме горит огонь.

У огня мама.

Моя мама. Родная. Живая. Я плакал. Радовался. Был счастлив. И Кирилл был рядом. Он сидел у огня, загадывал загадки.

А дядя Сергей играл на санквалтэпе. Весело звенели струны санквалтэпа.

Мне было весело, хорошо.

Утром я сказал отцу, что видел сон. Отец выслушал меня и сказал:

— Ты соскучился. Езжай к дяде Сергею. Поживи там...

Как море снег. Сугробов гребни
Лежат загадками вдали.
А чум как бы старик волшебник
В оленьей шкуре до земли.
Земли и неба звёздный праздник
Искрится шкурою бобра.
Звезда Полярная не гаснет,
Сияет в небе до утра.
Но свет небесный греть не может.
Вернусь я в круг друзей своих,
Где правда ценится дороже,
Дороже шуб и оленйх.
Олень в упряжке познаётся,
А человек — в пути, в пургу...
Я — у себя, я — на снегу.
Как учащённо сердце бьётся!

* * *

Кирилл жил у дяди Сергея. Дом дяди Сергея новый, большой. Пахнет сосновой смолой. В нём нет комнат. Но у Кирилла есть свой угол. Над маленькой кроватью Кирилла висел портрет Ленина и много рисунков: лес, заснеженная река, звери, рыбы...

— Сам рисовал? — спросил я Кирилла.

— Сам, — нехотя ответил он.

В углу — книги. Рядом с книгами патроны. Тут же стояло ружьё. Тут же лежали деревянные птицы, звери, рыбы.

— Из какого дерева ты вырезаешь? — спросил я Кирилла.

— Из кедра.

— Трудно?

— Не очень.

Кирилл явно не хотел говорить. Он, как прежде, был молчуном. Молча протянул фигурку чуть больше указательного пальца. На меня скалила зубы ершистая всклокоченная росомаха. Я сразу узнал её.

— Это мне?

— Да.

— Зачем?

— Дарю. Пусть будет твоим амулетом. Злые духи будут от тебя бегать. Никто не укусит.

— Какие духи? Разве ты не пионер?

— Пионер.

— Когда приняли?

— Недавно.

— Галстук дали?

— Дали.

— Пионеры духов не боятся! — отрезал я.

* * *

Оленья упряжка остановилась у нашего дома. В нашем доме гости. Дядя Сергей стал каким-то необычным, весёлым. На лице тёти Оли появилась улыбка, радушие. В нашем доме праздник. Праздничными словами обращался дядя Сергей к приезжему:

Здравствуй, милый мой,
Гость наш дорогой!
С дороги не устал ты:
По ногам твоим видно.

И не голоден ты:
По глазам твоим видно.
Но всё же наш дом,
Дорогой, не обходи.
Кресло тебя ждёт.
Заходи. Посиди.
Стол тебя ждёт.
Огонь наш негаснущий
беседой удостой.

На столе появилась деревянная чашечка с краснощёкой брусникой. Повеяло запахом сушёной рыбы — ёхыл. Старый медный самовар запыхтел, зафыркал. Тётя Оля хлопотала у стола. Торжественным был дядя Сергей. Молчаливо, торжественно усаживались гости.

Старый закон Севера гласит: сначала накорми, напои путника, угости всем, что имеешь, потом только расспрашивай...

Когда гости уселись за стол, дядя Сергей принёс с улицы, где играл морозище, мёрзлого муксуна.

Дядя Сергей взял муксуна за хвост и начал колдовать. Вонзив лезвие ножа около хвоста, сделал точный надрез до самой головы. Потом возле жирного брюха провёл сияющим лезвием. Подрезав кусок рыбьей кожи поперёк хвоста, содрал с одной стороны рыбы блестящую серебром шкуру. Другой бок разделал так же. Затем нож прошёлся по спине и брюху, сострогав мясо вместе с плавниками.

Поставив рыбу вниз головой, дядя Сергей резал тонкие перламутровые стружки. Куски от спинки и брюха были самыми вкусными.

Красиво скользил нож дяди Сергея, красиво строгал он рыбу. Гости ели строганину, как самое лучшее, изысканное кушанье. Кроме рыбы, брусники и чая в нашем доме в тот момент ничего не было. И всё же гости наши были довольны. И мы были довольны.

Я был просто счастлив. Почему? Да стружки перламутровой строганины, таявшие на языке, расточали аромат свежести. Тает стружка во рту — и кажется, ты прикасаешься к вкусной сказке нашей большой реки. Но наверное, это было не главным. Главным было то, как дядя Сергей и тётя Оля встречали гостей, как резали рыбу, подавали чай, угощали ягодой и какие слова говорили. А северное слово за северным столом по закону тайги и должно быть так же сочно, как ягоды, рыба...

У дяди Сергея такая песня:

Словно люльку,
дверь тяжёлую качни —
Обогрейся,
покалякай, отдохни.
Если я убил оленя,
вдоволь ешь.
Мяса нету —
посмотри, как окунь свеж.
Ну, а нету даже рыбы у меня —
Мы вкусим тепло домашнего огня.
Гость высокий,
слушаю я речь твою.
И в ответ всё, что имею,
отдаю.

В доме дяди Сергея не горит лампа. Керосин кончился. В доме дяди Сергея горит печь, а на столе лучина. Свет от лучины тусклый. Зато ярко, тепло горят глаза тёти Оли. Она очень добрая. Всё, что есть на столе, всегда наше, общее. Никто никогда здесь не делит куски на жирные, сладкие и тощие.

Пусть в доме темно,
Зато в сердце светло.
В сердце светло —
В мире тепло.

Много заповедей-песен у дяди Сергея. Дядя Сергей не говорит, а поёт их, весело наигрывая на санквалтэпе.

Вкусна ли строганина,
Знает тот,
Кто её отведает.
Длинна ли тропа,
Знает тот,
Кто её пройдёт.
Олень хорош,
Когда он сыт.
Оленевод хорош,
Когда упряжка оленья
Вдаль летит
По снежному простору,
С ветром споря...
Добрый —
Друг твоей души.
Подлый —
Друг твоих вещей.
Смотрит в лицо —
Добрый.
Смотрит в спину —
Подлый...

* * *

— Кто сам не знает
И знающего не слушает?
— Глупец!
— Правильно! Молодец!
Глупец сам себя хвалит.
Глупый поймёт, когда устанет.
Пока мудрец размышляет,
Глупец совершит.
Глупый друг хуже врага.

* * *

Оленей считай, друзей почитай!
С младенческим трепетом слушай
Их настежь открытые души!
А также детей не считай!
Пускай подрастают ребята —
Бесчисленны, как оленята!

Себя не жалей, коль возьмёшься за труд.
К наградам стремиться не надо:
Есть вещи ценней, чем награда.
Не хмурься, когда обойдут.
И высшей наградой за службу
Считай пониманье и дружбу.

Приветом обрадуй друзей, что в пути.
В ком светится солнцем весенним
Душа молодого оленя —
С такими старайся идти!
А лжец, что трещит без умолку,
Пусть будет товарищем волку!
Собаку за волка не вздумай принять.
Собака — в любую погоду
Подспорье оленеводу:
С ней легче стада охранять...
И друга учи понемногу
Осиливать ту же дорогу!

ГЕРОИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ ДЯДИ СЕРГЕЯ

В просторном доме дяди Сергея стало тесно. Кажется, вся деревня собралась сюда. На столе дымится мясо. Вокруг стола люди. Затаив дыхание, они ждут, когда дядя Сергей начнёт

петь песню-исповедь, свою героическую былину. В руках у него пятиструнный санквалтэп. С медных струн санквалтэпа льётся мелодия дикого леса. Тихое, вкрадчивое, несмелое начало постепенно переходит в уверенную, стройную мелодию. Голос крепчает, как северный ветер. И вот дядя уже поёт громко, с вдохновением, встряхивая чёрными как смоль волосами. Монотонная мелодия прерывается такими неожиданными переходами, так игриво льётся, что невольно увлекает всех в свою чарующую стихию. Дядя Сергей поёт про свою молодость, про то, как он сражался с врагами, защищая город на Неве...

В тайге я был охотником,
ходил за зверем в мягкой шкуре.
В бою я был охотником
за зверем в железной шкуре.
Зверь в железной шкуре,
фашистский танк, шёл на меня,
Стремясь раздавить моё живое сердце.
Сердце моё в тайге пело,
Пело о любви, о высоких деревьях,
об удачной охотничьей тропе.
В бою в моих руках пело железное ружьё.
А сердце молчало, став
твёрдым, непоколебимым,
словно камень...
В тайге я летал, как беззаботный рябчик.
В бою я летал смелым соколом,
Хватая врага на лету.
Во время таёжных игрищ и веселья
Я плясал, как молодой олень.
В бой я шёл грозным лосем.
Вставал на пути разъярённого
зверя — фашиста.
В тайге я не ходил таясь, как росомаха,
Не хитрил, как лиса-пролаза.
В бою — я мудрым горностаем скакал,
Стараясь обмануть врага.
В тайге я был дружен
со своими сверстниками,
Деревья и травы берёг.
В бою я был суровым и бдительным,
как матёрый волк,
Осторожным, как ворон,
Осмотрительным, как медведь таёжный.

Меня захватила его героическая былина. И другие, казалось, тоже были заворожены.

Иногда его песня вдруг обрывалась и он, сверкая тёмными глазами, начинал быстро передавать подробности событий обыкновенной речью.

— Первую медаль «За отвагу» я получил в первом большом бою. Вот как это было...

Смотрю, прямо на меня ползёт большой железный зверь — танк. Ползёт на меня танк, рычит. По таёжным законам знаю: бежать от зверя нельзя. Если ты в чёрные глаза зверя будешь смотреть сверкающими зрачками пяток и быстрые твои ноги будут думать за тебя, не спасут тебя духи, покидают бегущих боги, настигает бегущих зверь...

Ползёт на меня танк, и я поднимаюсь навстречу ему, кидаю гранату. Вижу, враг мой остановился, задымил.

Не успел я удивиться своей силе, как из-за лесочка выползает второй и — опять на меня. А сзади бегут фашисты. Их много-много. В тайге никогда не видел столько зверья! Страх стал охватывать меня. И меня этот страх чуть-чуть не сломил. Но я остановился, вспомнив таёжное слово:

Кто волей слаб,
Того безжалостно погубит зверь.
Зверь сам склонится перед тем,
Кто непреклонен, словно смерть.

И я поднялся из траншеи во весь рост. Бросил гранату. Заставил и второго зверя остановиться. Но как остановить мелких врагов? И тут мне снова помогло таёжное слово:

Когда сильны твои враги,
Укройся в крепости
И призови друзей на помощь.

Крепостью моей стала земляная траншея, а другом верным — автомат. Заработал мой автомат. И фашисты падали, падали, падали, как мелкое зверьё под метким огнём.

Но не успело откатиться назад дикое стадо, как из лесной чащи выполз новый танк и — опять прямо на меня.

Немногого добьёшься ты,
Коль нет товарищей с тобой.
Когда безветрие стоит,
Погаснет сам собой огонь.

Оказывается, в тот миг в траншее я был один. Но скоро ко мне подоспели мои товарищи. Мой удачный поединок с танка-

ми они поддержали дружным огнём. Надёжную защиту может обеспечить даже союз со слабым. А союз сильных духом — несокрушимая крепость.

Из темноты лесной выползает новый танк. Но он уже не кажется мне страшным.

И в мире, и в сраженье
Нет важнее веры
В силу боевого товарищества.

Вместе с боевыми товарищами, стоявшими рядами, как вековые кедры, встал я на пути врага. Каменной крепостью встали мы, защищая город Ленина. А после боя подходит ко мне командир наш, прикрепляет к груди моей медаль и награждает меня тёплыми словами. «Спасибо за отвагу! — сказал он. — Наше дело правое!»

Дядя Сергей долго пел свою былину. То повторял напев, то вдруг обрывал пение струн и начинал быстро говорить, объясняя, что могло быть непонятно нам, его слушателям. И потом снова пел, рисуя перед нами картину за картиной сражения с врагом.

Задумались люди, поникли головой, молча воспринимая былину-исповедь. Иногда слышался слабый вздох или возглас ужаса, когда боец оказывался в безвыходной западне. Выражение лиц менялось, как поверхность воды от дуновения ветра. Видно, все находили в его песне близкое, кровное, своё. Это была песнь о Великой Отечественной войне, в которой принимали участие все народы Страны Советов, защищая завоевания Октября.

Мне очень нравилось в доме дяди Сергея. Он охотник. Только что песцов добыл. Мне тоже скорее хочется стать охотником. Я говорю об этом дяде Сергею. А он мне поёт под звуки санквалтэпа:

В каждой голове — тысячи дум.
Далеко видит глаз,
Но дальше видит ум.
Красота — для глаз.
Ум — для души.
Имеешь ум —
Следуй за ним.
Нет ума —
За советом иди.
Ум не измеряется ростом.
Ум не измеряется годами.

В магазине не купишь ума.
Нет богатства дороже ума.
Светлый ум — ясное слово.
Добрый ум — жизни основа.

Ты умный мальчик, а глупость задумал. Вырастешь — будешь охотником. А пока тебе надо учиться.

И дядя Сергей сказал ещё такую заповедь-песню:

Знает не тот, кто много жил,
А тот, кто много дорог исходил.
Помни:
Знаешь — скажи.
Не знаешь —
Лучше слушай.
Помни:
Знание дороже денег.
Знание — половина ума.
Знание — светильник души.
Золото можно не заметить,
А ум без внимания не останется.
Кто без знания, тот
без глаз.
Мастер дела — знание.
Не говори: «Я учился»,
Расскажи, что познал.

* * *

Синяя весна!
Пением птиц
Оживи озёра и леса.
И! У! А!
Птицы совьют гнёзда,
Высидят яйца.
И птички-невелички,
И рыбки, и ребятишки
Будут славить тебя,
Синяя весна!
И! У! А!

* * *

Синяя весна,
Принеси с собою
Золотое лето!
Чтоб солнце ходило высоко
И над землёю нашей
Черноглазая туча
Низко плыла.

Чтоб краснощёкая морошка
Успела улыбнуться солнцу
Золотой улыбкой жизни!

И вот долгожданная весна пришла, а за ней и лето. И я опять у дяди Сергея.

Весна красна цветами,
Белыми ночами,
Утками, лебедями.
Звенит, поёт весна.
А лето богато солнцем,
Большой водой и рыбой.
А осень богата ягодой,
Орехами, грибами...
Осенние заботы — для зимы работа.
Зима снегу наносит,
Тебя между делом спросит,
Что делал ты летом
Под тёплым солнечным светом.
Проспишь лето нежное —
Проклянёшь зиму снежную.
Летом работа до седьмого пота —
Зимой песни поёшь,
Загадки загадываешь,
Сказки сказываешь.
Хорошему хозяину
Нет плохих времён года.
Хорошему хозяину —
Круглый год забота —
Славная работа
До седьмого пота.

Весна — хорошо. Лето — хорошо. Я смотрю, слушаю. И полёт уток, и плеск реки, и танец журавля.

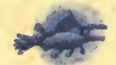
На берегу озера, на небольшой лужайке, я видел двух белых птиц—журавлей-стерхов. И замер, заворожённый их танцем. Высоко вскинув голову, белоснежный журавль кружил по лужайке, то ускоряя, то замедляя шаг. Он то вытягивал и отклонял шею, то кивал в такт головой. Журавлиха

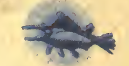
стояла не шевелясь, будто заснеженный идол. Она, наверное, была зачарована танцем. Журавль расправил могучие крылья и теперь уже не вышагивал, а летел, как олень, едва касаясь земли. Но это был не полёт, а танец. Свадебный танец белого журавля перед белой журавлихой. Во мне росло желание подойти ближе, чтобы лучше разглядеть чудо, творимое журавлями. Я шевельнулся. Танец оборвался. Две белые птицы рванулись в небо. Качнулись облака. Замерла земля. Всё вокруг помертвело. Редко кому выпадает счастье услышать песню журавля. А видеть танец — тем более.

На Журавлином озере
Золотая гладь.
Никогда не туманится
Та золотая гладь.
На золотой глади
Не белые облака.
На золотой глади
Белые птицы
В белую ночь
Танцуют белый танец.
Журавли-стерхи
Танцуют белый танец.
У журавля-стерха
Белая шуба.
У журавля-стерха
Гранёный клюв.
У журавля-стерха
Красная кайма на глазах,
Золотая песня на устах.

Я смотрю, слушаю весну. В плеске живой воды, в пении птиц, даже в кваканье весенней лягушки мне иногда чудится голос моей мамы. Мне кажется, она здесь, она со мной. Во мне всё оживает. И я просыпаюсь, как медведь после долгой спячки...

НА РЫБАЛКЕ

Утро было ясное, спокойное. Солнце играло на воде. Над водой важно летали халеи — огромные чайки-рыбоеды. Рядом с ними носились маленькие черноголовые чаечки. Бросаясь с лёта в воду, они кричали: «тира, тира, тира, тира».

— Чайки раскричались. Сосьвинская селёдка пошла, — хмуро сказал дядя Сергей. — Не успели приготовиться к путине.

Дядя Сергей, похудевший, с облупившимися от солнца скулами, ходил по берегу, бормоча песню. Песня его звала рыбаков быстрее починить крылья невода, чтоб закинуть его на плёс. Рыбаки понимали волнение бригадира, работали быстро. Руки их летали, как чайки. Глаза от возбуждения сияли, как плёс под солнцем.

Волнение охватило и нас с Кириллом. За весь день мы ни разу не заглянули в наш шалаш. В шалаше, сделанном из свежепросушенной травы, было хорошо, но на улице лучше. Да и помогать надо было старшим. Мы вычерпывали воду из лодки-неводника, укладывали ровными кругами толстую длинную верёвку, которой тянут невод, носили в лодку разбросанные кем-то гребли и вёсла. Не подпускали нас только чинить разорванные ячеи. Зато мы успели между делом поиграть в «настоящих рыбаков».

На золотистом песке мы рисовали косяки сорни-нялк — золотых рыбок, сосьвинских селёдок. Потом закидывали «невод». Неводом служила толстая длинная верёвка. Потом неторопливо, размеренно тянули невод. Как будто невод тяжёл не только от плещущихся золотых рыбок, но и от мокрой холодной воды.

Я помню тяжесть невода ещё с тех пор, когда у меня была мама. Мы с Кириллом и тогда тянули невод. Но то был наш невод, мамин невод. Маме было тяжело тянуть, как и нам. И всё же нам было весело... Рыбы весело плескались. И улыбались наши мамы. Кириллина мама улыбалась. И моя мама улыбалась.

Помню, мы плывём на лодке. Лодка большая. И невод, которым мы ловим рыбу, тоже большой, тяжёлый. Но нас много в лодке: четверо женщин, я и Кирилл — «один мужчина». На корме моя мама. Она правит лодкой. Куда повернёт весло — туда и лодка плывёт. Мама моя звеньевая рыболовецкого звена. «Мань-начальником» называют мою маму в колхозе. Но она на начальника не похожа. Не кричит, как другие. Даже голоса не поднимает. А люди её слушаются. Правда, это женщины. Ещё три такие же, как мама, женщины. Они вместе смеются и плачут, а иногда поют песни. Они подруги мамы. Поэтому, наверное, не кричат друг на друга, как другие колхозные «мань-начальники» — бригадиры и звеньевые.

А «один мужчина» — это мы, то есть я и Кирилл. Я — «полмужчина», Кирилл — «полмужчина». Но когда наше звено закидывает невод, мы становимся «один мужчина». Без наших рук женщинам никак не обойтись. Я бросаю в воду тетиву с грузилами. Грузила тяжёлые, тетива тяжёлая... И Кириллу нелегко. Он «сидит на греблях», вместе с женщинами гребёт. Да так, что аж вода звенит! И лодка наша, сделав заветный круг от берега к берегу, словно летит по воде. Потом вместе со всеми я тяну невод, а Кирилл тянет к лодке и складывает кругами длинную верёвку, вычерпывает воду из лодки. Но когда наш невод уже почти на берегу и в мотне уже плещутся рыбы, тут без Кирилла не обойтись: он выезжает на лодке к неводу, поправляет мотню. Рыбы плещутся, да так, что брызги летят. Брызги холодные, липкие. Но хорошо, когда они от плеска рыб. Я боюсь дождевых брызг. А брызги от рыб — это хорошо. Хорошо, когда рыба играет. Но без нас с Кириллом не играла бы рыба на берегу. И «один мужчина» часто тоже что-то значит.

Теперь нет наших мам. В земле тяжёлой наши мамы. Но зато есть родной песчаный берег. И широкий плёс, и наша золотая рыбка, и дядя Сергей, у которого живёт Кирилл. А я приехал в гости к дяде Сергею и Кириллу. И нам сегодня совсем хорошо.

Мы играем в «настоящих рыбаков». А скоро закинем и настоящий невод в настоящий плёс, чтобы поймать настоящих золотых рыбок — сосьвинских селёдок.

— Играете в рыбаков? — раздался голос дяди Сергея. — Хорошо. Добрая трава растёт, не дожидаясь, пока сойдёт весь снег. Кедру цена по шишкам и орехам, человеку — по труду, ребёнку — по игре. Играйте, ребята, в человека играйте.

Он задумчиво поглядел на синюю даль реки, где носились, горланя, чайки, потом резко произнёс:

— А ну-ка, рыбаки, в лодку. Ваше время настаёт!

Просыпайтесь! Просыпайтесь!
Рыб косяк идёт рекою!
Поднимайтесь! Поднимайтесь!
Рыб косяк — подать рукою!
Слушай! Слушай! Плещет разом
Рыб косяк по вешним водам.
Посмотри рыбацким глазом:
Рыб косяк идёт походом.
Словно золото, сверкает
Рыб косяк червонным блеском.

И вода над ним вскипает —
    Рыб косяк несётся с плеском.
Ждёт уже достойной встречи
    Рыб косяк за поворотом.
Лямки невода — на плечи!
    Рыб косяк идёт к замётам!
Кто там сна не гонит одурь?
    Рыб косяк поймать не хочет?
Где храпит безмозглый лодырь?
    Рыб косяк над ним хохочет!
Мчится быстро, мчится смело
    Рыб косяк, подобный туче.
Эй, рыбак! Зевать — не дело.
    Рыб косяк изловим лучше.
Вместе с чайкой просыпайся!
    Рыб косяк поймать нам надо.
Вместе с солнцем поднимайся!
    Рыб косяк возьмёт бригада!

И вот мы в лодке. На корме дядя Сергей. За вёслами сидят два настоящих рыбака и Кирилл. Он тоже настоящий рыбак. И я, как настоящий рыбак, стою посередине лодки: я должен тетиву невода с тяжёлыми гибасьями кидать в воду.

Дядя Сергей прикоснулся к воде большими шершавыми руками, провёл ладонью по чёрным, жёстким, как конский хвост, волосам, поднял лицо к небу. Он молчал. Река молчала. Лишь чайки кричали, зовя людей скорей начать путину.

Лицо дяди Сергея стало сосредоточенным. Широкие чёрные глаза его сузились, и крепким отрывистым голосом он произнёс:

— Поехали!

Лодка отделилась от берега, как птица, приготовившаяся к полёту.

Но не полетела, а поплыла по сияющей воде. Вода запела, заухала под вёслами и под тяжёлыми гибасьями, которые я равномерно выкидывал.

Чмокая, падал в воду невод, монотонно постукивая деревянными поплавками. Молча, сосредоточенно правил лодкой дядя Сергей.

Весь невод сброшен. Лодка повернула к берегу. Я важно, как настоящий рыбак, стою посередине лодки, держу в руках верёвку забежного крыла [1]. Ещё не доехав до берега, я выскакиваю на песчаный берег и первым начинаю тянуть мокрую

[1] Часть невода, которую закидывают.

скользкую верёвку. На подмогу мне бежит Кирилл и другие, настоящие рыбаки.

— Тяните, тяните, рыбаки! — кричит, подбадривая нас, дядя Сергей, подхватывая бечеву.

— Тянем-потянем скорее!—кричал в свою очередь Кирилка. Казалось, от волнения у него зашевелились даже уши.

Невод шёл сначала легко. Но, приближаясь к берегу, он отяжелел, огруз, будто где-то зацепился. Но шёл и шёл к берегу. Вот уже пошли ячеи, а вот и первые сосьвинские селёдочки. Небольшие, сантиметров в десять—пятнадцать, рыбки серебрились в лучах большого золотого летнего солнца. Весело заговорили женщины, выбирая рыбу из ячеи.

Радостно взвизгивая, прыгали на мелководье дети. Всеобщее возбуждение передалось и собакам. Глаза их сияли. Они важно расхаживали по песку, изредка поглядывая на чаек, гурьбой носившихся над приближавшейся к берегу мотней невода.

Хотя моё внимание целиком было направлено на плещущихся рыб, я изредка поглядывал и на дядю Сергея. Дядя Сергей тащил невод изо всей силы. Он не произносил ни слова. Но весь вид его, все его движения говорили, что надо работать в полную силу: это сегодня очень важно. Говорится ведь в народе:

Что делать — укажи.
Как делать — покажи.
Учат ведь не сказом —
Учат нас показом.

И ещё:

Лучше ста слов
Добрый пример,
Нет лучше учителя,
Чем пример.

Колхозу надо поймать много рыбы, чтобы выполнить план. Государственный план.

О плане говорили вчера. На коротком собрании. Теперь заговорили руки. Руки человека о его хорошей работе говорят в деле. Я был рад, счастлив, что меня и Кирилла допустили к настоящей, важной работе.

Совсем старые говорят:

Криком рыба не ловится,
Криком рыбу пугают,
А не дело решают.

И ещё говорят совсем старые люди:

Кто не умеет —
Злится да кричит;
Криком не выучишь,
А человека вымучишь.

Прав дядя Сергей, повторяя, что человека греет не шуба, а работа. Мне жарко, хорошо. «Металл закаляется на огне, а человек в работе». И эти слова дяди Сергея сегодня относятся ко мне. Я крепну, я расту. Хорошо. «Старания и труд к цели приведут». А наша цель сегодня — большая рыбалка.

Когда подтащили невод, сосьвинской селёдки стало столько, что дядя Сергей, проведя ладонью по влажному лицу, воскликнул:

— Большая рыба!

Слову — вера,
Делу — вера,
Рыбе — мера,
Добыче — счёт.

И на самом деле в мотне плескалось много-много маленьких нежных и серебристых рыбок. Казалось, что в большой мотне будто шевелилась одна большая золотая рыба. За нами следом закинули невод другие звенья бригады. Сельдяная путина началась.

А вечером мы сидели у костра. У каждого шалаша горел костёр. Много огней играло на тальниковом песчаном берегу, ставшем нашим рыбацким стойбищем. У нашего огня было весело. Дымилась уха из сосьвинской селёдки. Уха вкусная, сытная, сказочно прекрасная. Когда съели уху, дядя Сергей попытался собрать все косточки. Рыбка эта до того нежная, что у неё почти никаких костей нет. И всё же он какие-то объедки нашёл.

Всё сложил в одну деревянную чашу, очень старую деревянную чашу, похожую на лодку, и понёс её к воде со словами:

Расти, расти, золотая рыбка!
Плыви, полощись, большая рыба!
В нашей реке полощись,
Наши неводы не обходи,
Наши лодки освети сияньем серебристой
чешуи,
Наши дома наполни сытостью...

От сытости, от пляшущего огня, от светлой тёплой ночи хотелось прыгать, ликовать, как ликует огонь в свете летней ночи.

Чёрные глаза дяди Сергея сияли весельем, когда он обратился ко мне и к Кириллу:

— Кто герой в еде?

— Лентяй! — закричал я.

— Кто герой в труде?

— Герой! — закричал Кирилл.

Во всех шалашах ярко горел огонь праздника начала рыбацкой путины. Но особенно весело он горел в большом берестяном шалаше рыбаков, приплывших за большой рыбой с верховьев Сосьвы.

Ещё с утра нас звали туда в гости. И мы пошли. Радостным визгом нас встретила лайка. Навстречу нам вышел коренастый, чуть сутулый рыбак.

На нём красовались не болотные сапоги, а мягкие нюки-вай из замши, с орнаментом из красной охры, штаны из налимьей кожи, длинная мансийская рубаха, подпоясанная шерстяным поясом.

— Пася олэн! Здравствуй! — весело поздоровался дядя Сергей. — Принимаешь гостей?

— Пася! Пася! — отвечал радушно хозяин большого саскола — берестяного дома. — Гостям, однако, всегда мы рады. Гость в доме — радость, в шалаше — вдвойне.

Пока они обмениваются традиционными мансийскими любезностями, я осматриваю берестяной дом. Он весь сделан действительно из берёсты. Я видел, как это делается. Лоскутки берёсты варят с рыбьими костями. Потом сшивают оленьими жилами в большие полосы. Этому материалу не страшен ни снег, ни дождь. Ни капли воды не пройдёт сквозь берестяное полотнище.

Уложишь берестяные ковры на пятиметровые шесты, скреплённые наверху наподобие треноги, — вот и получится берестяной дом, чум островерхий. Свет попадает только сверху, там, где связаны шесты.

Там и отверстие для дыма. А огонь горит посреди берестяного дома. На большом железном листе играет огонь. Над огнём — прокопчённый котёл и большой медный чайник. Они висят на чёрной перекладине. А на светлой перекладине высоко висят мягкие на ощупь белоснежные шкуры гагар: ими отделывают одежду. Внутри дома лежат оленьи шкуры, малицы,

пушистые меховые женские сахи, расшитые ярким орнаментом. На них сидят люди. И нас просят сесть. И мы садимся за низенький с маленькими ножками стол. На столе дымится рыба. Но нам уже не хочется есть. Мы пьём чай, чёрный как дёготь кирпичный чай. Потом начинается веселье. Дядя Сергей берёт в руки санквалтэп. Когда этот инструмент, пятиструнный волшебник, по форме напоминающий лодку, заговорит, кажется, ты плывёшь по большой реке за большой рыбой. И вслед за звуками плывут слова:

Ай-я! Ай-я! Ай-я-я-я!
Эй ты, Витхон, водяной царь,
Бороду травяную почеши,
Рыб на речной простор выгони.
Пусть послушают они наши песни.
Пусть осчастливят наши невода.
Я призываю всякую рыбу.
Осетра беру своим вожаком,
Он любит плавать лишь по чистым струям.
Я зову в глашатаи серебристую нельму.
Пусть она будет нашим глашатаем,
Пусть призовёт других рыб:
И муксуна, и сырка,
И сосьвинскую селёдку —
Наше живое золото.
Да будет плескаться
Золотая рыбка в наших неводах,
А вы, большие рыбы,
На этот раз можете не заплывать в невод.
Будьте вожаками!
И мы скажем:
«Пумасипа! Много раз спасибо».
Ай-я! Ай-я! Ай-я-я-я!

Потом мы идём в свой шалаш. Знаем, долго в гостях засиживаться не надо. Знаем песню дяди Сергея:

В гости
без злости
И сытым иди.
Уважай хозяина,
Долго не сиди.
У гостеприимного огня
Погрейся три дня.
Помни:
В первый день
Ты золото.
Во второй —
Серебро.

На третий день
Ты медь,
На четвёртый —
Твоему имени
За порогом греметь...

Мы идём домой, довольные хозяевами и собой. Завтра рано вставать. Рыба не плывёт к соням, рыба попадается тому, кто обычаи предков бережёт.

А главный обычай — работать до седьмого пота. Так началась сельдяная путина. Наше тяжёлое, но весёлое трудовое лето.

Хорошо у чувала: огонь в нём не прячется.

— А у нашего учителя печь каменная.

— Не каменная, а кирпичная. Кирпич люди сами сделали, а камень на берегу валяется. Дикий он, как и деревья.

— Какая же печь лучше?

— Это кому как: русским, наверное, белая печь, она не дымит, как чувал. А нам, манси, наверное, без чувала было бы плохо.

— Почему?

— Огонь спрячет свой танец. Глаза радость потеряют. И загадки, может, не захочется загадывать. Без огня стояла бы ночь.

— В углу дремучего леса стоит чаша со строганиной из нельмы, со строганиной из осетра.

— А это дрова для чувала. Вот они валяются у чувала, эти стружки. Сытым будет чувал.

На чёрный лук натянута острая костяная стрела.

— Костяная стрела, наверно, клюв. А какой птицы — не знаю.

— Дядька в чёрном кувсе за ночь облазит верховья семи речек лесных, все камушки собирая.

— А, глухарь! Это в его зобу бывает много камушков. Мне папа сделал шар из зоба глухаря. Как настоящий мяч этот шар! И камушки внутри шара. Подкинешь его — и камушки внутри глухо позванивают.

А вот ещё одна лесная загадка.

В глубокой яме, в глухом лесу лежит бревно. Поросло бревно чёрным мохом.

Что это?

— Любой манси знает такую загадку. Это медведь.

— Тс-с! Нельзя называть хозяина по имени!..

И мы с Кириллом играем, загадывая друг другу загадки.

Триста шестьдесят пять рябчиков,
Зимних, весенних,
Летних, осенних
Пёстрых рябчиков.
Пятьдесят две тетёрки,
Двенадцать гусей,
А вместе — один орёл,
Могучий орёл,
Крылатый орёл,
Которого стерегут
Два человека,
Щедрых человека,
Светлых человека...
— Солнце и луна
Эти два человека.
Остальное:
Дни, недели, месяц, год.

Мы плыли на лодке по реке. Река была извилистой. Один плёс не походил на другой.

У каждого плёса, острова, обрыва — своё имя, своя легенда. Мы проезжаем по протоке мимо двух островов. И у них есть своя легенда.

ДВА ОСТРОВА

В большой заводи жил Виткась.

О, это волшебное и таинственное водяное существо!

Рассердится на людей или на духов, населяющих землю и воду, — начинает рыть берег. И крутой берег реки сползает в реку, валятся даже вековые деревья... Вы о нём ещё много услышите. А сейчас расскажу о том, что случилось однажды.

Плыли по реке два Мэнква. Посреди реки плыли. Не боялись, наверно, Виткася. А люди его боялись. Обходили это

место. Лодки и вещи тащили волоком. Мэнквы людских обычаев не придерживаются. Вот и поплатились. Лодку великанов закрутило в заводи как щепку. И на широком плёсе, где, пенясь и шипя, крутились струи, раздался плач людоедов. О, сколько было слёз!

И неспроста плакали. Великий Виткась всплыл на поверхность. В момент, когда Виткась всплывал, переломились гребли великанов и лодка села на мель, а великаны тут же превратились в два песчаных острова. До сих пор эти два песчаных острова посреди реки стоят.

Вот какую силу имеют обычаи и законы людей. Упрямство и непослушание валят даже великанов, превращая их в песок, в прах, в землю.

* * *

Дядя Сергей сидел на корме нашей лодки и пел:

Что глаз мой видит,
О том и пою.
Что ухо слышит,
О том и пою.
Что сердце чует,
О том и пою.
Слушай песню мою —
Узнаешь
душу мою.

* * *

Яр высокий с рябиной красной.
Крутоярье, страшный берег,
Сыпучий берег с зелёным кедром,
В половодье оживает
И шипением пугает.

Крутоярье, берег красный,
Как живой сползает в воду,
Осыпаясь звонким громом.
Кто туда весною ходит,
Кости мамонта находит.
Так говорят люди,
Совсем старые люди...

Если солнце, как брусника,
Станет красным на закате, —
Утром ветер заиграет,
Тучи в небе закачает.

Так говорят люди,
Совсем старые люди...

Если солнце жёлтым маслом
Обольёт закат свой зимний, —
Быть тогда морозу утром.
Так говорят люди,
Совсем старые люди.

* * *

А летом много цветов.
Облака похожи на цветы.
Небо похоже на цветы.
Солнце похоже на цветы.

И на лугу цветы. Цветы нельзя рвать. Бывает, из них вырастает вкусная ягода. Красиво цветёт земляничная поляна. А ещё красивее бывает на земляничной поляне, когда созревают на ней душистые красные ягоды, сладкие-сладкие. Красиво бывает и на Черёмушьей гриве...

В конце лета всё созревает.

СЕВЕРНЫЙ ХЛЕБ

КОЛОС

Мы с атей шли по большой траве. Большая трава высокая, чуть выше меня. Но атя мой выше. Трава шуршит, будто что-то говорит. И атя мой говорит. Он говорит о необыкновенно большой траве, которую я вижу впервые.

— Это колос, — сорвав одну травинку, говорит атя.

— Но разве это мука?! — удивляюсь я.

Колос... Так называют у нас муку. И ещё так называют мясной суп, приправленный мукой. А чтобы траву, растущую на лугу, так называли, я не знал.

— Это не луг, а поле, — продолжает объяснять атя. — Луг дикий, а поле пашут люди, чтобы вырастить на нём хлеб.

— Разве это хлеб?—опять удивляюсь я.— Трава же это!

Я знаю, как вкусен хлеб. Особенно горячий, который только что из печки. Ноздреватый, пышущий жаром хлеб — сказка!.. Но разве эта трава — хлеб?!

— Хлеб! — твёрдо сказал атя. Сказал, как отрезал. Атя председатель колхоза. Он не любит, чтобы ему перечили. Я не колхозник, но даже со мной он разговаривает, как с колхозником. Мне это не нравится. Но хлеб мне нравится. Даже тот, который ржаной. И я, пожалуй, люблю его больше белого. Особенно со строганиной из свежемороженой нельмы. Перламутровые стружки строганины вкусно тают во рту с тёплым ржаным хлебом. Но никак не пойму, как из этой жёлтой золотистоголовой травы такой вкусный хлеб может получиться.

— О, это большой и долгий труд! Много пота надо пролить, чтобы из чёрной земли вырастить белый вкусный хлеб! Вырастешь, сынок, — узнаешь.

Подул ветерок. Золотистые волны поплыли по лугу, который называют хлебным полем. Хлебное поле небольшое. Не сравнишь его с широкой Обью, с большой тайгой, даже с не-

большим озером, что у нашей деревни плещется. В озере больше воды, чем в этом поле травы, которую называют вкусным словом «колос». Да, ведь я помню, как отвоёвывали у тайги это поле. Сначала рубили лес. Под звон топоров валились на землю сосны, ели, даже кедры. Потом вырывали из земли корни деревьев. Корни таёжных деревьев разлапистые, жилистые, крючковатые. Цепко держатся за землю. Земля чёрная не отдавала их без труда. Долго возились колхозники с ними. Пот лил с колхозников, комары кусали... И атя махал топором, и с ати лил пот. Но он подбадривал других словами: «Корчевать, корчевать, корчевать! Будет хлеб, картошка! Картошка — второй хлеб!»

Картошка выросла. Я уже не раз её пробовал. Вкусно. Особенно вкусна та картошка, которую печёшь на углях, на горячей золе костра. И зимой в интернате, когда слишком холодно и голодно было, нас спасали картошка и каша. И каша, оказывается, тоже из «хлеба» — из колосьев. Кашу варят из крупы, крупу делают из колосьев, колосья растут на поле...

— Только вот думаю: выращивать хлеб и картошку, как русские люди, сможем ли мы, манси? — глядя на поле, говорит атя. — Русские люди — хлебопашцы, мастера. А мы мастера ловить осетра, муксуна. Перед манси сложит свои могучие лапы медведь и хитрущий соболь снимет с себя шкуру, охотнику её подарит. Мы, таёжные люди, умелые ловцы зверя и рыбы. Мы — охотники. Мы — рыбаки. Мы — мастера-ловцы, мы — следопыты. Вот это мастерство не утерять бы нам! Вот о чём я думаю, сын мой! Рыба — третий хлеб, вкусный хлеб, нежный хлеб. Плещется рыба — жизнь играет. Хлеб колосится — жизнь играет.

А в жизни главное — труд. Так я думаю. Запомни, сын мой! Корчуешь ли ты лес, пашешь ли поле, сеешь ли, поливаешь ли, следишь ли за всходами, — ты во всём этом увеличиваешь свою радость... В эту землю ты вложил свой труд, своё время, свои заботы, свою душу и песню. И она, эта земля, ответит зрелым колосом, большим хлебом. И если ты рыбу ловишь, зверя добываешь, богатство людей умножаешь, — это не только чистая радость, но и большой труд. А рыбу ловить, зверя добывать тоже не просто. Надо быть умельцем, мастером надо быть!

Золотыми волнами волновалось поле. Колхозное поле. Хлебное поле.

— Хлеб всему голова! — сказал отец, сорвав колос. — Но и колосья бывают пустыми, как и головы некоторых людей. Вот этот колос, например. Как он гордо стоял, покачивая головой. А посмотри: он пустой. Многие люди подобны ему, — сказал отец, о чём-то задумавшись. — Ты сам увидишь, когда вырастешь. Но помни: не твоё дело судить, к какому колосу принадлежит тот или другой человек. А думай, к полному или пустому колосу принадлежишь ты сам.

«Хлеб всему голова!» — говорят русские люди.

«Большую рыбу ловит лишь большой человек!» — говорят манси.

Думая о хлебе и большой рыбе, подумай, какой ты человек!

* * *

Мы вышли в гарь. Здесь когда-то играл огонь. А теперь здесь иван-чай заливает всё своими красно-лиловыми цветами.

Высокие стебли, похожие друг на друга, стоят прямо, как солдаты.

Их много-много.

Красно-лиловое море плещется и плещется, утомляя глаза...

А вокруг гари, у тайги, растут берёзки, ивы и рябины с подлеском из жимолости и кизельника. А между ними — герань, козелец, тысячелистник. И много других растений, имён которых я не знаю.

— Эту гарь надо распахать под поле, — говорит отец.

— А не жалко тебе этих растений?

— Среди всего растущего главное — хлеб и человек. Хлеб всему голова. Ведь всё для человека: и поле, и лес, и солнце...

* * *

Однажды мы с отцом приехали в город. Город сиял огнями. Столько огней я никогда не видел. В вечернем небе играло северное сияние. И хотя стоял большой мороз, город казался очагом тепла.

Наши олени остановились на центральной площади. На площади стоял бронзовый Ленин. Я сразу его узнал: видел на открытках. Прикрытый белым пушистым снегом, он, казалось, был одет в белую пушистую парку из меха молодого оленя.

* * *

Наступил месяц чёрной ночи, январь...

Самое суровое время года. Холодным сном уснуло всё живое. Медведь спит в берлоге. Белка не выходит из гнезда. Дятел перестал долбить кору старых лиственниц, кедров. Глухари и тетерева зарылись в снег. Часто в лесу, когда наступаешь на снег, из-под ног вылетает испуганная куропатка, белая как снег, живая, как облако. Белая сова сидит на белой ветви дерева, спрятав голову под крыло. Волки лежат в белом снегу, уткнув морды в густую шерсть.

Солнце зимнее показывается на мгновение. Сядет на вершину дерева, посидит холодной птицей, взмахнёт бледно-жёлтыми крыльями и — снова прячется за деревья, вызывая на небо луну. Бледный диск луны и днём не сходит со звонкого неба.

Холодно. Темно. Но мне нынче не холодно. У меня много друзей. Дерево, которое стоит рядом с нашим домом, — мой друг. Собака лайка — мой друг. Я её привёз из деревни дедушки. У меня есть друг — заяц. Летом его поймал. А теперь он как ручной. Берёт еду с моей руки. А ночью прыгает на меня заяц — мой друг...

* * *

Почти каждый день атя говорит мне:

Тот настоящий человек,
Кто не ленится целый век...
Не стыдно, когда не знаешь,
А стыдно, когда не учишься...
Кто много читает,
Тот много и знает.
Ученье ум развивает,
А лень притупляет.

И я стараюсь хорошо учиться. А в школе хорошо: много у меня товарищей, друзей. Весело мне с ребятами. И забываю, что у меня нет мамы. Часто лицо мамы сливается с лицом Евфросинии Ивановны, моей учительницы. И мне кажется, что мама и впрямь стала учительницей. И всё же иногда во сне мама беспокойно говорит, чтобы я не забывал отца, новый родной дом.

Птица крылата,
Далеко летает.

Птица крылата,
Да старого гнезда
Не забывает.
Неужели ты,
Когда станешь крылатым,
Забудешь дом родной?

Как это я могу забыть родной дом, если я заповедь знаю:

В школу пойдёшь —
В новый мир войдёшь.
Там светло, высоко,
Видно всё вокруг
Далеко-далеко!

* * *

Мой путь земной, чтоб счастие познать!
О Север мой!
Ведь я увидел много.
Легко ногам под солнышком шагать,
Дорога к счастию —
бескрайняя дорога.

Здесь всё в глазах родимое до боли.
Земля — тайга.
Земля — река.
И поле.

Мой путь земной,
чтоб счастие познать!!

В школе учиться хорошо. В школе и на самом деле светло, высоко. И видно всё вокруг далеко-далеко... Школа теперь мой самый светлый, высокий, тёплый дом...

Я просыпаюсь и радостно бегу в школу.

— Я человек! —
Запел северянин,
Запел во весь голос.
— Я не самоед! Я ненец!
Ненец — человек.
Я не дикарь — я ханты.
Ханты — человек.
Я манси, чукча, эскимос!
Я саами, ительмен, эвенк!
Я нивх, эвен, юкагир!

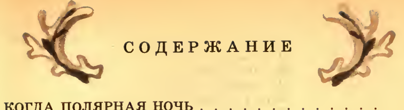
Тебе, северянин, дан дар
Быть огнедобытчиком!
Тебе, северянин, дан дар
Быть на земле Человеком!

* * *

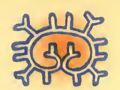
Я человек!
И я буду жить!
По законам природы...
Буду служить
Земле родной
И родному народу.
Я человек!
И я буду петь.
Загадки загадывать.
Легенды складывать.
Сказки сказывать.
Я человек!
И я буду жить!

СОДЕРЖАНИЕ

ДЛЯ МЛАДШЕГО
ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Шесталов Юван Николаевич

СНАЧАЛА БЫЛА СКАЗКА

Ответствеииый редактор
Н. Л. Страшкоаа.

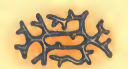
Художественный редактор
Б. П. Droздоа.

Технический редактор
Т. С. Харитонова.

Корреиторы
Б. Г. Арутюнян и Л. А. Бочкарёва.

ИБ 7410

Сдано а набор 12.01.84. Подписаио и печати 04.05.84. Формат 70×100$^1/_{16}$. Бумага офсетная № 2. Шрифт школьный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14, 3. Уч.-изд. л. 10, 39. Усл. кр.-отт. 58, 83. Тираж 150 000 эиз. Заказ № 612. Цена 90 коп. Лениироадское отделение орденов Трудового Красиого Знамени и Дружбы народоа издательства «Детская лнтература» Государстаенного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфни и книжной торгоали. 191187, Ленинград, наб. Кутузоаа, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполнграфпрома Государственного иомитета РСФСР по делам издательства, полнграфии н кннжной торгоалн. 193036, Лениирад, 2-я Советская, 7.

Шесталов Ю. Н.

Ш 51 Сначала была сказка: Повесть, стихи, сказки, загадки, песни/Рис. А. Коковкина.—Л.: Дет. лит., 1984. — 173 с., ил.

В пер.: 90 коп.

Автобиографическая книга в прозе и стихах о жизни мансийского мальчика-сироты, воспитанного советской школой.

4803010102—159
Ш———————438—84 **С(Сиб)2**
М101(03)—84

ЧИТАЙТЕ КНИГИ ЮВАНА ШЕСТАЛОВА, ВЫШЕДШИЕ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

МЫ ЖИВЕМ НА СЕВЕРЕ

Стихи

Рис. Н. Кочергина

1966, 20 с.

КРАСНАЯ ЛЕГЕНДА НА БЕЛОМ СНЕГУ

Повесть

Рис. А. Сколозубова

1979, 158 с.

СНЕЖНОЕ УТРО

Игрища загадок, сказок и песен

Рис. А. Коковкина

1981, 96 с.

90 коп.

